Рудольф Гесс

Комендант Освенцима

Автобиографические записки Рудольфа Гесса

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Публикация записей, сделанных после окончания войны бывшим комендантом концентрационного лагеря Освенцим, вызывает, разумеется, множество разных вопросов. Записки человека, по приказу которого совершались не постижимые разумом массовые убийства, могут, конечно, вызвать сенсацию. Насколько, однако, они достоверны, насколько могут считаться историческим документом? Разве память о бесчисленных жертвах Освенцима, да и чувство такта по отношению к выжившим узникам не лишает коменданта крупнейшего из всех известных концлагерей права быть услышанным? Неужели человек, который с помощью угроз и убийств годами заставлял заключенных умолкать навеки, может сейчас произнести последнее слово в качестве главного свидетеля?

Кроме сомнений такого рода, возможны и сомнения относительно подлинности документа, который несколько месяцев создавался в камере польской тюрьмы, пока их автор ожидал смертной казни. В связи с этим издатели сочли своим долгом дать предельно точную справку по вопросам возникновения и характера публикуемого источника, а в дальнейшем изложить свое мнение, согласно которому они видят в данных записках документальное свидетельство, достойное выхода в свет.

- КОМЕНДАНТ ОСВЕНЦИМА
  - Предисловие
  - РУДОЛЬФ ГЕСС: АВТОБИОГРАФИЯ
    - 1. Детство и юность (1900–1916)
    - 2. Доброволец военного времени (1916–1918)
    - 3. Добровольческий корпус и убийство (1919–1923)
    - 4. В Бранденбургской тюрьме (1924–1928)
    - 5. После освобождения: через «Артаманен» к СС (1929–1934)
    - 6. Концентрационный лагерь Дахау: блок- и рапортфюрер (1934–1938)
    - 7. Адъютант и шутцхафтлагерфюрер в кл Заксенхаузен (1938–1940) [41]
    - 8. Комендант Освенцима (1940–1943)
    - 9. Начальник службы в инспекции концентрационных лагерей (ноябрь 1943 — май 1945)

        - 10. После краха (1945–1947)
    - РУДОЛЬФ ГЕСС: ЗАПИСКИ
        - 1. «Окончательное решение еврейского вопроса» в к.л. Освенцим
        - 2. Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер
        - Именной указатель [204]
        - Примечания переводчика
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36

- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80

- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124

- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168

- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204

КОМЕНДАНТ ОСВЕНЦИМА
Автобиографические записки Рудольфа Гесса

Предисловие

KOMMANDANT IN AUSCHWITZ

Autobiographische Aufzeichnungen

von Rudolf Höß

Eingeleitet und kommentiert

von Martin Broszat

1958

DEUTSCHE VERLAGS-ANSTALT

STUTTGART

Возникновение, особенности записок Гесса и история их публикации.

Бывший оберштурмбанфюрер СС Рудольф Гесс, который с лета 1940 г. по январь 1945 г., в общей сложности три с половиной года руководил концентрационным лагерем Освенцим, и поэтому по праву может быть назван комендантом Освенцима, был арестован британской военной полицией 11 марта 1946 г. вблизи Фленсбурга (Шлезвиг-Гольштейн). За протоколом первого допроса, проведенного 13/14 апреля 1946 г. британской военной контрразведкой[1], последовали слушания в Нюрнберге. Там в апреле Гесс выступал в качестве свидетеля по делу главного обвиняемого Кальтенбруннера, а в середине мая он был допрошен сотрудниками американской юстиции в связи с так называемыми «процессом Поля» и «процессом И.Г.Фарбен»[2].

25 мая 1946 г. Гесс был выдан Польше, где Верховный народный трибунал, начавший процесс по делу военных преступников, выдвинул против него обвинение. До начала процесса в Варшаве прошло 10 месяцев. Лишь 2 апреля 1947 г. Верховный народный трибунал Польской Республики вынес Гессу приговор, который был приведен в исполнение 14 днями позднее. 16 апреля 1947 г. Гесс был повешен в Освенциме. Время между выдачей Польше и осуждением Гесс провел в следственной тюрьме Кракова, где с сентября 1946 г. по январь 1947 г. шло предварительное следствие.

Во время заключения в краковской тюрьме Гесс написал часть обширной рукописи, важнейший фрагмент которой здесь впервые публикуется на языке оригинала — немецком. Этот фрагмент занимает 237 листов, исписанных с обеих сторон. По времени и причинам возникновения, а также по содержанию эта рукопись (на 237 листах) разделена на две части. Одна ее половина представляет собой последовательное повествование на 114 листах, которое Гесс озаглавил как «Моя душа. Становление, жизнь и переживания» — это описание внешней стороны жизненного пути и внутренней жизни (автобиография). Другая

часть представлена 34 рукописями весьма неравного объема. Большей частью речь в них идет о руководстве СС (Гиммлере, Поле, Айке, Глобочнике, Генрихе Мюллере, Эйхмане и др.)[3], а также о ряде эсэсовских функционеров, игравших в Освенциме главные роли. К этой части примыкает и небольшая группа записок, посвященных определенным темам (исполнение приказа об уничтожении евреев в Освенциме, трудоиспользование заключенных, внутрилагерный распорядок и др.)

В то время, как Гесс писал автобиографический отчет по собственной инициативе (он приступил к этому занятию лишь в январе-феврале 1947 года, после окончания предварительного следствия и в ожидании начала процесса), записи, сделанные между октябрем 1946 г. и январем 1947 г., находятся в более или менее тесной связи с допросами, которые провел краковский следователь доктор Ян Сень. Поскольку польская сторона не только хотела быстро подготовить материал, необходимый для вынесения приговора по делу Гесса, но и, учитывая роковое историческое значение Освенцима, желала собрать как можно более полные сведения об этом лагере, беседы с Гессом распространились также на вопросы, касающиеся не только его самого[4]. Сыграла свою роль и подготовка к проведению в Кракове следующего процесса Верховного народного трибунала — по делу 40 штабных служащих Освенцима [5]. Следует также учесть, что и на следствии в Кракове проявилась та же особенность, которая была замечена еще в Нюрнберге: комендант Освенцима оказался подследственным, в высшей степени готовым к сотрудничеству; эта неожиданная готовность, подкрепленная хорошей памятью, как правило, позволяла ему отвечать на поставленные вопросы точно и адекватно. Гесс проявил своего рода запоздалый интерес к предмету разговора — это явствует уже из допросов со стороны американского военного трибунала в Нюрнберге [6]; эта особенность поведения Гесса была отмечена и благодаря сообщениям д-ра Сеня о проведенных им допросах в Кракове. Спонтанные высказывания, поправки, приходившие Гессу на ум, свидетельствовали о его готовности чуть ли не дружески помогать следователю.

Хотя в Кракове Гесс был поставлен в известность о том, что польское уголовно-процессуальное законодательство предоставляет ему право отказываться от своих показаний, он это право никак не использовал. Напротив, в своих дополнительных записях, которые Гесс вручил польскому следователю, он добровольно дал весьма детальные и деловые сведения о многочисленных персонах и доверенных ему секретах. Гесс писал эти сообщения между допросами. Частично они стали итогом его

подготовки к очередным допросам. Иногда подобные письменные показания создавались задним числом, ради дополнения уже сделанных заявлений. Некоторые темы Гесс освещал и по собственной инициативе.

О психологических основах такого поведения речь еще пойдет. Однако совершенно очевидно, — это явствует из сверки и пересмотра показаний и записей Гесса, — что они ни в коем случае не являются продуктом тщеславия. Несмотря на множество перспективных искажений и обилие ретуши, эти записи потрясают своей бухгалтерской сухостью и деловитостью.

Потребность заполнить время заключения работой, желание поделиться с судом своими знаниями и опытом — все это подтолкнуло Гесса к написанию автобиографии. Разговоры с польским следователем, а также с краковским тюремным врачом и психиатром доктором Батавией утвердили его в этом намерении — после того, как стало очевидным, что комендант Освенцима никак не может быть причислен к «обычным преступникам», Гесс, естественно, ощутил растущий интерес к своей личности.

Благодаря дружескому содействию д-ра Яна Сеня и бывшего директора Музея Освенцима К.Смоленя, Институт современной истории располагает фотокопиями всех сделанных в Кракове записок Гесса, которые и послужили основой настоящего издания. Оригиналы находятся в Министерстве юстиции Польши (Варшава) и наряду с другими немецкими документами времен германской оккупации принадлежат администрации польской Главной комиссии по расследованию преступлений национал-социализма в Польше (Głowna Komisja Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce). В ноябре 1956 г. редактор данного издания имел возможность с ними ознакомиться. Формальная аутентичность записок твердо установлена в результате экспертизы, материалом для которой послужили и записи Гесса, сделанные им еще раньше [7]. Тем не менее, о подлинности записей свидетельствует прежде всего их психологическая и историческая достоверность. То, что писал Гесс, и то, как он писал, ясно указывает на авторство коменданта Освенцима, хорошо знакомого с описанным объектом. Одновременно такая осведомленность является и признаком того, что мы имеем дело с записями, сделанными добровольно, без каких-либо посторонних влияний или манипуляций. К тому же многие подробности краковских записок и удивительная, нарастающая откровенность автора уже были зафиксированы в нюрнбергских протоколах и в рассказе д-ра Гилберта о Гессе [8].

Подобно запискам, возникшим между допросами,

автобиография Гесса также обязана позыву исповедаться следователям. Безотказно функционировавший комендант Освенцима проявил себя и как образцовый подследственный, который не только аккуратно раздавал знания о концлагере и об уничтожении евреев, но и стремился также облегчить работу тюремного психиатра, ради чего он написал подробный отчет о себе самом, о своей жизни и о своей, насколько он ее понимал, «душе». Такой контекст объясняет и странности поведения, еще более явно запечатленные в автобиографии Гесса: усердно-торопливая добросовестность человека, признающего какой-либо авторитет лишь в службе, исполняющего свои обязанности, будь он палач либо арестант, лишь на вторых ролях, всегда отрекавшегося от своей личности, и в форме автобиографии услужливо предавшего свое «Я», свое ужасающе пустое «Я» суду — ради того, чтобы послужить *делу*.

Насколько кошмарными были обстоятельства, сделавшие возможными данные записки, настолько они, как исторический документ, представляют и уникальную, в том же смысле, личность автора. Читателю предлагается не только полнота фактов, но одновременно и взгляд в глубины психологии, взгляд на интеллектуальные и душевные структуры, которые в обычных условиях не смогли бы стать явными. Уже семь лет назад необычность этого источника подтолкнула варшавскую Главную комиссию к первой публикации записок Гесса в переводе на польский язык. Они были напечатаны в бюллетене Главной комиссии по расследованию преступлений национал-социализма в Польше (том VII), который в 1951 г. был выпущен варшавским издательством Министерства юстиции. Кроме автобиографии, в это издание вошли и некоторые из кратких особых записок Гесса. Вступление к данной публикации написал уже упоминавшийся польский криминолог, профессор д-р Станислав Батавия (согласно сообщению профессора, он провел в общей сложности 13 многочасовых бесед с Гессом). Затем в 1956 году варшавским Юридическим издательством было выпущено второе, полное издание записок Гесса на польском языке под названием «Wspomnienia Rudolfa Hoessa, Komendanta Obozu Oswiemskogo» («Мемуары Рудольфа Гесса, коменданта лагеря Освенцим»). Оно включило в себя все записки Гесса, в том числе автобиографию, а кроме того, оба прощальных письма — Гесс написал их 11 апреля 1947 г. своей жене и детям. Оба письма перед отправкой из Польши в Германию были сфотографированы[9]. Предисловие ко второму польскому изданию написал д-р Сень. Издание было снабжено комментариями и некоторыми пояснениями.

С обоими польскими изданиями ознакомились лишь

немногие специалисты в Германии и в странах Запада[10], а ослепительно-ужасающее содержание этого документа дало одному французскому писателю повод для перенесения действия в роман[11]. И все же знакомство с записками Гесса больше не может ограничиваться столь узким кругом. Их польского перевода явно недостаточно. Издания требует сам оригинал, написанный на немецком языке. Специфический стиль записок, которому, по свидетельству сочинителя, придавалось важное значение, может быть понят только в немецком оригинале. Постоянная вычурность в выборе слов и выражений, с помощью которых Гесс хотел показаться эстетом, его стесненные изобразительными клише «саморазоблачения», наконец, нацистский жаргон, к которому Гесс все же случайно, но постоянно прибегает, — все это в переводе неизбежно теряется.

При подготовке немецкого оригинала издатели не сочли уместным следовать польскому примеру и публиковать все записки Гесса. Подобная публикация возможна, но едва ли она желательна в данном случае. В автобиографии Гесс очень часто касался вещей, о которых он уже рассказал теми же словами в других рукописях. Эти многочисленные повторения были учтены. К тому же краковские записки Гесса — лишь часть того, что он уже сообщил, начиная с момента своего ареста. Действительно сплошная публикация всех высказываний Гесса об Освенциме, концентрационных лагерях и т. д. означала бы и публикацию протоколов всех его допросов. Наконец, из-за своей бессодержательности, а также субъективности суждений многие записи просто не заслуживают публикации.

Поэтому настоящее издание ограничивается публикацией написанной в январе-феврале 1947 г. автобиографии. Кроме того, оно включает в себя две особые записки, созданные Гессом в ноябре 1946 г. Фактически они стали окончанием автобиографии. Эти записки отобраны прежде всего потому, что они содержат сообщения об Освенциме. А поскольку оба документа опираются на жизненный опыт и переживания самого Гесса, издатели и дополняют ими автобиографию. На ряд важных показаний Гесса, не вошедших в данное издание, справочный аппарат дает ссылки.

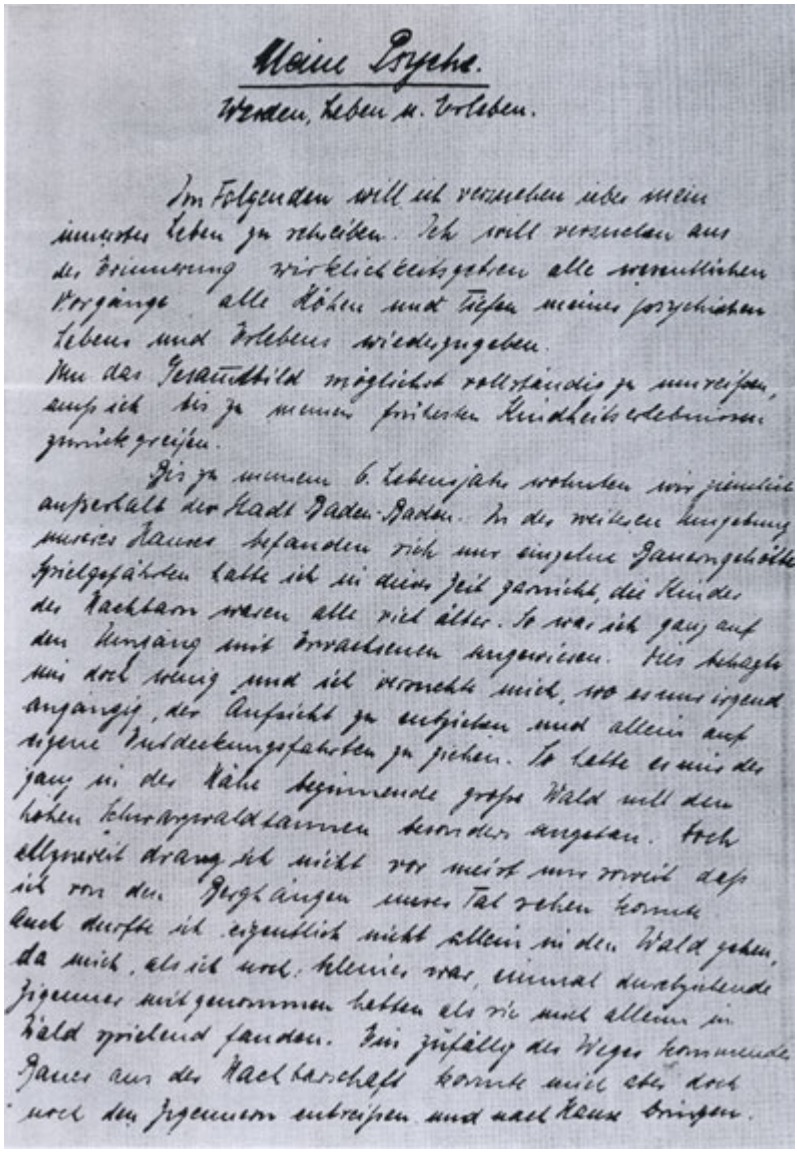
По поводу редакторской работы необходимо добавить также следующее: из текста изъяты четыре фрагмента размером в несколько страниц; эти изъятия оговариваются и обосновываются в соответствующих местах[12]. Кроме того, был исправлен ряд сравнительно нечастых орфографических и синтаксических ошибок. Правке подверглась и своеобразная пунктуация, присущая запискам Гесса. Сами по себе речевые обороты и стиль, напротив, везде остались нетронутыми. Уточнение

незначительного количества слов вызвано необходимостью реконструкции неразборчивых фрагментов текста. Уместной оказалась и расшифровка при публикации большей части сделанных Гессом сокращений — особенно тех, которые (к примеру, наименования чинов и др.) были обычны в эсэсовском обороте, но большинству читателей все же непонятны. Были сохранены лишь прочно укоренившиеся, а также официальные сокращения, часто повторяющиеся в изложении Гесса (к примеру, КЛ — концентрационный лагерь). Хотя Гесс весьма часто и не всегда к месту подчеркивал отдельные слова и целые предложения, все участки текста, которые он таким образом отметил, выделены курсивом.

Чтобы автобиография, написанная без каких-либо интервалов, оказалась более удобной для чтения, она была разбита на 10 озаглавленных частей. Соответствующие названия главам дал не Гесс, а редактор. Уместным оказалось также сделать, в дополнение к данному предисловию, ряд примечаний, пояснений, исправлений и ссылок на другие источники. Эти примечания относятся лишь к лицам, местам, учреждениям и отдельным фактам, особо важным для понимания автобиографии Гесса. Тем не менее, эти примечания не ставят перед собой цели как-либо исправить субъективные и часто неверные суждения, содержащиеся в записках.

Издатели признательны польским коллегам за проявленную любезность, а также за помощь, оказанную ими при подготовке научного издания записок Гесса. Особую благодарность они хотели бы выразить г-ну д-ру Яну Сеню (Краков), Музею Освенцима и г-ну Германну Лангбайну из Освенцимского комитета (Вена).

Суть и значение автобиографических записок Гесса.



Meine Beichte.

Werden, Leben u. Erleben.

Im Folgenden will ich versuchen über mein
inneres Leben zu schreiben. Ich will versuchen aus
der Erinnerung wirklich Erlebtes alle wesentlichen
Vorgänge alle Höhen und Tiefen meines psychischen
Lebens und Erlebens wiederzugeben.
Um das Gesamtbild möglichst vollständig zu umreißen,
muß ich bis zu meinen frühesten Kindheitserlebnissen
zurückgreifen.

Bis zu meinem 6. Lebensjahr wohnten wir ziemlich
außerhalb der Stadt Baden-Baden. In der weiteren Umgebung
meines Hauses befanden sich nur einzelne Familiengehöfte
Spielgefährten hatte ich in dieser Zeit garnicht, die Kinder
der Nachbarn waren alle viel älter. So war ich ganz auf
den Umgang mit Erwachsenen angewiesen. Dies behagte
mir doch wenig und ich versuchte mich, wo es nur irgend
anging, der Aufsicht zu entziehen und allein auf
eigene Entdeckungsfahrten zu gehen. So hatte es mir
ganz in der Nähe beginnende große Wald mit den
hohen Tannenstämmen besonders angetan. Doch
allzuweit drang ich nicht vor meist nur soweit daß
ich von den Spaziergängen unserer Tal sehen konnte
Auch durfte ich eigentlich nicht allein in den Wald gehen,
da mich, als ich noch kleiner war, einmal dunkelnde
Zigeuner mitgenommen hatten als sie mich allein im
Wald spielend fanden. Ein zufällig des Weges kommende
Damen aus der Nachbarschaft konnte mich aber doch
noch den Zigeunern entreißen und nach Haus bringen.

Первый лист рукописи Гесса.

Конечно, сведения об Освенциме и об уничтожении евреев не новы. Об этом говорилось на послевоенных процессах. Собрано множество документальных свидетельств и показаний бывших заключенных и бывших эсэсовцев. Все они находятся в распоряжении историков, значительная часть этих источников

уже опубликована.

Отличие же автобиографических записок Гесса от этих документов заключается в следующем: здесь выступает сам комендант Освенцима, который подробно и связно рассказывает о своей карьере от Дахау и Заксенхаузена до Освенцима; он сообщает множество подробностей о концентрационных лагерях и о практике уничтожения евреев. К моменту выступления Гесса в Нюрнберге об Освенциме было известно уже многое. И все же, когда он с той же феноменальной деловитостью, которая присуща и данной публикации, докладывал на процессе о событиях в Освенциме, его повествование стало сенсацией, шокирующей почти до состояния паралича. Как это подтверждается и сообщением д-ра Гилберта, тогдашнее выступление Гесса, его будничные разъяснения по поводу газовых камер и массовых убийств в Освенциме, вызвали на скамье главных обвиняемых то продолжительное чувство ужаса, которое, в частности, лишило всякой достоверности насквозь театральное, мнимое неведение Геринга. Тот, кто все еще не мог пустить в сознание правду об Освенциме, которая уже во время войны вырывалась за границу, и которая подтверждалась слухами внутри Германии, того лишили последних сомнений сообщения бывшего коменданта об изощренной, превосходящей возможности человеческого понимания технике массовых убийств, реализованной в Освенциме демонами национал-социализма. Подобную роль сегодня могут сыграть записки Гесса — несмотря на прочие доказательства, факту Освенцима и массовым убийствам евреев в газовых камерах все еще противостоят широко распространенные сомнения, либо, по крайней мере, не совсем точные, не уверенные в себе знания. Эта публикация противостоит бездонной бесчеловечности. Она может и она должна приблизить тот катарсис, которого требует национальное самоуважение после эпохи Третьего рейха.

Ценность автобиографии Гесса как исторического источника заключается, конечно, не только в представлении подробных сведений о системе концентрационных лагерей и о катастрофе Освенцима. Автобиография также представляет собой самоотчет человека, создавшего концлагерь Освенцим и распоряжавшегося в нем. Это и описание типа людей, которые обслуживали фабрику смерти, объяснение их душевной конституции, определение умственных и психических свойств, открывшихся в практике массовых убийств. В своих записках Гесс подсознательно стремится к ясности в этих вопросах, и здесь, возможно, наблюдается его высшее духовное достижение. Случай Гесса со всей очевидностью показывает, что массовые убийства не связаны

с такими качествами, как личная жестокость, дьявольский садизм, кровожадность, с так называемой «озверелостью», которые простодушно считаются атрибутом убийц. Записки Гесса радикально опровергают эти крайне наивные представления, но воссоздают портрет человека, который действительно руководил повседневным убийством евреев. В общем и целом этот человек был вполне зауряден и ни в коем случае не зол. Напротив, он имел чувство долга, любил порядок, животных и природу, имел своего рода склонность к духовной жизни и даже мог считаться «моральным». Одним словом, автобиография Гесса — указание на то, что подобные качества не предохраняют от бесчеловечности, что они могут быть извращены и поставлены на службу политической преступности. Записки Гесса тем и ужасны, что они основаны на вполне обывательском сознании. Эта автобиография больше не позволяет категорически отделять жестоких по натуре от тех, кто выполнял свое дело из чувства долга, или от людей, благую природу которых извратило дьявольское ремесло. Пример Гесса показывает: бесчеловечную суть Третьего рейха нельзя понять, есть свести газовые камеры и концлагеря лишь к проявлению особой тевтонской жестокости. Несомненно, концлагеря закономерно становились сборным пунктом для опустившихся и одичавших личностей из рядов СС, причем систематическое воспитание надзорсостава в духе непременной твердости, а также идеологическая апелляция к низменным инстинктам усугубляли эти пороки. Гиммлер, Гейдрих или Айке (инспектор концентрационных лагерей) допускали и всячески покрывали произвол отдельных комендантов и надзирателей по отношению к заключенным, брали их на заметку, чтобы повысить уровень террора. И все же этот дьявольский расчет на низменные инстинкты и порывы (а Гиммлер, в своей манере величайшего макиавеллиста, не упускал из виду и их), не был основой системы. Он не соответствовал представлениям самого Гиммлера о желаемом. Произвольные истязания заключенных отдельными эсэсовцами, их собственный садизм, и даже случаи наживы на заключенных — это расценивалось Гиммлером как слабость, наравне с порывами сострадания. Его идеал воплощался в дисциплинированном лагеркоменданте типа Гесса, который был безоглядно исполнителен, не боялся никаких приказов, и при этом оставался лично «порядочным». Начальник лагеря Освенцим-Биркенау оправдал все ожидания Гиммлера, который 4 октября 1943 г. заявил на собрании руководства СС по поводу уничтожения евреев:

«Большинство из вас знает, что такое видеть сто или пятьсот, или тысячу уложенных в ряд трупов. Суметь стойко выдержать

это, не считая отдельных случаев проявления человеческой слабости, и остаться при этом порядочными — именно это закалило нас. Это славная страница нашей истории, которая еще не была написана и которая никогда не будет написана»[13].

В этих словах провозглашается то же истолкование механической исполнительности как высшей добродетели, что и в записках Гесса. Гесс неуклонно повторяет в них, как он боролся с «гангстерскими типами» из эсэсовского надзорсостава, с чувством собственного достоинства он заявляет, что издевательства и произвол надзирателей наравне с их «халатным добродушием» подрывали систему концлагерей. Идеальными для национал-социализма комендантами были в конечном счете не лично жестокие, развратные и опустившиеся личности из числа эсэсовцев, а Гесс и ему подобные. Их «самоотверженность» на службе в концлагерях и их неустанная деятельность делали систему лагерей работоспособной. Благодаря их «добросовестности» то, что имело вид учреждения порядка и воспитания, было инструментом террора. Они также были исполнителями «гигиенических» массовых убийств в таких формах, которые позволяли убийцам тысяч людей не чувствовать себя убийцами. Потому что как операторы газовых камер они чувствовали свое превосходство над обычными убийцами, взломщиками банков и асоциальными элементами. Исполнители были слишком чуткими, чтобы постоянно иметь дело с кровью. Здесь примечательно то место в записках Гесса, где он рассказывает, как испытал чувство облегчения, выяснив, что с помощью «Циклона-Б» массовые убийства можно проводить просто, бесшумно и бескровно (стр. 122 и далее). Чем меньше крови, истязаний, извращений было при убийствах, чем больше они приобретали организованный, «фабричный», «чисто» военный вид, чем больше массовые убийства оказывались четкой работой анонимного механизма, тем меньше эти события волновали. Тем вернее массовые убийства вписывались в доктрину искоренения «расово и биологически чуждых элементов и осквернителей народа», в которой убийства евреев становились необходимым актом всенародной «борьбы с вредителями»[14]. Впрочем, и сама по себе кошмарная массовость убийств, крайняя безликость униформированной массы заключенных, дьявольские инсценировки, придававшие исполнительным органам СС вид еврейских зондеркоманд, — все это психологически ограждало надзорсостав и от порывов сострадания, и от случаев депрессии. Биография Гесса объясняет, что технику массовых убийств изобрели и использовали не какие-то выродки — нет, это стало делом самолюбивых, одержимых чувством долга, авторитарных,

воспитанных в традиции быть послушными до состояния падали, надменных обывателей, которые позволили убедить себя и убедили себя сами, что «ликвидация» сотен тысяч людей была службой народу и отечеству.

Самой страшной манифестацией этого документа нам кажется та уже отмеченная связь между обывательским высокомерием и услужливой сентиментальностью с одной стороны, и ледяной беспощадностью исполнителя — с другой. Газовые камеры не способны растревожить душу сентиментального убийцы, убийство становится техникой, голым организационным вопросом — этот дух механического Гесс демонстрирует в крайнем своем проявлении. Он человек, для которого массовые убийства — это только справедливость. Он должен принимать неизбежное и выполнять долг, не задумываясь о последствиях, но при этом он ошеломлен «криминальными деликтами», а обсуждая сексуальные аномалии, он брезгливо морщится. Писатель Гесс здесь вовсе не отличается от коменданта Гесса. «Духовная жизнь» Гесса, о которой он часто заводит речь в автобиографии, лишь заменяет действительность. Одновременно она и «эстетический» отдых от бесчеловечного ремесла. Но его «духовность» не имеет связи с внешним миром. Это сентиментальность интроверта, играющего роль для самого себя. Содержание души Гесса раскрывает его рассказ про то, как после массовой расправы в газовых камерах он искал успокоения у лошади в стойле. Она раскрывается в мнимо простодушном рассказе о доверчивых цыганских детях в Освенциме, которые были его «любимыми заключенными». Душа Гесса обнажается, когда он делает этнографические зарисовки или когда он с непревзойденной бестактностью заканчивает описание своих переживаний после первого опыта с массовым убийством в газовых камерах: «Сотни цветущих людей шли под цветущими фруктовыми деревьями крестьянского двора [где находились газовые камеры — ред.], не ведая о своей обреченности. Эта картина жизни и ухода из нее и сейчас ярко стоит перед моими глазами» (стр.153/54). До Гесса не доходит ирония его сердечных излияний, он просто не улавливает их непристойности. Все его описания массовых удушений сделаны как будто сторонним созерцателем. Гесс бережет себя от признаний в убийстве, которое почти ежедневно совершалось под его руководством в тысяче разных форм. Но убийства сопровождались душераздирающими сценами, и Гесс ставит себе в заслугу свою впечатлительность. Сосуществование бесчувственности к массовым убийствам и велеречивое их описание показывает в Гессе самоуверенность буквально шизофренического сознания.

Характерно при этом, среди прочих, то место (стр. 104), где Гесс описывает доверчивость цыганских детей к врачам, делавшим им смертельные инъекции: «Право же, нет ничего тяжелее, чем быть вынужденным хладнокровно, без сострадания и жалости совершить это». Свойственный Гессу эгоцентризм позволяет превратить убийство беззащитных детей в трагедию убийцы. Ту же гнусность иллюстрирует морализаторская самоуверенность Гесса в его рассказе об участии еврейских зондеркоманд в уничтожении собратьев по расе и вере (стр. 126). Он, беспрекословно выполнивший все приказы об убийствах, и как комендант ответственный также за циничную практику привлечения евреев к самой грязной части этой «работы», берется судить обреченных людей, пытавшихся вымолить себе отсрочку.

Как экстремальная форма, случай Гесса беспрецедентно ясно констатирует ту ситуацию всеобщего извращения чувств и моральных понятий, то расщепление общественного сознания, которые в национал-социалистической Германии позволяли бесчисленному множеству людей служить режиму Гитлера и Гиммлера даже тогда, когда его преступный характер уже нельзя было не замечать. Автобиография Гесса дает понять, почему именно люди его духовной и моральной конституции становились последователями Гитлера. Их чувство «честного» было фактически разрушено. Уже не осознаваемое, ставшее их натурой двоемыслие обращало их в своих собственных пропагандистов, делало их всегда правыми и лишало чувства вины. Уже слова, которые Гесс подбирал для своих записок, подтверждают это. Он называет «неправильным» то, что было преступным, он называет массовый террор в Дахау «наказанием», которое следовало твердо исполнять, и тут же удивляется «распространению клеветнических измышлений» за границей, которые не прекратились «даже когда тысячи евреев благодаря им были расстреляны» (стр. 109). Такие конфузные парадоксы становятся очевидными и там, где Гесс упоминает «Хрустальную ночь» и пишет, как везде в синагогах «возникали» пожары. Такого рода формулировки, которые Гесс часто делает наивно и без прямого апологетического намерения, вообще симптоматичны для двойственности его жизнеописания, почти во всей своей полноте сохранившего нацистское сознание и свойственный ему лексикон.

Записки Гесса содержат удивительно откровенные разоблачения, но они ни в коем случае не свидетельствуют о раскаянии. Хотя их сочинитель уверяет, что признал уничтожение евреев преступлением, десятки фрагментов автобиографии доказывают, что за этим признанием ничего не стоит. В целом

апатичная деловитость его автобиографии в принципе исключает подлинную депрессию[15]. Гесс, так сказать, формально признает выдвинутые против него обвинения. Однако Гесс сохраняет убежденность (которая к концу записок только усиливается) в трагичности своей судьбы, а в последних предложениях он ропщет на мир, который требует его смерти и видит в нем убийцу миллионов, хотя он все же имел «сердце» и был «неплохим». Тем не менее, судьбу Гесса лишают трагизма его собственные записки: они свидетельствуют о том, что, будучи комендантом Освенцима, он не особенно возмущался своим занятием и тем более против него не восставал. К примеру, он пишет, что отзыв из Освенцима в ноябре 1943 г. был для него «болезненным расставанием», что он слишком сильно «сросся с Освенцимом» (стр. 130 и далее). Поэтому при оценке переживаний, описанных Гессом в автобиографии, следовало бы сохранять бдительность. Многое в них, включая описание детских лет автора, — явное самолюбование, многие события в них корректируются при описании — возможно, и не осознанно. Например, Гесс сообщает, как в детстве он пресекал все порывы нежности со стороны своих сестер (стр. 26), как «с горящим воодушевлением» слушал увлекательные рассказы миссионеров — друзей своего отца, как он любил одиночество в лесу, «никогда не был добрым мальчиком или даже образцовым ребенком», но охотно «озорничал» и принимал участие во всех детских играх — все это идеально соответствует шаблонам гитлерюгенд. Подретушировал Гесс и описание своих отношений с женщинами — например, он умалчивает об интимных связях с еврейкой, которые поддерживал, будучи комендантом Освенцима, и за которые чуть не предстал перед эсэсовским судом[16]. Впрочем, в этом случае Гесс просто обнажает свой образ мелкобуржуазного лицемера, способного на всё, чтобы выкрутиться из пакостной ситуации. В том же духе выдержано описание добровольческого корпуса и убийства, где подлинные события также приукрашены и подогнаны к образу самоотверженного Гесса.

Праведнический пафос, которым пронизаны записки Гесса, и который может смутить некритически настроенного читателя, не имеет под собой твердой основы.

В то же время неоспоримые факты из автобиографии Гесса делают ее довольно содержательной. Они иллюстрируют нечто большее, чем отдельно взятую жизнь. Даже ее сугубо внешние моменты весьма характерны для биографий целой группы немцев из поколения Гесса. От участия юного добровольца в Первой мировой войне — к службе в добровольческом корпусе и в соединениях послевоенного времени, или, позднее, переход из

движения сельских поселений «Артаманен» в СС — здесь не так уж много случайностей личной жизни, здесь о себе документально заявляет тенденция развития эпохи. И хотя Гесс считает себя индивидуалистом, одиночкой, тем более симптоматично, что он прошёл этот путь. Показательно в этой связи также признание Гесса в том, что он всегда хорошо чувствовал себя среди сослуживцев. Гесс явно не понимает, что известный вид самоуглублённого индивидуализма представляет собой как раз массовое заболевание, что его «внутренняя жизнь», его погружения в любовь к животным, описанные в автобиографии — не что иное, как уход от общения с людьми, компенсация невозможности человека установить связь с другим человеком. Совершенно очевидно, что и абсолютизация мужской дружбы также выполняет в случае Гесса компенсационную функцию. Корпоративное товарищество, даже с учётом его позитивных сторон, основано всё же не на личных свойствах индивидов. Его создаёт сама по себе ситуация группы, сама принадлежность к ней, которая чётко и безразлично делает «товарищем» каждого участника, несмотря на его индивидуальные особенности. Такое товарищество авторитарно, оно основано не на совокупности личных качеств и их взаимном дополнении, — напротив, это принудительная дружба, «дружба невзирая на лица». Гесс бежал из семьи и мира штатских с присущей этому миру ответственностью индивида перед индивидами — и принадлежность к любому сообществу мужчин, будь то воинская часть, добровольческий корпус или СС, стала для него формой существования. И здесь также даёт о себе знать нечто большее, чем личная судьба. Гесс может жить лишь в мире «долга» и иерархических отношений. Здесь его поле деятельности, здесь он хорошо ориентируется и оказывается пригодным. И разница между фронтовым подразделением, добровольческим корпусом, тюрьмой и, наконец, «орденом» СС оказывается здесь лишь формальной разницей. Гесс равно исполнителен и как солдат в окопе Палестинского фронта, и как заключённый Бранденбургской тюрьмы, а позднее — как блокфюрер и комендант концентрационного лагеря. Он — всегда безотказный исполнительный орган какой-нибудь власти.

Теми же свойствами объясняется и въедливая деловитость записок Гесса, сделанных в следственной тюрьме Кракова. Возможность писать он оценивает в автобиографии как задание и работу, доставляющую ему радость и смягчающую тяжесть его заключения (стр. 63). И это настроение вполне четко отражено содержанием и стилем автобиографических записок — они образец подневольной работы, исполненной на совесть. Пытаясь

повысить ценность своего труда, Гесс с особым рвением делится тем, что считает главными сокровищами своего опыта — итогами многолетних размышлений о тюремной и лагерной психологии, о менталитете надзирателей и заключенных. Не чувствуя при этом, как плохо выглядят подобные поучения со стороны коменданта Освенцима, Гесс то и дело прерывает свое жизнеописание подобными «профессиональными» суждениями, выдержанными в том же рутинном стиле социального работника, который отличал бесчисленное множество отчетов карательных подразделений, почти ежедневно поступавших в Главное управление имперской безопасности. Возможно, самое интересное в этих рассуждения — то обстоятельство, которому они подчинены. Они касаются почти исключительно одной проблемы — технологии более эффективного обращения с заключенными. Записки Гесса в этом смысле представляют своего рода руководство по теме «Управление заключенными в тюрьмах и лагерях», и в этом качестве они по праву могли бы быть представлены в эсэсовскую Инспекцию концентрационных лагерей.

Здесь мы хотели бы закончить критический и ни в коем случае не полный обзор автобиографии Гесса. Мы не ставили перед собой задачу предвосхитить или тем более закрепить ее интерпретацию. И все же попытка критического анализа показалась нам необходимой. Его требует многослойность зла, изобличающего себя в этом документе; кроме всего прочего, бесстыдная деловитость и возмутительная манера исторического свидетельствования, присущие запискам Гесса, кажутся нам не менее знаменательными, чем сделанные автором сообщения об ужасающе ясных фактах. Как бы то ни было, в жизненном пути Гесса самым наглядным образом представлена вся кошмарность и, одновременно, ужасающая реальность 12 лет национал-социализма. Полуобразованный Гесс с его мутными идеалами, его грубым ухарством и наивной верой в авторитет, человек, который благодаря моральной тупости и служебному рвению стал послушным орудием преступника, но при этом не смел сознавать, что исполнение долга было преступлением — это не особый психологический случай, несмотря на индивидуальные симптомы. Это проявление общей клинической картины далеко зашедшего безумия времен Гитлера.

Предисловие и комментарии Мартина Брозата, 1958, Deutsche Verlags-Anstalt, Штутгарт

РУДОЛЬФ ГЕСС: АВТОБИОГРАФИЯ (название оригинала: «Моя душа. Становление, жизнь и переживания»)

1. Детство и юность (1900–1916)

В настоящем я хочу попробовать написать о своей внутренней жизни. Я хочу попробовать достоверно воссоздать на основе воспоминаний все важные события, все высоты и глубины моей психической жизни и переживаний.

Чтобы очертить общую картину по возможности полнее, я должен обратиться к переживаниям своего раннего детства.

До шестого года моей жизни мы жили в пригороде города Баден-Баден. В окрестностях нашего дома находились лишь отдельные крестьянские дворы. Товарищей по играм я в это время совершенно не имел, все соседские дети были намного старше меня. Таким образом я довольствовался общением со взрослыми. Все это мало радовало меня, и там, где это было возможно, я пробовал избавиться от надзора и в одиночку предпринять собственную исследовательскую экспедицию. Особенно кружили мне голову высокие ели в большом лесу Шварцвальда, который начинался совсем рядом. Однако я проникал не слишком далеко, лишь настолько, насколько мог видеть нашу долину с горных вершин. К тому же я, собственно, и не мог самостоятельно ходить в лес, поскольку однажды, когда я был еще младше и один гулял в лесу, меня там встретили и украли бродячие цыгане. Случайно повстречавшийся на дороге сосед-крестьянин все же смог отнять меня у цыган и привести домой. Мне также очень нравилось большое городское водохранилище. Я мог часами слушать таинственный шум за толстыми стенами и не мог понять его причину, несмотря на объяснения взрослых. И все же большую часть времени я проводил в крестьянских стойлах, и когда меня искали, то смотрели прежде всего в стойлах. Особенно мне нравились лошади. Я никогда не мог удовлетвориться тем, что глажу их, разговариваю с ними или скармливаю им лакомые куски. Если предоставлялась возможность поухаживать за ними, я тут же хватал чесалки и щетки. К постоянному страху крестьян, я при этом ползал между лошадиных ног, но ни разу ни одно животное не ударило меня, не лягнуло и не укусило. Даже с самыми свирепыми быками я дружил. Я также не боялся собак, ни одна из них никогда мне ничего не сделала. Я откладывал самую любимую игрушку, когда предоставлялась возможность улизнуть

в конюшни. Моя мать перепробовала все возможное, чтобы отучить меня от этой опасной, как ей казалось, любви к животным. Но всё было напрасно.

Я был и остался одиночкой, больше всего мне нравилось играть одному и без надзора. Я не любил, когда кто-то наблюдал за мной.

Я также испытывал непреодолимую тягу к воде, мне все время надо было мыться и купаться. При первой же возможности я мылся или купался, в ванне или в ручье, который протекал через наш сад. Из-за этого я испортил множество вещей — одежды, игрушек. Эта страсть возиться с водой и сейчас сохранилась во мне. На седьмом году моей жизни состоялось наше переселение в окрестности Мангейма. Снова мы жили за городом. Но к моей величайшей печали, здесь не было ни конюшен, ни животных. Как позднее рассказывала мать, я целыми неделями бывал почти болен от тоски по своим животным и своему лесу в горах. В то время мои родители делали все, чтобы отучить меня от слишком большой любви к животным. Это им не удалось. Я забирал все книги, в которых были изображены животные, забивался куда-нибудь, и тосковал по своим скотинкам. К седьмому дню рождения я получил своего Ганса — угольно-чёрного пони с блестящими глазами и длинной гривой. Я был почти вне себя от радости. Я нашел своего друга. Ганс был очень доверчив, он всюду ходил за мной как собака. Когда родители бывали в отлучке, я даже приводил его в свою комнату. А поскольку с нашей прислугой я был в хороших отношениях, она смотрела на мою слабость сквозь пальцы, и не предавала меня. В местности, где мы жили, было, правда, достаточно партнеров по играм моего возраста. Я играл с ними в те же детские игры, в которые играли во все времена во всем мире, а также пускался вместе с ними во многие мальчишеские проделки. Но все же больше всего я любил ходить со своим Гансом в большой лес близ Хардта, где мы часами ездили одни, не встречая ни души.

Тем временем началась серьезная жизнь — школа. В первые школьные годы не произошло ничего, достойного упоминания. Я усердно учился, по возможности быстро делал уроки, чтобы на мои прогулки с Гансом осталось побольше времени. Родители этому не препятствовали.

Согласно обету моего отца, я должен был стать священником, и тем самым моя профессия и судьба считались предрешенными. Этому было подчинено все мое воспитание. Тому же способствовала и глубоко религиозная атмосфера нашего дома. Мой отец был фанатичным католиком. Во время жизни в Баден-Бадене я редко видел отца — он постоянно находился в

разъездах, либо месяцами был занят в других городах[17]. Все изменилось в Мангейме. Почти каждый день отец находил время для занятий со мной, касалось ли дело уроков либо моей будущей профессии. Но все же гораздо больше мне нравились его рассказы о временах службы в Восточной Африке и о борьбе с мятежными туземцами, описания их жизни, привычек, их мрачного идолопоклонства. Я с горящим воодушевлением слушал, как он рассказывал о благодатной цивилизаторской деятельности миссионерских сообществ. Для меня было ясно, что я обязательно стану миссионером и отправлюсь в самые глухие дебри Африки, по возможности в непроходимые леса. Особыми праздниками становились для меня дни, когда к нам в гости приходил старый бородатый священник, знакомый с отцом по Восточной Африке. Я не отходил от него ни на шаг, чтобы не пропустить ни единого его слова. Да, я забывал при этом даже своего Ганса. Мои родители держали очень гостеприимный дом, хотя сами выбирались в общество редко.

К нам приходили духовные лица всех рангов. С годами мой отец становился все более религиозным. По мере того, как у него бывало время, он возил меня с собой по всем паломническим местам моей родины, в отшельнические поселения Швейцарии, в Лурд во Франции. Страстно вымаливал он для меня благословение неба, дабы со временем я стал одаренным священником. Я и сам был глубоко верующим, настолько, насколько может быть им мальчик моих лет, и относился к своему религиозному долгу весьма серьезно. Я молился со всей детской истовостью, и усердно прислуживал во время богослужений.

Своими родителями я был приучен оказывать всяческое уважение взрослым и особенно старикам из всех социальных кругов. Везде, где была необходима помощь, ее оказание становилось для меня главным долгом. Отдельно укажу также на то, что я беспрекословно выполнял пожелания и приказы родителей, учителей, священника и др., и вообще всех взрослых, включая прислугу, и при этом ничто не могло меня остановить. То, что они говорили, всегда было верным.

Эти правила вошли в мою плоть и кровь. Я хорошо помню, как мой отец — будучи фанатичным католиком, он решительно не соглашался с правительством и его политикой, — постоянно говорил своим друзьям, что несмотря на такую враждебность, следует неукоснительно выполнять законы и распоряжения государства.

Уже с ранних лет я воспитывался в твердых понятиях о долге. В родительском доме строго следили за тем, чтобы все задания

выполнялись точно и добросовестно. Каждый имел определенный круг обязанностей. Отец обращал особое внимание на то, чтобы я педантично исполнял все его распоряжения и пожелания. Например, однажды ночью он поднял меня с постели, потому что я повесил в саду чепрак, вместо того, чтобы повесить его сушиться в сарае, как он велел. Я об этом просто забыл. Он постоянно учил меня, что из маленьких, даже самых незначительных упущений может получиться огромный вред. Тогда это было мне непонятно, но позднее, наученный горьким опытом, я усвоил эту истину всем сердцем.

Теплые взаимоотношения моих родителей были полны заботы и взаимного понимания. Однако я не могу припомнить, чтобы они проявляли друг к другу нежность. Но точно так же они никогда не говорили друг другу сердитых и тем более злых слов. В то время как мои младшие (соответственно на два года и на шесть лет) сестры были очень ласковы и во всем подражали матери, я всегда, уже с детства отклонял все знаки нежности, о чем постоянно сожалели мать, все мои тетки и другие родственники. Рукопожатие и слово благодарности — это было пределом того, что можно было от меня получить.

Хотя мои родители были мне вполне преданы, я так и не смог найти к ним путь с теми своими большими и малыми печалями, которые временами омрачают мальчишеское сердце. Я справлялся с ними сам. Моей единственной отдушиной был Ганс — и, как мне кажется, он меня понимал. Обе мои сестры очень любили меня и постоянно пытались наладить со мной теплые, дружеские отношения. Но я не мог ответить им взаимностью. Я только играл с ними, когда был обязан это делать. При этом я злил их до тех пор, пока они в слезах не бежали к матери. Такие злые шутки я проделывал с ними часто. И все же они продолжали любить меня, и даже сегодня сожалеют, что я никогда не мог найти для них теплых чувств. Они всегда оставались для меня чужими.

Своих родителей, как отца, так и мать я очень уважал и относился к ним с почтением. Однако любви, — той любви к родителям, которая стала понятной мне позже, — я к ним не испытывал. Почему так было, мне непонятно, я даже сегодня не могу найти тому объяснений.

Я никогда не был добрым мальчиком и даже образцовым мальчиком. Я позволял себе выходки, мысли о которых приходят в головы мальчишек моего возраста. Вместе с другими мальчиками я озорничал и дрался, когда приходилось. Хотя случались времена, когда я должен был оставаться совсем один, у меня хватало товарищей по играм.

Я ни с чем не мирился и всегда побеждал. Если по отношению ко мне допускалась несправедливость, я предпочитал не успокаиваться до тех пор, пока она не была, по моему мнению, устранена. В этом я был неумолим, и этим я пугал своих товарищей по классу. Все свои школьные годы я просидел за одной партой с девочкой-шведкой, которая хотела стать врачом. Мы всегда понимали друг друга и никогда не ссорились. По традиции нашей гимназии, все школьные годы ученик сидел за партой по возможности с одним и тем же одноклассником.

В тринадцать лет я пережил событие, которое могу обозначить как первую брешь в своем прочном религиозном мировоззрении. Во время обычной потасовки по дороге в спортзал я нечаянно столкнул с лестницы одноклассника. Он сломал лодыжку. В течение многих лет сотни школьников, в том числе и я несколько раз, падали с этой лестницы без серьезных повреждений. Но вот этому крупно не повезло. Я был наказан двумя часами карцера. Это было в субботу, в первой половине дня. После обеда я, как обычно в этот день недели, пошел на исповедь и честно поведал священнику и об этом случае тоже. Но дома я ничего не рассказал, чтобы не портить родителям воскресенье. Они должны были все узнать от меня утром в понедельник. Вечером мой духовник, хороший приятель отца, был у нас в гостях. Но следующее утро отец сурово расспросил меня об этом происшествии и наказал меня за то, что я не рассказал обо всем сразу. Я был буквально потрясен — не наказанием, а вероломством своего духовника. Ведь нас всегда учили, что даже тайна тягчайшего преступления, доверенная священнику на святой исповеди, не может быть предана огласке. А здесь священник, которому я всецело доверял, который был моим духовником и наизусть знал все мои грехи вплоть до самого мелкого, нарушал тайну исповеди по такому пустяковому поводу! Рассказать отцу о происшествии в гимназии мог только он. Потому что ни отец, ни мать, ни кто-либо еще из нашего дома в тот день не отлучался. Наш телефон был тогда сломан. Никто из моих одноклассников не жил по соседству. Кроме моего духовника, никто к нам из города не приходил. Я снова и снова перебирал возможные причины того, что отец обо всем узнал, — настолько чудовищным оказалось для меня это предательство. Я твердо установил, и не сомневаюсь, кстати, в этом и сегодня, что мой духовник нарушил тайну исповеди. Мое доверие к священникам было разрушено, а сомнение заговорило во мне. Я больше никогда не ходил на исповедь к этому священнику. Когда он или мой отец заводили об этом речь, я отвечал, что хожу в церковь при нашей школе к учителю закона Божьего. Отца это

вполне устраивало, но мой бывший духовник, я в этом убежден, догадывался о настоящей причине. Он сделал все, чтобы получить меня обратно, но вернуться к нему я не смог. Больше того, каждый раз, когда предоставлялась возможность, я уклонялся от исповеди — после случившегося я больше не доверял священникам. В вероучении сказано, что пришедший без исповеди к святому причастию будет строго наказан Богом. Бывало даже, такой грешник замертво падал со скамьи для причастия.

В своем детском неведении я страстно молил Господа о снисхождении, каялся в том, что больше не могу верить духовнику, просил простить мне грехи, о которых я Ему сообщал. Поверив в то, что с моими грехами покончено, я с дрожащим сердцем, сомневаясь в правоте своего поступка, пошел к причастию в другую церковь. Ничего не случилось! И я, ничтожный червь, поверил, что Бог услышал мою молитву и понял меня.

Мой ум, некогда спокойный и уверенный в вопросах религии, был сотрясен. Глубокая, истовая, детская вера была разрушена.

В следующем году внезапно умер мой отец. Я еще не мог понять, насколько велика для меня эта утрата. К тому же я был еще слишком юн, чтобы осознать ее трагичность. И все же смерть отца направила течение моей жизни совсем не в том направлении, о котором мечтал он.

2. Доброволец военного времени (1916–1918)

Разразилась война. Гарнизон Мангейма отправился на фронт. Формировались запасные подразделения. С фронта прибыли первые поезда с ранеными. Дома я почти не бывал. Происходило слишком много событий, которые я не мог пропустить. Я выпросил у матери разрешение, необходимое для того, чтобы записаться помощником в Красный Крест. Впечатления того времени были слишком сильны, чтобы сейчас я мог вспомнить, как подействовала на меня первая встреча с ранеными. Я вижу лишь окровавленные бинты на головах и на руках, испачканную кровью и глиной униформу — серую на наших и голубое с красными брюками обмундирование французов. Я слышу только сдавленные стоны при перегрузке на поданные в спешке вагоны трамвая. Я бегал между ними и раздавал освежающие напитки и сигареты. Свободное от школы время я проводил только в военных госпиталях, казармах или на вокзале, где рассматривал проезжающие военные транспорты и санитарные поезда и помогал при раздаче еды и подарков. Я встречал в госпиталях

тяжело раненных, и старался скорее прошмыгнуть мимо их кроватей, если они стонали. Я видел также умирающих и мертвых. Чувство, которое меня при этом охватывало, было странным, но все же сегодня я не могу точно описать его.

Однако эти мрачные картины быстро забывались благодаря непобедимому солдатскому юмору тех, кто был легко ранен или не испытывал боли. Я слушал их рассказы о фронте, о солдатской жизни, и не мог наслушаться. Во мне заговорила солдатская кровь. Многие мои предки по отцовской линии были офицерами, мой дед-полковник погиб в 1870 году, командуя своим полком. Мой отец также душой и телом оставался солдатом — до тех пор, пока, вслед за увольнением из армии, его суть не сменилась религиозным фанатизмом. Я хотел стать солдатом. По крайней мере, эту войну я пропустить не мог. Моя мать, опекун и все мои родственники пытались заставить меня отказаться от этой идеи: сначала я должен был закончить гимназию, а уж после этого можно было о чем-то говорить. К тому же я должен был стать священником. Я их не слушал и делал все, чтобы попасть на фронт. Часто я прятался в следующих на фронт поездах, но меня всегда находили. И несмотря на мои горячие просьбы, полевая жандармерия доставляла меня домой.

Все мои помыслы и стремления того времени были направлены только к одному: стать солдатом. Школа, будущая профессия, родительский дом — все это отступало на задний план. Мать с неизменным терпением и добротой пыталась отговорить меня от моих планов. Но я упрямо использовал любую возможность, чтобы добиться своего. Против этого мать была бессильна. Родственники хотели отдать меня в семинарию миссионеров, но мать была против. К религии я был довольно равнодушен, хотя добросовестно следовал всем предписаниям церкви. Однако сильной руки отца уже не было.

В 1916 году я все же смог оказаться в полку, где служили отец и дед[18]. Мне помог ротмистр, с которым я познакомился в госпитале. После краткого обучения меня отправили на фронт. Это произошло без ведома матери, которую я больше никогда не увидел — она умерла в 1917 году. Я прибыл в Турцию на иракский фронт. Уже солдатские курсы в Германии, связанные с постоянным страхом быть возвращенным домой, длинная, богатая впечатлениями дорога в Турцию, проходившая через много стран — все это достаточно сильно подействовало на меня, подростка, еще не достигшего возраста 16 лет.

Пребывание в тогда еще довольно восточном Константинополе, поездка и конный марш к далекому иракскому фронту доставили много новых впечатлений. Но они не

волновали меня и не запомнились.

Зато я очень хорошо помню первый бой, свою первую встречу с врагом.

Вскоре после прибытия на фронт мы были приданы турецкой дивизии. Наш кавалерийский отряд особого назначения направили на укрепление трех полков. Уже во время распределения между ними на нас с английской стороны напали новозеландцы и индийцы. Как только серьезность положения стала очевидной, турки бросились бежать. А мы, горстка немцев, лежали одни в чужих песках, среди глыб и обломков некогда цветущей культуры, и должны были защищать свои жизни. Наше снаряжение было минимальным, главная его часть осталась с лошадьми. Положение становилось чертовски серьезным. Пули англичан били все чаще и точнее, один раненый товарищ выбывал за другим. Лежавший рядом со мной не ответил, когда я его позвал. Осмотрев его, я увидел, что из огромной раны в его голове течет кровь. Он уже был мертв. Меня охватил страх разделить его участь. Такого сильного ужаса я не испытывал ни до, ни после того. Будь я один, я обязательно побежал бы вслед за турками. Я не мог отвести взгляд от убитого товарища. Внезапно я, исполненный отчаяния, увидел, что наш ротмистр лег между нами, и, взяв карабин убитого, спокойно, как в тире, делает приготовленный им выстрел. И меня охватило странное, еще не знакомое каменное спокойствие. Мне стало ясно, что я тоже могу стрелять. Я еще не сделал ни одного выстрела, а вместо этого со страхом смотрел на индийцев, все ближе походивших к нам. Один из них выпрыгнул из-за груды камней. Он и сейчас стоит у меня перед глазами, высокий широкоплечий человек с черной как уголь бородой. Мгновение я помедлил — убитый сосед не выходил из моей головы, — а потом выстрелил и с дрожью в теле увидел, как индиец подпрыгнул, упал ничком и замер. Кажется, я даже не успел прицелиться в него. Мой первый убитый! Начало было положено. Теперь я делал выстрел за выстрелом, как меня учили на курсах, но тоже не совсем уверенно. Ротмистр находился рядом и криками подбадривал меня. Как только индийцы почувствовали серьезность отпора, их наступление остановилось. Между тем турок вернули и началось контрнаступление. В тот же день было отвоевано обширное пространство. При наступлении я рассмотрел своего индийца, и не могу сказать, что почувствовал себя хорошо. Хотя после первых выстрелов я стал целиться гораздо точнее, я не знаю, попал ли еще в кого-то во время этого сражения. Я был слишком взволнован. Ротмистр изумлялся тому, как спокоен я был в первом бою, во время моего боевого крещения. Если бы он мог

знать, как все это выглядело внутри меня! Позже я описал ему свое состояние во время первой встречи с врагом. Он посмеялся и сказал, что такое в большей или меньшей степени переживает каждый солдат. Стоит отметить, что я очень доверял своему ротмистру, можно сказать, своего крестному отцу, и безмерно уважал его. Но это было совсем другое отношение, чем к родному отцу. Он не был снисходителен, но он опекал меня и вообще заботился, как о родном сыне. Он неохотно отпускал меня в разведку, но всегда уступал, если я настойчиво просился. Ротмистр бывал очень горд, когда меня награждали или повышали в чине[19].

Однако сам он этого никогда мне не предлагал. Когда весной 1918 г. он погиб во втором иорданском сражении, я очень горевал. Его смерть подействовала на меня очень сильно.

В начале 1917 г. нашу часть перебросили на палестинский фронт. Мы прибыли на библейскую землю. Сокровенные имена из Священного писания и легенд оказались совсем рядом. Насколько же все это отличалось от того, что возникало в детских фантазиях благодаря картинам и книгам!

Поначалу нас отправили на патрулирование дороги в Хиджаз, а потом перевели к Иерусалиму.

Однажды утром, когда мы ехали с другого берега Иордана, нам повстречалась вереница крестьянских повозок, нагруженных кусками мха. Англичане всеми возможными способами пытались снабдить оружием арабов и смешанное население Палестины, которое только и мечтало избавиться от турецкого господства. Поэтому нам приходилось обыскивать все встречавшиеся повозки. Мы приказали крестьянам снять с груз с их телег и с помощью нашего переводчика, молодого еврея, начали их опрашивать. Но вопрос, куда они везут мох, крестьяне объяснили, что едут в иерусалимский монастырь, чтобы там продать его паломникам. Мы ничего не могли понять. Вскоре я был ранен и оказался в госпитале Вильгельмы — поселения немецких колонистов между Иерусалимом и Яффой. Тамошние жители приехали из Вюртемберга по религиозным причинам. Только в госпитале я узнал, что продажа мха, который крестьяне обозами доставляли в Иерусалим, — очень выгодное дело. Это была разновидность исландского серого мха, покрытого красными точками. Паломникам говорили, что это мох с Голгофы, — красные пятна выдавались за кровь Христа, — и продавали его за большие деньги. Колонисты откровенно рассказывали о прибылях мирного времени, когда тысячи паломников посещали святые места. Паломники скупали все, что было связано с ними и, тем более, с самими святыми. Особенно преуспел в этом деле один

иерусалимский монастырь, где делалось все, чтобы вытрясти из паломников побольше денег. После выписки из госпиталя я увидел все это в Иерусалиме собственными глазами. Правда, из-за войны там было мало паломников, но много немецких и австрийских солдат. Подобную торговлю я видел позднее в Назарете. Я разговаривал со многими товарищами. Продажа якобы сакральных предметов представителями всех церквей возмущала меня. В большинстве своем мои соратники относились к этому спокойно. Они говорили: раз людей надувают, они должны платить за свою глупость. Другие видели в этом вид туристической индустрии. Лишь немногие, подобные мне, глубоко верующие католики, осуждали церковную торговлю, возмущались наживой на серьёзных религиозных чувствах паломников, многие из которых продавали все свое добро, чтобы хоть раз в жизни увидеть святые места.

Я долго не мог смириться с подобными вещами. В конечном счете именно они, вероятно, стали позже главной причиной моего ухода из лона церкви. Должен при этом заметить, что все мои товарищи по оружию были убежденным католиками из глубоко религиозного Шварцвальда. Я не услышал от них ни единого упрека в адрес церкви. Тогда же я пережил свою первую любовь. В госпитале Вильгельмы за мной ухаживала молодая немецкая медсестра. У меня было ранение колена и одновременно рецидив запущенной малярии. Я нуждался в постоянном уходе — в бреду я мог натворить много бед. Эта медсестра ухаживала за мной так, что ее не смогла бы заменить и родная мать. Но постепенно я понял, что поводом для таких забот была не только любовь материнского свойства. До той поры любовь к женщине, к другому полу, была мне неизвестна. Конечно, об отношениях между полами я многое знал из разговоров своих товарищей. Солдат высказывается на этот счет весьма определенно. Но самому мне страсть была тогда еще чужда, возможно, из-за отсутствия повода. К тому же перегрузки на фронте не способствовали возможным порывам любви. Сначала меня смущали ее нежные прикосновения, усиленное внимание ко мне и неоправданные задержки возле моей койки. Я с детских лет уклонялся от всяческих знаков нежности. Но на этот раз я оказался в магической ауре любви и увидел женщину другими глазами. Эта встреча стала для меня переживанием волшебным, небывалым во всех значениях этого слова, вплоть до полового сношения, которым оно завершилось. У меня самого никогда не хватило бы для этого мужества. Первое любовное переживание во всей своей полноте любви и нежности на всю жизнь стало для меня путеводной нитью. Я никогда не мог болтать о таких вещах,

половые сношения без любви стали для меня немыслимы. Таким образом я уберегся от любовниц и борделей.

Война окончилась. Благодаря ей я и внешне, и внутренне намного опередил свой возраст. Военные переживания оставили во мне неизгладимый след. Я вырвался из тесного уюта родительского дома. Мой кругозор расширился. За два с половиной года военных странствий я многое увидел и пережил, познакомился с людьми из различных сфер, увидел их нужды и слабости.

Дрожащий от страха, сбежавший от матери школьник, каким я был в своем первом бою, превратился в усталого сурового солдата. Я стал самым молодым унтер-офицером в армии, получив этот чин в 17 лет. В том же возрасте я уже был награжден ЖК-I. Я был произведен в унтер-офицеры почти исключительно за свое участие в важных разведывательных и диверсионных мероприятиях. Со временем я усвоил, что лидерство обусловливается не чином, что этот вопрос решает спокойствие лидера в тяжелых ситуациях. Но насколько же трудно всегда быть образцом и сохранять лицо в то время, как изнутри ты выглядишь совсем иначе.

В момент перемирия, которое застало нас в Дамаске, я твердо решил не дать себя интернировать и своими силами пробиваться на родину. В корпусе меня от этого отговаривали. Весь мой отряд заявил, что намерен пробиваться со мной. Весной 1918 г. я повел отдельный кавалерийский отряд. Все мои солдаты были в возрасте от тридцати лет, мне было восемнадцать. Мы с приключениями прошли Анатолию, на прибрежных суденышках добрались по Черному морю до Варны, поскакали дальше через Болгарию и Румынию, по глубокому снегу перешли трансильванские Альпы, миновали Трансильванию, Венгрию, Австрию. И после трехмесячного марша, который мы совершили без карт, полагаясь лишь на школьные знания географии, реквизируя фураж и продовольствие, часть нашего отряда добралась до родины. Никто нас здесь не ждал. Думаю, с нашего театра военных действий в полном составе на родину не вернулось ни одно подразделение.

3. Добровольческий корпус и убийство (1919–1923)

Еще во время войны во мне просыпались сомнения в том, что я имею призвание к деятельности священника. Из-за истории с исповедью, а также из-за увиденного в святых местах, где торговали «священными» сувенирами, мое доверие к церкви исчезло. Я сомневался в церкви. И постепенно во мне развилась

стойкая неприязнь к профессии, которую избрал для меня отец. Но ни о какой другой я прежде не думал. Я ни с кем об этом не разговаривал. Даже в своем последнем письме, уже перед смертью, мать напоминала: я не должен забывать о карьере, избранной для меня отцом! Почтение к воле родителей и отвращение к этой профессии спорили во мне друг с другом. Я не разобрался с этим до самого своего возвращения на родину. Мой опекун, да и все мои родственники сразу же после моего возвращения стали требовать, чтобы я немедленно отправился в семинарию, чтобы найти там общество и подготовку, подобавшие моей будущей профессии. Наш дом находился в полном упадке, сестры жили при монастырской школе. Только теперь я осознал утрату матери. У меня больше не было родины! Я оказался брошенным, предоставленным самому себе. Все памятные вещи, вообще всё, что мы ценили и любили в родительском доме, наши «дорогие родственники» разделили между собой, будучи твердо убеждены, что я пойду в миссионеры, а сестры останутся в монастыре, и, таким образом, эти «мирские» вещи нам не понадобятся. Хватало с нас и сохранившейся возможности совершать покупки, сидя в монастыре и в миссионерском доме!

Полный гнева на самоуправство родственников и тоски по утраченному отечеству, я в тот же день отправился к дяде, который был моим опекуном, и лаконично сообщил ему, что не собираюсь становиться священником. Тот попробовал все же сломить мою волю. Он заявил, что, поскольку родители хотели видеть меня священником, для приобретения другой профессии он не даст мне денег. Я решительно отказался от своей доли наследства в пользу сестер, и в тот же день подтвердил свой отказ у нотариуса. Я положил конец дальнейшим хлопотам своей родни и отныне должен был выбиваться в люди самостоятельно. Я без прощания вышел из дома своих милых родственников и на следующий день уехал в Восточную Пруссию, чтобы вступить в Прибалтийский добровольческий корпус[20].

Итак, вопрос о моей профессии внезапно разрешился, и я снова стал солдатом. Я снова обрел родину, уверенность в себе, товарищей. И странно: *меня, одинокого волка, привыкшего таить свои переживания в глубине души, всегда тянуло к братству, в котором один непременно поддерживал другого в беде и в опасности.*

Боевые действия в Прибалтике были полны варварства и ожесточения, которого я не видел ни на мировой войне, ни во время других боев добровольческого корпуса. Фронта как такового не существовало, враг был везде. Там, где происходили встречи противников, начиналась резня на уничтожение.

Особенно отличались этим латыши. Там я впервые увидел, на какие зверства способно гражданское население. При соучастии или помощи немцев или русских солдат Белой армии латыши совершали страшные расправы над своими собственными земляками. Они сжигали их дома вместе с еще живыми обитателями. Бессчетное количество раз видел я пепелища с обгоревшими или обугленными телами женщин и детей. Когда я увидел это впервые, я просто окаменел. Я подумал тогда, что это предел человеческой страсти к уничтожению себе подобных.

И хотя позднее я видел вещи пострашнее, тот дом на дюнах у кромки леса с вырезанной до последнего человека семьей и сейчас стоит у меня перед глазами. Тогда я еще мог молиться, и я молился![21]

Добровольческие корпуса 1918–1921 годов были своеобразным продуктом своей эпохи. Тогдашнее правительство использовало их, когда на границе или внутри страны что-нибудь снова происходило, а сил полиции (позже и армии) уже не хватало, либо когда нельзя было привлекать их по политическим причинам. Правительство отказывалось от добровольческих корпусов, когда опасность исчезала или когда Франция начинала возмущаться фактом их существования. Оно их распускало и начинало преследовать организации-преемники, которые ждали своего часа. Членами этих добровольческих корпусов были офицеры и солдаты, которые не могли найти себе места в гражданской жизни, авантюристы, искавшие своей доли, безработные, сбежавшие от безделья и от благотворительных подачек, а также юные энтузиасты, бравшиеся за оружие из любви к отечеству. Все без исключения они были преданы начальнику своего корпуса, благодаря ему соединение появлялось и распадалось. Так возникало чувство общности, корпоративный дух. И чем сильнее были гонения со стороны правительства, тем крепче мы держались друг за друга. И горе было тому, кто пытался подорвать этот союз или предать его!

Поскольку правительство отрекалось от добровольческих корпусов, он не могло ни расследовать совершавшиеся в их рядах преступления, ни наказать за них — речь идет о случаях хищения оружия, выдаче военной тайны, государственной измене и т. д. Так в добровольческих корпусах и в создаваемых вместо них союзах возродилась собственная юстиция, которая практиковалась еще во времена германского средневековья — фемгерихт. Каждое предательство каралось смертью. Многие предатели *так* и были наказаны. Однако лишь некоторые случаи получали огласку и только в единичных случаях исполнителей фемгерихт брали под стражу и осуждали по приговорам

специально для этого созданного Государственного суда по защите республики[22].

Он рассматривал и *мое* дело. Это был Пархимский процесс по делу об убийстве во исполнение приговора фемгерихт. Я был приговорен к десяти годам тюрьмы как организатор и главный исполнитель убийства. Мы убили предателя, который выдал французам Шлагетера. Один из тех, кто был на месте казни, сообщил о ней в «Форвертс» — ведущую газету социал-демократов. Сделал он это якобы из-за угрызений совести, а в действительности, как потом выяснилось, ради получения денег. Как убийство происходило на самом деле, выяснить уже невозможно. Знающие молчали. Доносчик был слишком пьян, чтобы запомнить детали. Я оставался трезвым, но не был ни организатором, ни главным исполнителем. На следствии я понял, что товарищ, который являлся подлинным убийцей, может быть обвинен только на основании моих показаний. Я взял вину на себя, а он вышел на свободу еще во время следствия. Нет нужды подчеркивать, что я одобрял казнь предателя по описанным выше причинам. Добавлю только, что Шлагетер был моим старым добрым товарищем. Вместе с ним я выдержал множество тяжелых боев в Прибалтике и в Рурской области, ходил по вражеским тылам в Верхней Силезии, вместе с ним правдами и неправдами добывал оружие.

Я был твердо убежден тогда и убежден сегодня, что тот предатель заслужил смерть. А поскольку ни один германский суд его, вероятно, не осудил бы, мы сделали это по неписаным законам, которые создали сами для себя, руководствуясь велением времени [23].

Все это способен понять лишь тот, кто сам пережил это смутное время или сумел его осмыслить.

Во время своего девятимесячного заключения[24] и суда я еще плохо осознавал свое положение. Я твердо верил в то, что не буду осужден, а тем более приговорен к лишению свободы. В 1923 году политическая обстановка в стране обострилась настолько, что дело шло к свержению власти, причем неважно, в чью пользу. Я твердо рассчитывал на то, что в подходящее время товарищи нас освободят. Провал гитлеровского путча 9 ноября 1923 г. меня образумил. И все же я продолжал надеяться на удачное стечение обстоятельств. Оба моих защитника говорили мне о серьезности моего положения, о том, что я могу быть приговорен даже к смертной казни, и что после изменения состава Государственного суда[25] и усиления гонений на все патриотически настроенные организации я должен приготовиться по крайней мере к

огромному сроку лишения свободы. Я не мог и не хотел об этом думать. В следственной тюрьме нам предоставлялись все возможные льготы, потому что «левых» заключенных там сидело гораздо больше, чем «правых» — в политическом смысле. Даже саксонский министр юстиции Цайгер сидел в своей собственной тюрьме за темные махинации и неправые приговоры[26]. Мы могли много писать, а также получать письма и посылки. Мы читали газеты и знали обо всем, что происходило снаружи. Однако изоляция в тюрьме была очень строгой; например, нам всегда завязывали глаза, выводя из камеры. Связь с товарищами можно было поддерживать, лишь быстро обменявшись выкриками из окон. Общение друг с другом во время перерывов суда и перевозок было для нас намного важнее и интереснее, чем сам процесс. Да и оглашение приговора не вызвало никакой реакции ни у меня, ни у моих товарищей. Веселые и буйные, распевая наши старые боевые песни, мы поехали в свою тюрьму. Был ли это юмор висельников? Насчет себя я сомневаюсь. Я просто не мог поверить в реальность полученного срока! Горькое взросление началось очень скоро — после немедленного перевода в исполнительную тюрьму.

4. В Бранденбургской тюрьме (1924–1928)

Я вступил в новый, неизвестный мне прежде мир. Отбывание срока в прусской тюрьме воистину оказалось не отдыхом на курорте. Вся жизнь здесь была строго, до мельчайших деталей, регламентирована. Дисциплина доведена до военной. Главной ценностью здесь считалось безукоризненное выполнение точно нормированной работы. Каждый проступок сурово наказывался, и действенность этих «домашних наказаний» усиливалась лишением возможности получить досрочное освобождение при их наличии.

Как политический преступник по убеждению, — так меня называли, — я имел единственную привилегию: сидеть в собственной камере. Сначала одиночное заключение мне очень не понравилось. С меня уже хватило десяти месяцев в Лейпциге. Но, несмотря на множество мелких удобств, предлагаемых жизнью в общей камере, за свою одиночку я позже благодарил судьбу. Потому что в своей камере после выполнения предписанной работы я мог проводить остаток дня так, как захочу. Мне не приходилось уживаться с сокамерниками, я не подвергался тому террору преступных группировок, который присущ общим камерам. Я от начала до конца изучил этот беспощадный террор, направленный против всех тех, кто не принадлежит к преступной

«братии» или не разделяет ее взгляды. С этим террором не могла справиться даже идеальная прусская тюрьма.

Прежде я думал, что знаю о себе и о людях все. Еще бы: я видел человека всех социальных слоев, в разных странах и в самых разных обличьях, хорошо изучил его нравы, а еще лучше — безнравственность.

Преступники в тюрьме показали мне нечто совершенно новое. Сидя в одиночке, я все же ежедневно видел других заключенных — на прогулке во дворе, при доставке меня в различные тюремные подразделения. Я встречался с ними в душевой, общался с уборщиками, парикмахером, с людьми, которые приносили мне материалы и забирали продукцию. Возможностей для встреч было множество. Но прежде всего я слушал вечерние беседы заключенных из разных камер через оконные решетки. Их разговоры открыли мне ум и душу преступного мира: бездна человеческих извращений, пороков и страстей разверзлась передо мной. В самом начале моего срока заключенный из соседней камеры рассказывал другому соседу, как он ограбил дом лесничего. Убедившись, что хозяин сидит в трактире, он зарубил топором служанку, затем женщину на последних месяцах беременности, а после этого бил о стену головами четырех маленьких детей — до тех пор, пока они не переставали «каркать». Он рассказывал об этой подлости в таких гнусных выражениях, что если бы я мог, я перегрыз ему горло. Я не мог успокоиться в ту ночь. Позднее я услышал много таких ужасных рассказов, но ни один не вывел меня из себя так, как самый первый. Рассказчика, грабителя и убийцу, многократно приговаривали к смерти, но всегда он получал помилование. Еще во время моего заключения он однажды вечером вырвался из строя по дороге в спальню, куском железа убил оказавшегося на его пути надзирателя и перебрался через тюремную стену. В городе он напал на мирно гулявшего прохожего, чтобы завладеть его одеждой, встретил бешеный отпор и был застрелен догонявшим его полицейским. При этом в Бранденбургской тюрьме сидели сливки преступного мира Берлина, от карманников-«международников» до «аристократии» — это были знаменитые взломщики сейфов, сутенеры, шулеры, крупные мошенники, извращенцы всех видов и степеней проявленной жестокости. Здесь было налажено регулярное обучение преступным профессиям. Молодые послушники усердно учились у старших, причем тайны своих особых, личных трюков те все же хранили в строжайшем секрете. За свои лекции старые мошенники, естественно, брали неплохую плату — в виде табака, тюремной валюты (хотя курение было запрещено, каждый

курильщик мог достать табак, отдав половину молодому помощнику надзирателя), в виде сексуальных услуг, тоже платежного средства, а также в виде строго оговоренной доли краденого, которую учитель мог получить на воле после «операции», успешно проведенной учениками после освобождения. Так еще во время наказания за совершенные преступления планировались новые, более крупные. Был широко распространен гомосексуализм. Молодые заключенные с хорошей внешностью становились предметом вожделений, вокруг этих «красавчиков» разыгрывались жестокие сражения и интриги. Удовлетворение таких страстей также приходилось хорошо оплачивать. Мой, основанный на многолетних наблюдениях опыт говорит мне, что распространение гомосексуализма в таких заведениях лишь в некоторых случаях вызывается соответствующими болезненными наклонностями. Людей с сильным половым влечением к этому приводит необходимость, но гораздо больший процент гомосексуалистов возникает благодаря стремлению «тоже что-то получить от жизни», которое в определенной среде уже ничем не сдерживается.

С этой массой профессиональных и прирожденных преступников содержалось также множество людей, которых к воровству и жульничеству подтолкнула сама послевоенная обстановка с ее экономическими трудностями и инфляцией, которые не оказались достаточно сильны, чтобы сопротивляться соблазну легких денег. Многие из этих людей честно и храбро противостояли асоциальному воздействию преступного мира, чтобы после освобождения вернуться к честной жизни. Но многие оказывались и слишком слабыми для противодействия многолетнему асоциальному давлению и террору преступников. Такие заключенные прекращали сопротивление и становились добычей преступного мира.

В этом смысле тюрьма представляла собой настоящую исповедальню. Еще в Лейпциге, под следствием, я слышал множество разговоров через оконные решетки. Это были разговоры, в которых мужчина и женщина делились рассказами о своих бедах и утешали друг друга. Разговоры, в которых соучастники обвиняли друг друга в предательстве. Разговоры, к которым администрация проявляла величайший интерес — благодаря им удалось раскрыть множество преступлений. Тогда меня сильно удивляла свобода и беспечность, с которой заключенные выдавали через решетку свои самые важные мысли и тайны. Порождалась ли эта откровенность условиями одиночной камеры, либо она была проявлением общечеловеческой тяги к общению? В следственной тюрьме

разговоры через решетку сильно ограничивались благодаря контролю надзирателей. А здесь они не беспокоили ни одного из них, если только не становились слишком громкими.

В одиночных камерах Бранденбургской тюрьмы сидели только три типа заключенных:

1) молодой политический преступник по убеждению, получивший эту льготу как осужденный впервые; 2) насильники и буйный преступники, которых нельзя было оставлять в общих помещениях; 3) заключенные, которых там невзлюбили, потому что они не хотели мириться с внутрикамерным террором, а также те, которые кого-то предали — «включили лампы», — и теперь боялись мести, для них это был вид охранного ареста. Теперь я вечер за вечером мог слушать их беседы. И эти разговоры позволили мне проникнуть глубоко в души заключенных. Позднее, в последний год моего заключения, когда я работал первым писарем в финансовой части, и благодаря постоянным ежедневным встречам познакомился с ними еще ближе, выводы их моих наблюдений многократно подтверждались.

Подлинно профессиональный преступник отрекается от нормального общества из-за своих наклонностей. Он воюет с обществом, потому что совершает преступления. Он не желает вернуться в общество, он любит преступный образ жизни и свою «профессию». Чувство сопричастности он признает только из соображений выгоды, а также под принуждением. Подобным образом девка относится к своему сутенеру. Понятия преданности и веры смешны для него точно так же, как и понятие собственности. Осуждение и лишение свободы для него лишь полоса неудач, нечто вроде спада производства, авария — ничего больше. Свое заключение он старается сделать по возможности занимательным, забавным. Поскольку он знаком со многими тюрьмами, с их особенностями, с авторитетными тюремщиками, он пытается устроиться там, где ему будет лучше. Я считаю его уже не способным повиноваться добрым порывам сердца. Любую попытку добром наставить его на путь истинный он отклоняет, хотя иногда, из тактических соображений, ради досрочного освобождения, он маскируется под кающегося грешника. Он неотесан и подл, он счастлив, когда попирает ногами чужие святыни.

Вот конкретный пример. В 1926/1927 гг. в тюрьме была введена гуманно-прогрессивная система исполнения наказаний. Среди прочего по воскресеньям в тюремной церкви давались концерты, в которых принимали участие главные силы берлинской сцены. Однажды прославленная берлинская артистка исполняла «Ave Maria» Гуно с таким мастерством и нежностью,

которые я редко где встречал. Большинство заключенных это полностью захватило, даже закоренелые были потрясены музыкой. Но не все. Едва угас последний звук, за моей спиной один старый распутный малый сказал соседу: «Слушай, Эди, а интересные бриллианты!» Такое действие на преступника оказало это поистине идущее к сердцам послание. Асоциальные в буквальном смысле слова.

Среди этой массы типичных профессиональных преступников находилось огромное количество заключенных, которых нельзя было к ним причислить. Пограничные случаи. Те, кто уже были затянуты в воронку заманчивого, приключенческого мира преступлений, и другие, которые изо всех сил противились раскинутым сетям, соблазнам, сверкающим фальшивыми огнями. И наконец, оступившиеся в первый раз, слабые натуры, на которые воздействовали, соперничая друг с другом, давление тюрьмы и внутренние переживания. Души этих групп носили в себе множество отпечатков человеческих чувств всех степеней и тональностей. Часто они впадали из одной крайности в другую.

На легкомысленные натуры наказание не производило впечатления. Они не испытывали угрызений совести, но продолжали жить по-прежнему бодро. Не заботясь о будущем, они скользили по жизни дальше, до тех пор, пока снова не попадались. Совсем иначе вели себя серьезные натуры. Наказание угнетало их невероятно, они никогда не привыкали к своему положению. Они пытались бороться с воздействием порочной атмосферы общей камеры. Но большинство из них не выдерживало одиночного заключения, они боялись одиночества и связанных с ним размышлений, и снова просились обратно, в трясину большой камеры. В тюрьме были возможности сидеть в одной камере втроем. Однако трех заключенных, способных долго выносить тесное общение друг с другом, не находилось. Эти небольшие сообщества со временем неизбежно должны были развалиться. Я такого длительного общения не испытал Длительное заключение даже самого добродушного человека делает обидчивым и неуживчивым, даже грубым. Однако при столь тесном сожительстве эта грубость передается другим.

Не только заключение само по себе, но и монотонная размеренность повседневной жизни, длительное принуждение к исполнению бесчисленных предписаний, окрики и ругательства множества надзирателей и ничтожеств — это угнетает серьезно настроенных заключенных, подавляет размышления о будущем, о жизни после освобождения. А их разговоры крутились в основном вокруг этого. «Войдем ли мы снова в обычный мир, или он оттолкнет нас?» — вот что их беспокоило. Если они к тому же

были женаты, их также грызли заботы о семьях. Например: выдержит ли жена столь длинную разлуку? Все эти вещи глубоко угнетали заключенных, они не могли освободиться от своих мыслей даже в повседневной работе и при чтении серьезных книг на досуге. Нередко это приводило их к душевным расстройствам или к попыткам самоубийства без какого-то внешнего повода. Под таким поводом я подразумеваю плохие новости с воли, развод, смерть близкого человека, отклонение прошения о помиловании и др.

Но и шаткие, слабые характеры переносили заключение нелегко, потому что их душевные порывы слишком сильно зависели от действий извне. Пара льстивых слов старого вора, пачка сигарет могли поколебать благие намерения, заставить забыть о них. И наоборот, хорошая книга, серьезное мероприятие заставляли таких заключенных углубляться в свои мысли.

На мой взгляд, многих заключенных можно было бы снова поставить на путь истинный, если бы высшие чиновники были больше людьми, чем чиновниками. Особенно это касается пастырей обеих конфессий, которые благодаря уже одной только перлюстрации писем имели представление о душевных конституциях и о самочувствии своих овечек. Но все эти чиновники поседели и отупели от однообразия своей службы. Они не видели подлинных нужд тех, кто действительно прилагал усилия для своего исправления. А если заключенный находил мужество, чтобы попросить у своего духовника совет для разрешения душевного конфликта, духовник его больше не принимал: ему следовало разыгрывать кающегося грешника, чтобы заслужить помилование.

Конечно, служащие тюрьмы были научены горьким опытом своих попыток деятельного сострадания. Даже самый распущенный преступник становился благочестивым, когда начинали рассматривать кандидатуры на помилование, и у него появлялась хотя бы малейшая перспектива.

Бессчетное количество раз я слышал разговоры заключенных, в которых они жаловались друг другу на недостаточную помощь со стороны тюремной администрации.

Воздействие наказания на психику этих, серьезно настроенных заключенных, желавших исправиться, было гораздо большим, чем могло быть физическое воздействие тягот заключения. В отличие от легкомысленных натур, они были наказаны вдвойне.

После стабилизации политической и экономической обстановки, после окончания инфляции, демократическое мировоззрение стало распространяться в Германии все шире.

Наряду со многими другими мероприятиями правительства в те годы вводилась и гуманно-прогрессивная система исполнения наказаний. Нарушителей закона хотели вернуть законопослушному обществу силой доброты и благого воспитания. Исходя из тезиса «Каждый человек есть продукт своего окружения», пробовали создать для освободившегося преступника экономические условия, которые подтолкнут процесс его социальной реабилитации и предохранят от дальнейших ошибочных шагов. Соответствующие социальные службы должны были забыть о его социальных взглядах и препятствовать его возвращению к преступному образу жизни. Духовный уровень исправительных заведений следовало поднимать всякого рода мероприятиями вроде музыкальных утренников, которые должны были разрыхлять нравы, соответствующими докладами о моральных началах человеческого общежития, об основах этики и на др. темы.

Администрация исправительных тюрем должна была больше заботиться об отдельных заключенных, об их психических проблемах. Сами заключенные должны были проходить через трехступенчатую систему постепенного получения множества небывалых, принципиально новых льгот, пробиваться на третью ступень и за хорошее поведение, прилежную работу и деятельное раскаяние получать право на условно-досрочное освобождение. Самой большой наградой осужденному было освобождение от половины срока его наказания.

На III ступень я вышел первым из примерно 800 заключенных тюрьмы. До самого моего освобождения не более дюжины из них удостоились права носить 3 полоски на рукаве. У меня для этого были все условия с самого начала, я не имел ни одного предупреждения и водворения в карцер, всегда выполнял производственную норму, был осужден впервые, не был поражен в правах и считался не уголовным преступником. Но я был осужден Государственным судом как политический преступник, и поэтому досрочно меня могли освободить только согласно президентскому указу о помиловании, либо по амнистии.

Уже с первых дней тюрьмы я сознавал безнадежность своего положения ясно и до *конца*. Я пришел в себя. Я уже не сомневался в том, что проведу в тюрьме все десять лет назначенного мне срока. Письмо одного из адвокатов на ту же тему окончательно утвердило меня в моих предположениях. И я настроился именно на 10 лет. Я очнулся. Раньше я проживал день, воспринимал жизнь так, как это предлагалось мне без моих просьб, и не имея серьезных планов на будущее. Теперь я располагал всеми возможностями, чтобы задуматься о пережитом, осознать свои

ошибки и слабости, подготовить себя к более содержательной жизни.

В то же время, между походами добровольческого корпуса я получил профессию, к которой меня тянуло, и в которой я мог продолжать совершенствоваться. Я испытывал страсть к сельскому хозяйству и многого добился в его изучении, чему имелись свидетельства. Однако подлинный смысл жизни, то, что ее действительно наполняло, — об этом я тогда не имел представления. И я пустился на поиски смысла, каким бы абсурдным это ни показалось внутри тюремных стен. И я нашел его — *позже*!

С детства я был приучен к беспрекословному послушанию, к самому жесткому порядку и чистоте, и эти вещи не показались мне особенно тяжелыми в суровой тюремной жизни. Я добросовестно выполнял все определенные для меня обязанности, делал предписанную мне работу и даже больше того, к удовольствию своего мастера. Я всегда содержал свою камеру в образцовой чистоте и таком порядке, что даже самый пристальный взгляд не смог бы найти повода для придирок.

Я свыкся даже с однообразием будней, длительное течение которых не нарушалось особыми событиями. А это противно моей беспокойной натуре, моя прежняя жизнь была гораздо более бурной.

Например, в первые два года тюрьмы важным событием становилось получение раз в квартал дозволенных писем. Я заранее волновался, думал о письме, пытался представить все его подробности. Письмо приходило от моей невесты, вернее, тюремная администрация так считала. Это была сестра моего товарища, я никогда не видел эту девушку, и прежде ничего о ней не слышал. А поскольку я мог обмениваться письмами только с родственниками, товарищи еще в Лейпциге обеспечили меня «невестой». Все годы моего заключения эта девушка верно и храбро описывала мне все события в кругу наших знакомых и передавала им новости от меня. Но я так *никогда* и не смог привыкнуть к мелочным и изощренным придиркам надзирателей; самые изобретательные из них постоянно держали меня в состоянии сильного напряжения. Старшие служащие тюрьмы, вплоть до директора, всегда обращались со мной вежливо. Как, впрочем, и большинство надзирателей, с которыми я имел дело все эти годы. Только трое из них по политическим мотивам (они были социал-демократами) придирались ко мне везде, где только могли. Часто это были придирки по сущим пустякам, и все же это задевало меня очень сильно. Меня это оскорбляло больше, чем если бы меня избивали. Несправедливые, злобные и умышленные

придирки причиняют каждому заключенному с чуткой душой и сложной внутренней жизнью гораздо более сильные страдания, чем физические действия. Они угнетают сильнее рукоприкладства. Я часто пробовал игнорировать их — мне это *не* удалось.

Я привык к грубому обхождению надзирателей, которые тем больше упивались возможностью произвола, чем они были примитивнее. Я привык охотно и даже с внутренней усмешкой выполнять часто бессмысленные распоряжения этих во всех отношениях ограниченных чиновников. Я привык к подлым манерам поведения большинства заключенных. Но я так и не привык — хотя и встречался с этим ежедневно — спокойно воспринимать легкомысленное, подлое отношение заключенных к тому, что для многих людей было свято; эти проявления становились особенно болезненными, когда заключенные замечали, что кому-то из сокамерников их выходки причиняют страдания. Это нервировало меня всегда.

Хорошая книга во всякое время становилась моим добрым другом. В прежней суетной жизни у меня не было ни времени, ни возможности для чтения. Но в одиночном заключении я *всё* это получил — особенно в первые два года отбывания наказания. Оно стало для меня отдыхом, над книгами я мог забыть всю свою прежнюю жизнь.

По прошествии двух лет, которые протекли довольно однообразно, со мной стали происходить довольно странные вещи. Я начал время от времени становиться очень раздражительным, нервным и легко возбудимым. Мной овладевало отвращение к работе, она у меня не получалась, и я ее все время переделывал. Я не мог есть, меня тошнило от каждого куска, который я пытался проглотить вопреки собственной воле. Я больше не мог читать и вообще не мог сосредоточиться. Я метался по своей камере подобно дикому зверю. Я больше не мог спать, хотя прежде спал хорошо и почти всю ночь проводил без сновидений. Мне приходилось вставать и беспокойно ходить по камере. Если же от усталости я падал в постель и засыпал, то вскоре просыпался весь в поту от кошмаров, которые меня посещали. В этих кошмарах я долго убегал от каких-то преследователей, меня убивали, расстреливали, либо я падал в пропасть. *Ночи* стали для меня пыткой. Час за часом слушал я бой часов на башне. Чем ближе становилось утро, тем больше страшил меня наступающий день и люди, которые должны были появиться. Я не хотел видеть никого. Я пробовал взять себя руки, но ничего не мог с собой поделать. Я пытался молиться, но мои молитвы превращались в испуганный лепет, потому что я все их

давно забыл. Я не мог найти путь к богу. Во время таких припадков я верил, что бог не хочет мне помочь, потому что я сам оставил его. Мой официальный выход из церковной общины 1922 года теперь пугал меня. В конечном счете, этот поступок был всего лишь способом урегулировать обстоятельства, сложившиеся после окончания войны. Ведь в глубине души я постепенно отошел от церкви уже в последние военные годы. Теперь же я горько упрекал себя в том, что не покорился воле своих родителей и не стал священником. Странно, но всё это очень мучило меня в моем теперешнем положении, во время приступов этого странного состояния. Мое внутреннее напряжение росло день ото дня, час от часа. Я был близок к буйному помешательству. Мое физическое состояние ухудшалось. На мою необычную рассеянность обратил внимание мастер — ведь я уже не справлялся с простейшими вещами, и хотя я бешено работал, я не мог выполнить задание. Я голодал много дней, но однажды мне показалось, что я снова смог бы что-нибудь съесть. При этом один надзиратель заметил, как я выбрасываю свой обед в бачок с объедками. Даже он, обычно устало и равнодушно исполнявший свою службу и едва ли принимавший близко к сердцу нужды заключенных, обратил внимание на мой вид и на мое поведение, и после этого, как он сам мне позже рассказал, стал приглядывать за мной внимательнее. Меня тут же показали врачу. Этот старый господин, проработавший в тюрьмах не один десяток лет, терпеливо выслушал меня, полистал мое дело, а затем преспокойно сказал: «Тюремный психоз. Он еще повторится, но не в такой тяжелой форме!» Меня доставили в тюремную больницу, сделали там укол и обернули в холодные простыни. После этого я тут же впал в глубокий сон. В течение нескольких последующих дней я получал успокоительные средства и больничную диету. Мое возбужденное состояние прошло. По моей просьбе я был переведен обратно в камеру. Меня хотели отправить в общую камеру, но я попросил оставить меня в одиночной. В эти дни директор тюрьмы сообщил мне, что за хорошее поведение и усердие к работе меня переводят на II ступень, и я получу всевозможные облегчения режима. Отныне я смогу ежемесячно отправлять письмо, смогу получать почту без ограничений, мне будет позволено получать сколько угодно книг и учебников, держать на подоконнике цветы, не гасить свет до 22 часов, а по моему желанию воскресенья и праздничные дни я смогу проводить с другими заключенными.

Этот просвет и перспектива поблажек помогли мне справиться с депрессией вернее, чем все успокоительные средства. Однако глубокий отпечаток этого состояния сохранился

во мне надолго. Есть между небом и землей вещи, которые не переживают в череде будней, но о которых всерьез задумываются только в полном одиночестве. Существует ли связь между живущими и усопшими? В часы сильнейшего возбуждения, когда мои мысли путались, я видел своих родителей живыми и разговаривал с ними так, как будто до сих пор находился под их опекой. Я и сейчас не могу объяснить этого. Но за все прошедшие с тех пор годы я не разговаривал об этом ни с *кем*.

В последующие годы своего заключения я не раз мог наблюдать тюремный психоз. Многие припадки заканчивались в камере для буйных, еще большие — умопомрачением. Известные мне заключенные, пережившие этот тюремный психоз, потом еще долго испытывали ужас перед ним. Они были потрясены им. Некоторые вообще так и не смогли избавиться от этого угнетенного состояния духа.

Большинство самоубийств, которые я там видел, я связываю с тюремным психозом. В таком состоянии не слышны доводы разума, исчезают все препятствия, которые удерживают человека от самоубийства на воле. Чудовищное возбуждение, которое испытывает при этом человек, толкает его на крайнее средство, чтобы прекратить мучения и обрести покой!

По моему опыту, случаи симуляции сумасшествия ради освобождения из мест лишения свободы бывают в тюрьмах крайне редко, поскольку это связано с переводом в психиатрическую больницу до тех пор, пока больной снова не станет вменяемым или останется в сумасшедшем доме до конца жизни.

Поразительно: большинство заключенных испытывали почти суеверный страх перед сумасшествием!

После этой глубины, этой катастрофы моя жизнь в тюрьме начала протекать без особых событий. Я становился всё более спокойным и уравновешенным.

В свободное время я усердно изучал английский язык. Я получал учебники, а позднее мне постоянно присылали английские книги и журналы. Таким образом я примерно за год без посторонней помощи выучил этот язык. Одновременно это стало превосходной мерой духовного исправления.

От товарищей и знакомых семейств я постоянно получал хорошие и весьма ценные книги по всем отраслям знаний. Больше всего меня интересовали история, расовая теория и учение о наследственности, которыми я занимался с особой охотой. По воскресеньям я играл в шахматы с заключенными, которые вызывали у меня симпатии. Именно эта игра — а лучше сказать, серьезный духовный поединок — особенно способна

поддерживать и освежать упругость духа, которая постоянно подвергается опасности в однообразной жизни за решеткой.

Благодаря многочисленным и всесторонним связям с внешним миром — через книги, газеты и журналы — я также постоянно получал благодатные новые импульсы. Если же порой на меня находило мрачное настроение, подавленность, досада, то воспоминание о пережитой «мертвой точке» действовало на меня как удар бича и быстро разгоняло собравшиеся облака. Страх перед повторением был слишком велик.

Перевод на III ступень, который последовал на четвертом году моего заключения, принес мне новые послабления режима: каждые 14 дней я мог писать письма, не подлежащие перлюстрации, и без ограничения. Труд отныне был для меня не обязательным, а только добровольным. Я мог выбирать себе работу и [получать] более высокую оплату. Прежде моя, как её называли, «трудовая награда» составляла, при выполнении дневного урока, 8 пфеннигов, из которых, в свою очередь, 4 пфеннига можно было ежедневно тратить на приобретение дополнительных продуктов питания. В самом благоприятном случае — 1 фунт сала в месяц. На III ступени оплата ежедневного трудового урока составляла уже 50 пфеннигов, и весь заработок я уже мог тратить на себя. Кроме того, я еще мог ежемесячно тратить на себя по 20 марок собственных денег. Другим новшеством на III ступени было также право слушать радио и курить в определенные часы.

Поскольку к этому времени оказалось свободно место писаря в хозяйственной части тюрьмы, я попросил назначить меня туда. Благодаря этому я был занят в течение всего дня, а также многое узнавал от приходящих и уходящих заключенных всех отделов, которые ежедневно являлись в хозчасть для обмена одежды, белья и инструментов. От приходивших с ними тюремщиков я также довольно много узнавал обо всём, что происходило каждый день. Хозчасть была местом сбора сведений, новостей и слухов. Там я узнал, как возникают и мгновенно распространяются разного рода слухи, а также смог наблюдать их последствия.

Новости, слухи, которые передаются как можно более секретными способами, — *это эликсир жизни в тюрьме*. Чем сильнее изолирован заключенный, тем сильнее слух. Один из моих «сотрудников», то есть один из заключенных, работавший вместе со мной в хозчасти, находившийся там уже больше десяти лет и сам ставший инвентарём, находил дьявольское развлечение в том, чтобы придумывать всякого рода слухи и наблюдать за их действием. Поскольку он действовал очень хитро, его никогда нельзя было уличить при возникавших то и дело серьезных

происшествиях. Однажды я сам стал жертвой такого слуха: согласно этому слуху, благодаря дружескому расположению высших чиновников тюрьмы ночью ко мне в камеру пускают женщин. Один из заключенных через тюремщика тайно передал эти сведения, изложенные в виде анонимной жалобы, в учреждение, ведающее исполнением наказания, в карательную и надзорную инстанцию. Однажды ночью в мою камеру внезапно нагрянул сам глава тюремного ведомства в сопровождении своих заместителей, а также директора тюрьмы, вытащенного из постели. И всё это для того, чтобы лично убедиться в истинности этой жалобы! Несмотря на тщательно проведенное расследование, не удалось найти ни сочинителя жалобы, ни того, кто передавал этот слух! При моем освобождении мой вышеупомянутый «сотрудник» сообщил мне, что это он сочинил этот слух, написал записку заключенному из соседней с моей камерой, а тот в свою очередь написал жалобу, чтобы отомстить директору тюрьмы, отклонившему его прошение о смягчении режима. *Причина и следствие!* А ведь всё это могло окончиться и гораздо хуже!

Особый интерес для меня в этом заведении представляли заключенные, вновь прибывающие в тюрьму. Наглый, самоуверенный и дерзкий профессиональный преступник. Исправить его не смогло бы и самое тяжелое наказание. Он — оптимист. Уж как-нибудь и ему выпадет благоприятная возможность. Нередко на воле он проводил всего несколько недель, бывал, так сказать, в отпуске. Тюрьма постепенно превращалась в постоянное место его обитания. Оступившиеся впервые, либо ставшие, по воле злого рока, заключенными во второй или в третий раз, были подавленными, робкими, обычно мрачными, немногословными, часто охваченными страхом. На их лицах можно было прочесть переживания, несчастье, беду и отчаяние. Здесь много интересного материала для психоаналитика или для социологов!

После всего, что я видел и слышал в течение дня, вечером мне было радостно возвращаться в свою одиночную камеру. Я спокойно обдумывал события дня и делал выводы. Я углублялся в свои книги и журналы или читал письма, пришедшие мне от родных и близких и просто друзей. Читал об их планах, о том, что мы вместе будем делать после моего освобождения, и улыбался их желанию вселить в меня мужество и утешить. В этом я больше не нуждался. На пятом году заключения я уже привык к тюрьме.

Мне осталось отбыть еще пять лет лишения свободы, не имея ни малейшей возможности сократить этот срок. Многочисленные просьбы о помиловании со стороны влиятельных лиц, и даже

ходатайство человека, близкого к рейхспрезиденту Гинденбургу, были отклонены по политическим мотивам. Я больше не рассчитывал на то, что меня освободят до истечения десятилетнего срока, и строил планы своих дальнейших занятий: языки, продолжение образования. Думал о чем угодно, но только не о досрочном освобождении.

И вдруг оно совершилось! Благодаря крайне правым и крайне левым, в рейхстаге внезапно собралось большинство, сильно заинтересованное в освобождении *их* политических заключенных. Чуть ли не экспромтом была проведена политическая амнистия[27] и я в числе многих других освободился.

5. После освобождения: через «Артаманен» к СС (1929–1934)

Оказаться на свободе спустя шесть лет! Снова обрести дар жизни! Я и сегодня вижу себя стоящим на огромной лестнице Потсдамского вокзала в Берлине и с интересом смотрящим на суету Потсдамской площади. Так я долго стоял, пока, наконец, ко мне не обратился один господин, спросивший меня, куда мне нужно. Должно быть, я дико взглянул на него и пробормотал что-то глупое, потому что он тут же удалился. Для меня не существовало этого движения вокруг, я чувствовал себя кинозрителем. Это освобождение произошло слишком внезапно и неожиданно, и всё вокруг меня было таким неожиданным, слишком чужим!

Одна берлинская семья дала мне телеграмму, которой пригласила к себе. Хотя я хорошо знаю Берлин и легко нашел нужную квартиру, на первых порах мне пришлось нелегко. В первые дни меня всегда кто-нибудь сопровождал, когда я осмеливался выйти на улицу, потому что я не замечал дорожные указатели, не замечал опасностей, связанных с оживленным уличным движением. Желая сделать для меня что-нибудь хорошее, меня таскали на кинофильмы, в театры, на всевозможные мероприятия, в общество — короче, в места, которые житель большого города считает необходимыми. Теперь это обрушивалось на меня со всех сторон, и хорошего стало слишком много. Я же был совершенно раздавлен этим и мечтал о покое. Я хотел как можно скорее сбежать от шума, спешки и суеты большого города. Вон из него — в село. Спустя десять дней я покинул Берлин, чтобы занять место сельскохозяйственного служащего. Приглашений совместно отдохнуть у меня еще оставалось много. Но я хотел работать. Отдыхал я и без того достаточно долго.

Планы, выполнением которых меня хотели осчастливить дружественные семейства и товарищи, были многочисленными и разнообразными. Все хотели помочь мне, обеспечить мое существование, облегчить мой переход к нормальной жизни. Я должен был ехать в Восточную Африку, в Мексику, в Бразилию, в Парагвай, в Соединенные Штаты. И все это — с самыми лучшими намерениями, с тем, чтобы удалить меня от Германии, с тем, чтобы я не ввязался снова в политическую борьбу крайне правых.

Однако другие, прежде всего мои старые товарищи, непременно хотели видеть меня в первых рядах боевой организации НСДАП.

Я отклонил предложения *обоего* рода. Хотя я был членом партии с 1922 года[28] и разделял ее убеждения, я решительно отвергал массовую пропаганду, спекуляцию на благополучии масс, обращение к их низким инстинктам, и даже их тон. В 1918–1922 я хорошо узнал «массу»! Правда, я хотел остаться членом партии, но не получая какой-либо партийной должности и не вступая в низовую организацию. Я предпочитал другое. Ехать за границу я не хотел тоже. Я хотел остаться в Германии и участвовать в строительстве новой жизни. Участвовать, имея долгосрочную перспективу — я хотел осесть на земле!

Долгие годы уединения в тюремной камере привели меня к осознанию *следующего:*

Для меня существовала только одна цель, ради которой стоило работать, сражаться — единоличное крестьянское хозяйство и большая здоровая семья. Это должно было стать содержанием моей жизни, целью моей жизни.

Сразу после моего освобождения из тюрьмы я установил связь с «Артаманен».

Об этом союзе и его цели мне стало известно во время моего заключения из литературы, и я тщательно занялся им. Это было общество молодых, национально сознательных людей, юношей и девушек, выходцев из молодежных движений всех национально ориентированных партийных направлений, которые желали вырваться из нездоровой, разрушительной и поверхностной жизни городов, особенно больших городов, и обратиться к здоровому, суровому и естественному образу жизни на селе. Они отвергали алкоголь и никотин, и вообще всё, что не служило здоровому развитию духа и тела. А кроме того, они желали вернуться на этих принципах к земле, к жизненным источникам немецкого народа, в здоровое крестьянское поселение.

Таким был и мой путь — эту цель я давно искал. Я отказался от места сельскохозяйственного служащего и влился в сообщество единомышленников. Я порвал все связи с прежними товарищами, со знакомыми и дружественными семействами, потому что они, в силу своего мировоззрения, не понимали моего шага, и потому что я хотел начать свою новую жизнь без помех.

Уже в первые дни я познакомился со своей будущей женой, воодушевленной теми же идеалами, которая вместе со своим братом нашла путь к «Артаманен».

С первого же взгляда мы поняли, что представляем вместе одно существо. Созвучие нашего доверия и понимания было таким, будто мы с юности жили вместе. Наши мировоззрения во всех областях были одинаковыми. Мы соглашались друг с другом во всем. Я нашел *ту* женщину, о которой тосковал в долгие годы

одиночества. Все годы нашей совместной жизни вплоть до нынешнего дня это внутреннее созвучие мы пронесли через счастье и несчастье, через все внешние воздействия, и его не могли поколебать случайности. Только одно было и осталось моей постоянной печалью: с тем, что затрагивало меня больнее всего, я должен был справляться в одиночку, не смея рассказать о нем ей.

Мы поженились, как только это стало возможным[29], чтобы поскорее приступить к совместной суровой жизни, которую мы выбрали добровольно, повинуясь своим убеждениям. Мы ясно видели долгий, тяжелый, многотрудный путь к нашей цели. *Ничто* не должно было отвратить нас от него. Наша жизнь в течение последующих пяти лет воистину не была легкой, но никакие трудности не могли лишить нас присутствия духа. Мы были счастливы и довольны, когда своим примером, своим воспитанием могли приобщить к своей идее новых верующих.

Три наших ребенка уже родились — для нового утра, для нового будущего. Вскоре нам должны были выделить участок земли. Но всё вышло по-другому! Приглашение Гиммлера в июне 1934 вступить в кадровые СС отвратило меня от нашего прежнего, столь надежного и целенаправленного проходившегося пути[30].

Долго, долго не мог я прийти к решению. Это противоречило моим привычкам. Но соблазн снова стать солдатом был силен. Сильнее, чем сомнения моей жены в том, что эта профессия внутренне удовлетворит меня. Но она согласилась с этим, когда увидела, *насколько сильным* было мое желание снова стать солдатом.

Надеясь на предстоящие повышения по службе и связанные с этим финансовые выгоды, я смирился с мыслью о том, что должен свернуть с нашего прежнего пути, оставаясь при этом приверженцем прежней цели нашей жизни. Эта цель — крестьянская усадьба как родина, родное гнездо для нас и наших детей — всегда имелась нами в виду, в том числе и в последующие годы. *От нее* мы не отказывались *никогда*. Я собирался уйти после войны с действительной службы и создать усадьбу.

После долгих колебаний и сомнений я решился перейти на кадровую службу в СС. Сегодня я глубоко сожалею о том, что сошел с прежнего пути. Моя жизнь, жизнь моей семьи потекла бы по другому руслу, хотя и сегодня мы не имели бы ни своего дома, ни своей усадьбы. Годы, проведенные в трудах, дающих внутренний мир, оказались бы очень ценными. Но кто бы смог предугадать ход связанных друг с другом человеческих судеб? Что верно, что неверно?

Меня не беспокоило то, что у предложения Гиммлера [вступить] в кадровые СС[31], в охранную часть концентрационного лагеря, оказалось такое дополнение, как концентрационный лагерь. Это понятие было для меня чуждым. Я просто не мог его осознать. В Померании мы жили уединенно, и там едва ли можно было услышать что-то о КЛ.

Я представлял только жизнь кадрового солдата, военную жизнь.

6. Концентрационный лагерь Дахау: блок- и рапортфюрер (1934–1938)

Я прибыл в Дахау, снова стал молодым солдатом со всеми радостями и страданиями такой жизни, сам стал инструктором[32]. Солдатская жизнь захватила меня. Еще на занятиях, во время обучения я слышал о «врагах государства», о заключенных за решеткой, о применении оружия и об опасности «врагов государства», как их называл Айке[33].

Я видел заключенных на работе, видел, как они поступают в лагерь и выходят из него. Я слышал о них от товарищей, которые служили в лагере уже с 1933.

Мне хорошо запомнилось первое телесное наказание, свидетелем которого я стал. Согласно распоряжению Айке, при исполнении этого наказания должна была присутствовать по крайней мере одна рота из состава охраны. Двое заключенных, укравших в буфете сигареты, были приговорены к 25 палочным ударам каждый. Подразделение было с оружием построено в каре. В центре стояли козлы. Обоих заключенных привел блокфюрер. Появился комендант. Шутцхафтлагерфюрер и старший по должности командир роты сделали доклады. Рапортфюрер зачитал приговор и первый заключенный, маленький закоренелый лентяй, должен был лечь на козлы. Два человека из роты крепко схватили его за голову и за руки, и два блокфюрера начали по очереди, удар за ударом, исполнять наказание. Заключенный не издал ни звука. Иначе повел себя второй — сильный широкоплечий политзаключенный. Уже после первого удара он дико закричал и хотел вырваться. Он продолжал кричать до последнего удара, хотя комендант не раз приказывал ему молчать. Я стоял в первых рядах и мне пришлось смотреть на все это до конца.

Я говорю «пришлось», потому что, окажись я в задних рядах, смотреть на это я не стал бы. Когда начались крики, меня начало бросать то в жар, то в холод. Да и сама процедура заставила меня трястись от отвращения. Позднее, когда началась война, при

первой экзекуции я не был возбужден так, как при этом телесном наказании. Объяснение этому я найти не могу.

В тюрьме до революции 1918 телесные наказания применялись тоже, а затем они были отменены. Человек, исполнявший эти наказания, еще находился на службе, и его называли «костоломом». Это был грубый, распутный, постоянно пахнувший алкоголем человек, для которого заключенные всегда оставались всего лишь номерами. Представить его палачом было очень легко. В одной из камер я видел и козлы, и палки, применявшиеся при наказании. Мне, однако, было жутко представить вместе с ними и «костолома» тоже.

Во время последующих телесных наказаний, при которых мне приходилось присутствовать, пока я находился в подразделении, я всегда старался оказаться позади. Позднее, когда я был блокфюрером[34], я всегда старался податься назад, особенно при нанесении ударов. Сделать последнее было легко, ибо некоторые блокфюреры, наоборот, старались протиснуться вперед.

Находясь в должности рапортфюрера, шутцхафтлагерфюрера, я был обязан при этом присутствовать. Но я не делал этого с охотой. Став комендантом и распоряжаясь о наказании, сам я редко при них присутствовал. И, конечно, я не делал таких распоряжений необдуманно.

Почему я испытывал такой страх перед *этим* наказанием? При всем желании мне нечего сказать. В то время только один блокфюрер чувствовал себя так же и старался уклониться от этих процедур — Шварцхубер. Позднее он был шутцхафтлагерфюрером в Биркенау и Равенсбрюке.

Почти все блокфюреры, которых влекло к *этому*, и которых я узнал с этой стороны, были сплошь коварными, грубыми, склонными к насилию, часто подлыми созданиями, которые вели себя так же и с товарищами, и с членами своих семей. *Для них* заключенные не были людьми.

Несколько лет спустя трое из них за жестокое обращение с заключенными других лагерей были привлечены к ответственности и повесились, находясь под стражей. В нашем подразделении имелось достаточное количество эсэсовцев, относившихся к исполнению телесных наказаний как к любопытному зрелищу, своего рода увеселению. К их числу я определенно не принадлежал. Еще в свою рекрутскую пору в Дахау я пережил такой случай. Были вскрыты совместные махинации унтерфюреров СС и заключенных. Четверых членов СС суд Мюнхена — эсэсовских судов тогда еще не было — приговорил к большим срокам лишения свободы. Этих четверых в полной форме провели перед всем охранным батальоном, а затем

Айке лично разжаловал их и с позором выгнал из СС. Он лично сорвал с них эмблемы, петлицы и знаки различия и отправил их в роты, а затем распорядился передать их органам правосудия для отбытия наказания. После этого он воспользовался случаем для всяких поучений и наставлений. Он сказал, что предпочел бы переодеть этих четверых в униформу заключенных, наказать их палками и отправить к их дружкам за колючую проволоку. Однако РФСС не одобрил бы такого поступка.

Такая же судьба ожидала всякого, кто свяжется с *теми* за колючей проволокой. Все равно, с преступными намерениями или из сострадания. И то, и другое предосудительно. Даже тень жалости обнажит перед «врагами государства» слабое место, которое они тут же используют. Какое бы то ни было сострадание «врагам государства» недостойно эсэсовца. Неженкам нет места в их рядах, и лучше им как можно скорее перебраться в монастырь. Он может использовать только твердых, решительных мужчин, беспрекословно выполняющих любые приказы. Они не зря носят «мертвые головы» и заряженное оружие. *Они — единственные солдаты, в мирное время днем и ночью противостоящие врагам, врагам за колючей проволокой!*

Разжалование и изгнание уже само по себе было мучительной процедурой, которое принял к сердцу каждый солдат, особенно я, переживший такое впервые. Но еще больше пищи для размышлений дало мне наставление Айке. Ведь о «врагах государства» — «врагах за колючей проволокой» — я не имел ясного представления, я просто не знал их. Вскоре я должен был познакомиться с ними как следует!

Через полгода моей службы в подразделении Айке неожиданно издал приказ, по которому все старшие фюреры и унтерфюреры исключались из подразделения и отправлялись на лагерную службу. В том числе и я. Меня в должности блокфюрера переводили в шутцхафтлагерь. Мне это совсем не понравилось. Вскоре появился Айке, и я подошел к нему с рапортом. Я попросил его в виде исключения отправить меня обратно в подразделение — ведь я душой и телом был солдат, и только желание снова стать солдатом вообще привело меня в кадры СС.

Он хорошо знал мой жизненный путь и поэтому считал меня — благодаря испытанному на своей собственной шкуре опыту общения с заключенными — особенно пригодным. Никто не был пригоден для работы в шутцхафтлагере больше, чем я. Кроме того, он не мог сделать исключения. Его приказ останется неизменным. Мне следовало подчиниться: ведь я был солдатом! Ведь я же сам этого хотел. Я тут же затосковал по прежнему нелегкому полю деятельности, о суровом, но свободном пути, по

которому шел раньше.

Но дороги назад уже не было! Странные чувства овладевали мной, когда я вступил в новый круг деятельности. В новый мир, с которым мне предстояло быть связанным ближайшие десять лет. Конечно, я сам шесть лет пробыл заключенным, я хорошо знал жизнь заключенных, знал обычаи этой жизни, её светлые, но еще больше мрачные стороны, все её движущие силы и все её нужды. Однако концентрационный лагерь был для меня *внове*. О колоссальной разнице между жизнью в тюрьме, арестном доме, и жизнью в концлагере мне только предстояло узнать. Я узнавал и изучал ее снизу доверху, часто больше и основательнее, чем мне этого хотелось бы.

Вместе с еще двумя новичками — Шварцхубером и Реммеле, который позднее стал начальником команды в Айнтрахтхюте[35]меня отправили к заключенным, *не дав* набраться опыта на должностях шутцхафтлагерфюрера или рапортфюрера.

Вечером я довольно смущенно стоял на перекличке перед доверенными мне заключенными, которые с любопытством разглядывали своего нового компанифюрера — так тогда назывался блокфюрер. Лишь позже я смог узнать, какие вопросы были написаны на их физиономиях.

Мой фельдфебель — так тогда назывался блокэльтесте — содержал роту, которую позднее стали называть словом «блок», в полном порядке. Он и его компаньоны — штубенэльтесте — были политзаключенными, старыми убежденными коммунистами, но при этом бывшими солдатами, которые охотно рассказывали о своих солдатских временах. Подвергнутых принудительным работам заключенных, которые в большинстве своем попадали в лагерь совершенно опустившимися, они приучили к порядку и чистоте так, что мне не приходилось говорить на этот счет ни слова. Заключенные тоже старались не бросаться в глаза. Ведь от *их* фюрера, от *их* трудовых достижений зависело, будут ли они освобождены по истечении полугода, или для воспитания понадобится еще один квартал либо полгода!

Вскоре я познакомился поближе с людьми из моей роты численностью в 270 человек и уже мог решать вопрос об их готовности к освобождению. За время моей службы в качестве блокфюрера лишь некоторых из них мне пришлось переводить, как неисправимых, в шутцхафтлагерь для асоциальных. Они крали всё, что попадалось им на глаза, уклонялись от любой работы и были неряшливы во всём. Большинство из них освобождалось по истечении предписанного срока. Рецидивов почти не имелось.

Если они не имели по несколько судимостей или другие отметины антиобщественного поведения, заключение все же угнетало их. Они испытывали стыд — особенно пожилые, которые прежде не вступали в конфликт с законом. Их наказали потому, что из-за своей твердолобости, из баварского упрямства они многократно уходили со своей работы, или слишком любили пиво, или совершили другие проступки, которые привели *их* к прогулам, давшим, однако, ведомству по труду повод водворить их в лагерь. Но все они переносили тяготы лагерной жизни более или менее стойко, ибо знали наверняка, что по окончании *своих сроков* будут выпущены на свободу.

Иначе обстояло дело с девятью десятыми других обитателей лагеря. Это были: рота, [состоявшая из] евреев, эмигрантов, гомосексуалистов, иеговистов, рота асоциальных и семь рот политических заключенных, преимущественно коммунистов. Сроки ареста этих политзаключенных были совершенно неопределенными. Они зависели от *непредвиденных* факторов. Данным заключенным это было известно, и такую неопределенность они переносили очень тяжело. Уже только эта причина делала их лагерную жизнь мучением. Я говорил об этом со многими трезвомыслящими, благоразумными политзаключенными. Все утверждали в один голос: можно было вынести все тяготы лагерной жизни — произвол эсэсовцев или лагерного актива, суровую дисциплину, многолетнее принудительное сожительство, однообразие будней, но только не неизвестность срока заключения. Это разрушало даже самую сильную волю. Неопределенность срока заключения, — а его продолжительность часто зависит от совершенно ничтожных чиновников, — это, по моим наблюдениям и выводам, фактор, который оказывает самое плохое, сильнейшее воздействие на души заключенных. Профессиональный преступник, приговоренный, например, к 15 годам тюрьмы, знает, что он выйдет на свободу не позднее этого срока, а еще вероятнее, значительно раньше. Политзаключенный в КЛ, водворенный туда зачастую на основании невнятного доноса или усилиями недоброжелателей, направляется в КЛ на неопределенное время. Его срок может продлиться год, он может продлиться десять лет. Ежеквартальный пересмотр ареста, предписанный в отношении немецких превентивно арестованных, был только формальностью. Решение зависело от инстанции, которая подвергала аресту. А она ни в коем случае не хотела допустить ошибку. Жертвой оказывался заключенный, навсегда переданный «на усмотрение» отправившей его в лагерь инстанции. Его протесты и жалобы не имели смысла. При благоприятных обстоятельствах иногда

случались, в порядке исключения, «пересмотры», которые заканчивались внезапным освобождением. Но всё это были исключения. Как правило же, продолжительность срока определялась произволом судьбы.

Три вида надзирателей и охранников имелись равным образом в следственном изоляторе, в тюрьме и в концентрационном лагере. Они могли превратить жизнь заключенного в ад, но могли и облегчить само по себе тяжелое существование заключенного, сделать его переносимым.

Злонамеренные, изначально злые, грубые, подлые натуры видели в заключенном лишь объект, на котором они могут безнаказанно выместить свои, нередко извращенные, страсти, стремления, свои комплексы неполноценности. Они не знали ни сострадания, ни каких-либо других теплых чувств. Они использовали любую возможность для того, чтобы помучить вверенных им заключенных, особенно тех, которые не могли их переносить, — начиная с мелких придирок и кончая омерзительнейшими махинациями, высвобождением своих темных инстинктов и истязаниями — каждый по своим наклонностям. Особенно они радовались душевным мукам своих жертв. Никакие запреты не могли удержать их от разгула недобрых страстей — только надзор над ними самими. Они постоянно изыскивали всё новые способы душевных и телесных пыток. Горе тем заключенным, которые оказывались «на крючке» у этих низких натур или у их помощников-заключенных, которые попустительствовали таким наклонностям или, более того, имели их сами.

Вторая категория — преобладающее большинство — были равнодушными людьми, которые тупо несли службу, сносно или спустя рукава выполняли свои обязанности, раз уж их приходилось выполнять. Заключенные были для них вещами, подлежавшими надзору и охране. Вряд ли они задумывались о заключенных и о существовании, которое те влачили. Удобства ради они просто выполняли полученные предписания, держались за букву инструкции. В большинстве своем они были ограниченными созданиями. Сами по себе они не хотели причинять заключенным зло. Но из-за своего равнодушия, стремления к комфорту и ограниченности они причиняли заключенным слишком много вреда, мучили, травмировали психически и физически многих заключенных, даже не замечая этого. Именно *они* в первую очередь позволяли заключенным зачастую недостойно обращаться со своими сокамерниками и солагерниками.

Третья категория — натуры добродушные, имевшие доброе

сердце и сострадание, способные осознать бедственное положение человека. Среди них тоже имелись различия. Одни лишь строго и добросовестно выполняли предписания и не спускали заключенным нарушений, другие же по доброте старались истолковать инструкции в пользу заключенных и пытались, насколько это было в их власти, облегчить их положение или, по крайней мере, не усложнять его без особой необходимости. Разные варианты этого типа доходили до наивных добряков, чье простодушие граничило с чудом — они прощали заключенным всё, они старались выполнить любое их желание, помогали заключенным, чем могли из-за своей доброты и безграничного сострадания, и даже не могли представить, что среди заключенных тоже есть плохие люди.

Уже строгость, соединенная с доброжелательностью и сочувствием, успокаивает заключенного, всегда жаждущего человеческого понимания; причем, чем хуже его положение, тем сильнее это проявляется. Добрый взгляд, доброжелательный кивок, доброе слово часто действуют чудесным образом, особенно на чуткие души. А если заключенный встречает еще и тактичность, она может подействовать самым неожиданным образом. Даже отчаявшиеся, махнувшие на себя рукой снова обретают волю к жизни, когда они видят хоть что-то, напоминающее любезность. *Каждый* заключенный пытается смягчить свою участь, облегчить свое положение. Он извлекает выгоду из указанной доброты, из человеческого понимания. Заключенные, не считающиеся ни с чем, идут на всё и именно *здесь* они находят слабое место и предпринимают прорыв. Поскольку заключенный в целом духовно превосходит низший надзирательский и охранный персонал, он быстро находит слабое место в лице добрых, но ограниченных натур. И это — обратная сторона непомерного добродушия и легковерия по отношению к заключенным. Один-единственный знак человеческого участия к более сильному волей заключенному может положить начало цепи служебных проступков, которая заканчивается тяжелым, даже тяжелейшим возмездием. Начиная с безобидной передачи писем и кончая содействием при побеге.

Несколько примеров могут проиллюстрировать различные действия трех описанных выше категорий в одинаковых ситуациях.

В следственном изоляторе. Заключенный просит служащего ослабить вентиль в трубе парового отопления и прибавить тепла в его камере, потому что стоят холода и он сильно замерз. Если это злой служащий, он закрутит вентиль совсем и будет долго наблюдать, как заключенный от холода бегает по камере и делает

всё более энергичные физические упражнения. В ночную смену приходит равнодушный; заключенный вновь просит об отоплении. Равнодушный откручивает вентиль полностью и всю ночь больше не заглядывает в камеру. Через час камера нагрета до такой степени, что заключенный всю ночь держит окна открытыми и в результате его переохлаждение становится еще более серьезным.

В исполнительной тюрьме. Купание в разное время. Заключенных ведут мыться под началом злого. В раздевалке злой приказывает открыть окна — это посреди зимы — потому что внутри слишком много пара. Криком подгоняя заключенных, он отправляет их в душевую, пускает самую горячую воду, так что ее никто не может выдержать, а затем пускает холодную воду и всем приходится долго под ней стоять. Затем, злобно ухмыляясь, он наблюдает, как окоченевшие заключенные одеваются, едва сгибая при этом пальцы. В следующий раз мыться заключенных отводит равнодушный — тоже зимой. Заключенные раздеваются, а он сидит в раздевалке и читает газету. По истечении определенного времени он соизволяет прекратить чтение и открыть воду. Он открывает горячую воду и снова обращается к газете. Никто не может мыться под чуть ли не кипящей водой. Крики заключенных до него не доходят. Лишь прочитав газету, он встает и закрывает краны. Заключенных он уводит так и не помывшимися. Он смотрит на часы и видит, что время исполнения этой обязанности истекло.

В КЛ, в гравийном карьере. Добродушный конвоир заботится о том, чтобы вагонетки не перегружались, чтобы вверх их толкала усиленная вдвое команда, чтобы рельсы были хорошо укреплены, а железнодорожные стрелки работали исправно. Не повышая голос, он требует от заключенных только выполнения нормы. Так проходит день. Злой конвоир приказывает перегружать вагонетки, везти их в гору приходится обычной команде, причем двигаться при этом бегом на всем протяжении пути. Заключенного, который смотрит за рельсами и смазывает стрелки, он тоже заставляет толкать вагонетку. В результате вагонетка сходит с рельс, капо получают повод для избиений, большая часть заключенных уже к середине дня не способна к работе. Весь день по всему участку раздаются оглушительные крики. В итоге к вечеру выполнена едва ли половина задания. Равнодушный конвоир вообще не заботится о команде заключенных. Он перекладывает «работу» на капо и те распоряжаются всем по своему произволу. Их любимчики весь день бездельничают, а остальным приходится работать за всех. Надзора нет никакого. Конвоир долгое время отсутствует.

Я привел наугад три примера из числа ситуаций, которых наблюдал великое множество. Их описанием можно было бы наполнить целые тома. Они лишь показали бы более наглядно, как сильно жизнь заключенных зависит от поведения, от наклонностей конкретных надзирателей и конвоиров — несмотря на все инструкции, на все благие предписания!

Не физические страдания делают особенно тяжелой жизнь заключенного, а прежде всего, и в решающей степени психические травмы, получаемые в силу произвола, злобы и подлости равнодушных или злонамеренных индивидов из охранного персонала и надзорсостава. К непреклонной, справедливой строгости, какой бы жесткой она ни была, заключенный готов, но произвол и откровенно несправедливое обращение действуют на его личность подобно ударам дубины. Не имея возможности ответить, он вынужден безропотно сносить их.

Грубо говоря, охранника и заключенного следует рассматривать как два противостоящих друг другу враждебных мира, причем атакуется преимущественно заключенный — прежде всего, жизнью в заключении самой по себе, а также поведением охранника. Желая выжить, заключенный должен защищаться. Не имея возможности сражаться тем же оружием, он должен изыскивать для защиты другие средства и пути. По возможности он оборачивается к противнику броней своей бесчувственности и тогда идет по избранному им пути более или менее уверенно; либо он станет коварным, скрытным, неискренним, обманет своего врага и таким образом добьется поблажек и облегчений; либо он перейдет на сторону врага, станет кладовщиком, капо, блокэльтесте и т. д., и за счет своих товарищей обеспечит себе сносное существование; либо он поставит на карту всё и совершит побег; либо он подвергнется саморазрушению, опустится, совершит самоубийство. Всё это выглядит жестоко и кажется невероятным, *но это и в самом деле так!*

Думаю, что я могу судить об этом на основании собственных переживаний, своего многолетнего опыта и наблюдений.

Работа в жизни заключенного играет важную роль. Она может облегчить его существование, а может привести к гибели. Для каждого здорового заключенного в нормальных условиях работа — это потребность, внутренняя необходимость. Правда, закоренелые лентяи, бездельники и погрязшие в паразитическом образе жизни тунеядцы способны безмятежно прозябать без труда и при этом не испытывать ни малейших угрызений совести. Работа помогает заключенному пережить пустоту заключения. Труд отодвигает на задний план невзгоды тюремной жизни; когда

заключенный работает, когда он занят работой добровольно — тут подразумевается внутренняя готовность к ней — она приносит ему удовлетворение. Если же заключенный работает по своей специальности или работа соответствует его способностям, подходит ему, он, благодаря ей, обретает душевное равновесие, которое не так-то легко поколебать даже при еще более враждебных ему обстоятельствах. Благо работа в тюрьме, в КЛ — это обязанность, необходимость. Но вообще каждый заключенный при правильном использовании работает добровольно. Его внутренняя удовлетворенность влияет на его состояние в целом. И наоборот, недовольство заключенного работой обременяет его существование.

Скольких страданий, несчастий и даже бед можно было бы избежать, если бы инспекторы по работе и руководители службы труда обращали внимание на эти факты и ходили по мастерским и рабочим местам с открытыми глазами! Я охотно и по доброй воле работал всю свою жизнь. Зачастую в тяжелейших условиях я занимался самой тяжелой физической работой в угольной шахте, в нефтехранилище, на кирпичном заводе, на рубке леса, на изготовлении шпал и добыче торфа. Нет такой важной работы в сельском хозяйстве, которую я бы не выполнял. Я не только трудился, но и хорошо наблюдал за работавшими со мной людьми, за их действиями и бытовыми привычками, за условиями их жизни.

Я могу с полным основанием утверждать, что знаю, что такое работа, что я умею ценить результаты труда. Я всегда бывал доволен сам собой только тогда, когда сделал хорошую работу. От своих подчиненных я *никогда* не требовал больше того, что мог бы сделать сам.

Даже в лейпцигской следственной тюрьме, где меня многое отвлекало и развлекало, — само следствие, многочисленные письма, газеты, визиты, — мне не хватало работы. Наконец, я попросил о ней, и мою просьбу удовлетворили. Я склеивал пакеты. Хотя это и была довольно однообразная работа, всё же это занятие заполняло большую часть дня и принуждало меня к определенному распорядку. Я сам установил для себя твердую норму, и в этом была вся суть.

В исполнительной тюрьме я с самого начала выбрал себе работу, которая тоже требовала внимания, не будучи при этом чисто механической. Такая работа помогала мне в течение многих дневных часов не предаваться бесполезным мучительным мыслям. А по вечерам я испытывал к тому же приятное чувство: не только окончился еще один день, но и была сделана добрая работа. Лишение работы стало бы для меня самым тяжелым

наказанием.

Даже в нынешнем заключении мне очень не хватает работы. Как я благодарен за предоставленную мне возможность письменного труда, который захватывает меня целиком.

Я разговаривал о работе со многими сокамерниками в тюрьме, а затем со многими заключенными в КЛ, особенно в Дахау. Все были убеждены в том, что жизнь за решеткой, за колючей проволокой на досуге, без работы невыносима и даже представляет собой худший вид наказания.

Работа в заключении — это не только действенное воспитательное средство в хорошем смысле этого слова, средство самовоспитания, которое также побуждает заключенного оказывать сопротивление разрушительному воздействию лишения свободы. Она также воспитательное средство для неустойчивых заключенных, для тех, кто нуждается в постоянстве и выдержке, для тех, кого благодатное действие труда еще позволяет вырвать из преступного мира. Однако всё сказанное выше действительно лишь при нормальных условиях.

Именно так и надо понимать девиз «Труд делает свободным»[36]. Твердое намерение Айке было следующим: те заключенные, неважно из какого подразделения, которые выделились из массы благодаря долговременным трудовым достижениям, подлежат освобождению, даже если гестапо и государственная служба криминальной полиции придерживаются противоположного мнения. И несколько таких освобождений произошло. Однако война упразднила доброе намерение.

Я написал о работе так подробно, потому что привык ценить психическую ценность труда и потому что хотел показать, как влияет работа на душу заключенного — насколько я понимаю влияние. О том, что позднее было сделано из работы, из трудоиспользования заключенных, я сообщу позднее.[37]

В Дахау я, как блокфюрер, непосредственно познакомился с отдельными заключенными, и не только из своего блока.

Как блокфюреры мы просматривали исходящую почту заключенных. Тот, кто длительное время читал письма заключенного и обладает достаточным знанием людей, видит точное отражение его души. Каждый заключенный в этих письмах к своей жене, к своей матери пытается, в зависимости от своих наклонностей, описывать свои нужды и заботы. В течение *своего срока* он *не может притворяться,* ускользать от взгляда опытного наблюдателя; не может он делать это и в письмах.

У Айке было понятие «опасные враги государства», которое он так навязчиво, всеми способами и не один год внедрял в умы эсэсовцев, что каждый, не знавший его достаточно хорошо, и на

самом деле проникался таким представлением. Я тоже так думал. Теперь я следил за этими «опасными врагами государства» и теми опасностями, которые они представляли. Находил же я горстку озлобленных коммунистов и социал-демократов, которые, окажись они на свободе, начали бы возмущать население, которые непременно стали бы заниматься нелегальной работой. На этот счет они и высказывались вполне откровенно. Другие заключенные в массе своей были коммунистическими и социал-демократическими функционерами, которые тоже боролись за свои идеи, действовали и лично принесли более или менее много вреда национальной идее, НСДАП. Но при ближайшем рассмотрении, при повседневном общении с ними они оказывались довольно безобидными, миролюбивыми людьми, которые, ввиду краха их мира, желали только одного: спокойно работать и вернуться к своим семьям. По моему мнению, в 1935/1936 из Дахау можно было бы спокойно выпустить три четверти всех политзаключенных без малейшего ущерба для Третьего рейха.

Одна же четверть была фанатично убеждена в том, что их мир возродится. Этих следовало надежно спрятать. Они были опасными врагами государства. Однако их было легко распознать, даже когда они не проявлялись, а, наоборот, всячески пытались замаскироваться. Опаснее же всего для государства, для всего народа были профессиональные преступники, асоциальные элементы, имевшие по 20–30 прежних судимостей.

Согласно замыслу Айке, благодаря длительному обучению и соответствующим приказам об опасности заключенных, его эсэсовцы должны были относиться к заключенным крайне враждебно, ненавидеть их, а всякие признаки сострадания к ним подавлялись в зародыше. Своими усилиями в этом направлении, и прежде всего воздействием на ограниченные натуры, Айке воспитывал такую ненависть к заключенным, какую непосвященные просто не могут вообразить. Такое отношение насаждалось во всех КЛ среди служивших там рядовых эсэсовцев и их командиров, оно распространялось и воспроизводилось[38] еще долгие годы после ухода Айке из Инспекции[39].

Этим насаждением ненависти объясняются все мучения заключенных и жестокое обращение с ними в КЛ.

Такое отношение к заключенным еще больше ухудшилось из-за влияния старых комендантов, таких как Лориц и Кох[40], для которых заключенные были не людьми, а «русскими» или «канаками». Естественно, от заключенных нельзя было утаить эту искусственно возбуждавшуюся против них ненависть. Фанатики, озлобленные еще больше утвердились в своем поведении, добрые

же оказались унижены и отвержены. В шутцхафтлагере явственно чувствовалось приближение новых наставлений Айке. Настроение тотчас же падало. Заключенные в ужасе шарахались при любом телодвижении эсэсовца. Одни слухи о предстоящих мероприятиях сменялись другими. Беспокойством были охвачены буквально все. Не из-за того, что предстояли какие-то жестокости. Нет, просто заключенные очень хорошо чувствовали нарастающую *враждебность* поведения большей части охранников и надзирателей.

Должен подчеркнуть еще раз: не так тяжело физическое воздействие и влияние тюремной жизни на заключенных вообще, а в КЛ в особенности; гораздо сильнее угнетает, унижает, приводит к отчаянию воздействие психическое.

Большинству заключенных не всё равно, враждебно, нейтрально или же доброжелательно настроены по отношению к ним охранники. Физически охранник может даже не приближаться к заключенному, но его враждебное, даже исполненное ненавистью отношение, его мрачный взгляд уже сами по себе могут внушать ужас, угнетать, мучить заключенного. Я постоянно слышал от заключенных в Дахау: «Почему СС нас так ненавидят? Мы ведь тоже люди». Одного этого может быть достаточно, чтобы получить ясное представление об отношениях между СС и заключенными в целом.

Не думаю, что сам Айке ненавидел и презирал «опасных врагов государства» так же сильно, как он постоянно внушал это своим подчиненным. Скорее, его *длительное «подстрекательство»* было рассчитано на принуждение эсэсовцев к большему вниманию, к постоянной готовности. О том, что он в результате творит, насколько далеко может зайти эта сознательная «травля», он не задумывался.

Так, будучи воспитан и образован в духе Айке, я *приступил* к исполнению своих обязанностей в шутцхафтлагере. В должностях блокфюрера, рапортфюрера, управляющего имуществом. Я должен настаивать на следующем: я нес службу добросовестно и всегда исправно, я не был снисходителен к заключенным, обращался с ними строго и часто жестко. *Однако* я сам долго был заключенным, чтобы не видеть их нужд. Ко всякого рода «происшествиям» в лагере я относился не без внутреннего сострадания. Внешне спокойный, даже окаменевший, но внутри глубоко потрясенный присутствовал я при осмотре мест происшествий, самоубийц, застреленных при попытке побега — причем *я* добросовестно пытался выяснить, инсценировки это или действительные происшествия, при несчастных случаях на работе, при «бросках на проволоку», при судебных осмотрах

трупов, при вскрытиях трупов, при телесных наказаниях, при других наказаниях, назначенных Лорицем, который сам же на них и присутствовал. На «его» штрафных работах. На «его» наказаниях. Глядя на мою каменную маску, он мог убедиться: ему незачем делать меня «твердым», что он предпочитал делать с эсэсовцами, которые казались ему слишком мягкими.

Здесь и начинается моя собственная вина. Мне стало ясно, что я *непригоден* к службе, потому что внутренне не согласен с *теми* порядками в КЛ, которые насаждал Айке. Внутренне я был слишком тесно связан с заключенными, потому что слишком долго и сам жил их жизнью, разделял их нужды. Мне следовало бы пойти к Айке или к РФСС и объяснить ему, что я непригоден к службе в КЛ, потому что слишком сострадаю заключенным. *У меня не хватило для этого мужества*: потому, что я не хотел скомпрометировать себя, потому что я не хотел выдать свою мягкость, потому что я был слишком упрям, чтобы признать, что пошел по неверному пути, когда отказался от намерения заниматься сельским хозяйством. Я добровольно вступил в СС, слишком полюбил черную униформу, чтобы пожелать снять ее. Мое признание в том, что я слишком мягок для службы в СС, неизбежно повлекло бы за собой исключение, по крайней мере, меня бы просто уволили. А на это я *не* смог бы решиться. Я долго колебался между своими убеждениями и чувством долга, клятвой верности СС и присягой фюреру. Должен ли я был дезертировать? Даже моя жена не знала о моем внутреннем разладе, о моем решении. Я и до сих пор хранил бы всё это в себе. Как старый национал-социалист я был твердо убежден в необходимости существования КЛ. Настоящих противников государства следовало держать под надежной стражей, асоциальных людей и профессиональных преступников, которых нельзя было арестовать согласно существовавшим прежде законам, следовало лишить свободы, чтобы защитить от них народ. Я был также твердо убежден, что только СС, как охранные силы нового государства, способны выполнить эту задачу. *Не согласен* же я был со взглядами Айке на арестантов, с его разжиганием ненависти и самых низменных чувств в среде охранников, с его кадровой политикой, которая позволяла ему направлять на работу с заключенными непригодных для этого людей, оставлять на должностях совершенно неприемлемых служащих. *Не согласен* я был и с произволом, царившим при определении сроков заключения.

Однако, оставшись в КЛ, я усвоил ценившиеся там взгляды, приказы и распоряжения. Я смирился со своей добровольно избранной участью, втайне надеясь позднее перейти на другую

службу. Но пока об этом нельзя было и думать. Ведь согласно планам Айке, я подходил для заключенных. Хотя я привык к сложившемуся быту КЛ, я не оставался глухим к человеческим нуждам. Видел и воспринимал я всегда. Однако мне приходилось не обращать на это внимания, поскольку я не смел быть мягким. Я хотел пользоваться дурной славой, чтобы не считаться мягким.

7. Адъютант и шутцхафтлагерфюрер в кл Заксенхаузен (1938–1940) [41]

Я прибыл в Заксенхаузен в качестве адъютанта[42]. Теперь я знакомился с Инспекцией концлагерей, с ее работой и традициями. Узнал ближе Айке, увидел его влияние на лагерь и на охрану. Познакомился также с гестапо [= государственная тайная полиция]. Из документооборота я узнал о взаимосвязях высших инстанций СС. Короче, я продолжил расширять кругозор.

От товарища из штаба связи Гесса[43] я услышал многое об окружении фюрера. Еще один товарищ занимал ответственный пост в Государственном молодежном движении, другой был пресс-референтом в штабе Розенберга, третий служил в Государственной врачебной палате. Вместе с этими старыми товарищами по добровольческому корпусу я часто приезжал в Берлин и гораздо лучше, чем прежде, ознакомился с идеями партии и ее планами, стал глубже посвящен в них. В *те* годы в Германии ощущался мощный подъем. Промышленность и торговля расцвели как никогда. Внешнеполитических успехов Адольфа Гитлера было достаточно, чтобы в два счета заставить молчать любого маловера или противника. Партия владела государством. Отрицать успехи было невозможно. Путь и цель НСДАП были верны. Я верил в это твердо и не испытывал ни малейшего сомнения.

Моя внутренняя подавленность, вызванная службой в КЛ вопреки непригодности к ней, отошла на задний план, поскольку я больше не вступал, как в Дахау, в непосредственные контакты с заключенными. Кроме того, в Заксенхаузене, несмотря на близость Айке, не было такой атмосферы ненависти, как в Дахау. Ведь охранные подразделения были совсем другими. Много молодых новобранцев, много молодых командиров из юнкерских школ. «Ветераны Дахау» встречались единицами. Комендант[44] был совсем другим. Хотя весьма строгий и твердый, но вряд ли одержимый чувством педантичной справедливости и фанатичным сознанием долга. Как старый командир СС и национал-социалист он был для меня примером. Я постоянно видел в нем свое увеличенное отражение. Временами и он проявлял свою доброту,

делал очевидным свое мягкое сердце при том, что оставался твердым и неумолимо строгим во всех служебных делах. Таким я видел его постоянно — как воплощенное исполнение эсэсовского долга с его требованием прятать все порывы мягкости.

Началась война, а с ней в жизнь КЛ пришли большие перемены. Но кто бы мог тогда представить, какие чудовищные задания станут выполнять КЛ в ходе войны.

В первый день войны Айке обратился к начальникам эрзац-подразделений, которым предстояло заменить в лагерях кадровые части СС. При этом он подчеркнул, что отныне вступают в действие суровые законы войны. Каждый эсэсовец должен отдавать себя целиком и полностью, без оглядки на свою прежнюю жизнь. Каждый приказ для него становился святыней, и даже самые тяжелые и суровые из них следовало выполнять без промедлений. РФСС требует от каждого командира-эсэсовца образцового сознания своего долга и готовности отдать себя народу и отечеству — вплоть до самопожертвования. В этой войне главным заданием СС будет защита государства, Адольфа Гитлера — прежде всего, от всяческих внутренних опасностей. Революция вроде той, что была в 1918, забастовки наподобие стачки рабочих патронных производств[45] будут совершенно невозможны. Будет уничтожаться каждый выявленный враг государства, каждый саботажник военного времени. Фюрер требует от СС, чтобы они защитили страну от всяких вражеских происков. Поэтому он, Айке, требует, чтобы надзорсостав из эрзац-подразделений, несущих отныне службу в лагерях, воспитывался в духе непреклонной жесткости по отношению к заключенным. Охранники должны быть готовы к тяжелейшей службе, к выполнению самых суровых приказов. Именно ради этого они здесь и несут службу. Теперь СС покажут, что их суровое воспитание в мирное время было правильным. Только СС могут защитить национал-социалистское государство от всех внутренних врагов. Больше ни у каких других организаций для этого нет необходимой твердости.

Вечером того же дня в Заксенхаузене была совершена первая казнь военного времени. Один коммунист уклонился от работ по противовоздушной обороне на заводах «Юнкерс» в Дессау. По заявлению заводской охраны его арестовало местное гестапо, которое отправило его в гестапо Берлина. Там его допросили, а затем представили о нем доклад РФСС, который распорядился о немедленном расстреле[46].

Согласно тайному приказу о мобилизации, все экзекуции, о которых распорядились РФСС или гестапо, исполнялись в ближайшем КЛ.

Около 22 часов позвонил Мюллер из гестапо[47], который сообщил, что курьер с соответствующим приказом уже в пути. Этот приказ должен быть немедленно исполнен. Вскоре после этого приехал грузовик с двумя служащими гестапо и одним закованным в наручники гражданским. Комендант вскрыл конверт с письмом, в котором кратко сообщалось: «В соответствии с приказом рейхсфюрера СС, N. N. подлежит расстрелу. Сообщить ему об этом и через час исполнить».

Теперь комендант сообщил приговоренному о полученном приказе. Тот сохранил полное спокойствие, хотя и не думал, как он затем сказал, что его расстреляют. Он смог написать своей семье и получил сигареты, о которых попросил. Айке узнал обо всем от коменданта и прибыл до окончания указанного срока.

В должности адъютанта я был и начальником штаба комендатуры. Находясь на этой должности я, согласно тайному приказу о мобилизации, был также обязан исполнять казни. Утром того же дня, когда объявили войну, комендант вскрыл приказ о мобилизации, но оба мы тогда не подумали, что предписание об исполнении казни придется выполнить в тот же день.

Я быстро отобрал трех старых, спокойных унтеров из штаба, сообщил им о предстоящем, проинформировал их о должном поведении и действиях.

В песчаном карьере промышленной зоны быстро вкопали столб. Тут же подъехала машина. Комендант сообщил приговоренному, что ему следует встать возле столба. Я привел его. Он спокойно приготовился. Я отошел назад и приказал стрелять. Он упал, и я приказал выстрелом добить его. Врач констатировал три сквозных ранения в сердце. Кроме Айке, при казни присутствовали еще несколько командиров из эрзац-подразделений.

Никто из нас после утренней лекции Айке не подумал бы, что переход от его наставлений к грубой действительности произойдет так скоро. Даже сам Айке, как он сказал после экзекуции. Я был настолько поглощен приготовлениями, что по-настоящему пришел в себя лишь после экзекуции. Все командиры, которые присутствовали на экзекуции, после этого некоторое время посидели в офицерском собрании. Но, как ни странно, настоящей беседы не получилось, каждый предавался собственным мыслям. Каждый перебирал в памяти наставления Айке. И каждый мог вполне отчетливо представить себе предстоявшую жестокость событий военного времени. Все присутствующие были, кроме меня, людьми пожилыми, они уже прошли мировую войну офицерами, была старыми офицерами

СС, все, благодаря участию в становлении НСДАП, могли постоять и за себя. Но на всех экзекуция произвела очень сильное впечатление. Я был ошеломлен происшедшим не меньше.

Однако уже в последующие дни нам приходилось снова переживать эти впечатления. Я возглавлял исполнительную команду почти ежедневно. Дело касалось в основном уклонистов от военной службы и дезертиров. О причине экзекуции можно было узнать только от сопровождавших служащих гестапо. Ведь в приказе об экзекуции об этом не говорилось.

Один случай затронул меня особенно сильно. Один офицер СС, служащий гестапо, с которым я часто имел дело, поскольку он чаще всех доставлял важных заключенных или секретные письма коменданту, однажды ночью вдруг был доставлен для немедленной экзекуции. Днем раньше мы еще сидели вместе в офицерском собрании и разговаривали об экзекуциях. И вот теперь привезли его самого, а я должен был исполнить приказ. Даже для моего коменданта это было уж слишком. После расстрела мы оба долго ходили молча вокруг строений, чтобы успокоиться. Как мы узнали от сопровождавшего чиновника, этот офицер СС получил приказ арестовать бывшего функционера-коммуниста и доставить его в лагерь. Он уже давно и хорошо знал арестованного по службе в охране. И тот всегда вел себя вполне лояльно. По доброте он разрешил ему еще раз сходить к себе домой, чтобы переодеться и попрощаться с женой. В то время как офицер и его напарник разговаривали в гостиной с его женой, арестованный бежал через другую комнату. Когда они обнаружили бегство, было уже слишком поздно. Офицер СС после доклада о побеге был тотчас же арестован гестапо, РФСС распорядился о проведении военного трибунала. Уже через час подсудимому вынесли смертный приговор. Его напарника приговорили к большому сроку лишения свободы. РФСС отклонил даже просьбы о помиловании, исходившие от Гейдриха и Мюллера. Первое тяжелое служебное нарушение в военное время со стороны офицера СС следовало покарать демонстративно жестко. Приговоренный таким образом был обычным человеком в возрасте за 30, женатым, отцом троих детей. Прежде он добросовестно исполнял свои обязанности и теперь должен был пострадать из-за своей доброты и доверчивости. Смерть он принял спокойно.

Но каким образом я смог *спокойно* отдать приказ стрелять, мне самому непонятно и сегодня. Трое стрелявших не знали, кого они должны убить, и хорошо, что не знали, не то их стало бы трясти. Сам я от волнения едва смог поднести свой пистолет к виску для контрольного выстрела. Но всё же я смог взять себя в

руки, чтобы присутствующим ничего не бросилось в глаза. Через несколько дней я разговаривал с одним из трех унтеров исполнительной команды, и спрашивал его на этот счет.

Этот расстрел всегда стоит у меня перед глазами как напоминание о постоянной необходимости справляться с самим собой и проявлять непреклонную твердость.

Это уже невозможно вынести — думал я тогда.

Айке же продолжал твердить о всё большей твердости. Эсэсовец должен убить даже близкого родственника, если он пойдет против государства или идей Адольфа Гитлера. «В силе остается только одно: приказ!» Эта мысль будто представляла собой бланк для всех его распоряжений.

Что это означает, и что под этим подразумевал Айке, я узнал в эти первые недели войны. Не только я, но и многие старые командиры СС. Некоторые из них, имевшие высокие чины всеобщих СС и к тому же начальные эсэсовские номера, еще позволяли себе вольности и говорили в офицерском собрании, что исполнение работы палачей оскверняет черную форму СС. Айке об этом донесли. Он потребовал от ветеранов объяснений, а затем созвал в своем ораниенбургском ведомстве офицерское собрание и заявил там примерно следующее: высказывания о работе палачей СС свидетельствуют о том, что известные лица, несмотря на длительную причастность к СС, до сих пор не поняли свою задачу правильно. Важнейшей же задачей СС является защита нового государства всеми целесообразными средствами. Каждого противника, смотря по степени его опасности, следует спрятать за решетку или уничтожить. И то, и другое можно сделать *только* силами СС. Только так можно обеспечить безопасность государства, пока не созданы новые законы, надежно защищающие государство и народ. Уничтожение внутреннего врага — точно такой же долг, как уничтожение врага на фронте, и поэтому оно никак не может быть названо позорным. Сделанные высказывания свидетельствуют о зараженности мировоззрением старого буржуазного мира, которое давно изжило себя благодаря революции Адольфа Гитлера. Они свидетельствуют о мягкости и сентиментальности, недостойной эсэсовца-офицера, и даже могут стать опасными. Поэтому он вынужден доложить об известных лицах рейхсфюреру СС. В сфере своей компетенции он раз и навсегда запрещает такие мягкотелые взгляды. Ему нужны лишь безусловно твердые мужчины, понимающие к тому же значение мертвой головы, изображение которой они носят как знак особого достоинства.

РФСС не наказал болтунов прямо. Они только получили от него личные предостережения и наставления. Однако по службе

их больше не повышали, и до конца войны они так и пробегали в чинах обер- или гауптштурмфюреров. Кроме того, им до конца войны пришлось оставаться в ведомствах Инспекции КЛ. Они тяжело это переносили, однако научились молчать и с одержимостью исполнять свой долг.

С началом войны в КЛ пригодные к несению военной службы заключенные также были освидетельствованы медицинскими комиссиями при командовании призывных округов. О найденных пригодными сообщалось в гестапо или в государственную службу криминальной полиции, а эти ведомства освобождали их от военной службы или, наоборот, оставляли их за собой. В Заксенхаузене содержалось множество исследователей Библии. Все они отказались от военной службы и за это были приговорены рейхсфюрером СС к смерти как уклоняющиеся от военной службы[48]. Их расстреливали перед строем заключенных шутцхафтлагеря. За исследователями Библии следовало наблюдать в первую очередь. Я уже видел достаточно много религиозных фанатиков в местах паломничества, в монастырях, в Палестине, на дороге в Хиджаз, в Ираке, в Армении: католиков, православных, мусульман, шиитов и суннитов. Но исследователи Библии в Заксенхаузене, особенно двое из них, превзошли всех, кого я видел прежде. Это два особенно фанатичных исследователя Библии отказывались от всего, что имело хоть какое-то отношение к военной службе. Они не становились по стойке «смирно», то есть не ставили пятки вместе, не вытягивали руки по швам, не снимали шапки. Они говорили, что таких почестей достоин только Иегова, но не люди. Для них не существовало начальства, они признавали единственным начальником только Иегову. Обоих пришлось изъять из блока исследователей Библии и водворить в помещение камерного типа, поскольку они постоянно подстрекали других исследователей Библии к такому же поведению. Айке много раз приговаривал их к телесным наказаниям за нарушение дисциплины. Они выносили наказания настолько страстно, что трудно было поверить своим глазам. Они казались какими-то извращенцами. Они просили коменданта о дальнейших наказаниях, чтобы пуще прежнего свидетельствовать о своей идее, об Иегове. После медицинского освидетельствования, которого они ждали как никакие другие заключенные, и от которого они категорически отказались, — отказались даже подписываться под бумагой военного ведомства, — РФСС также приговорил их к смерти. Когда им об этом сообщили, они были вне себя от радости, они не могли дождаться часа экзекуции. Снова и снова они заламывали руки, с восторгом смотрели на

небо и непрерывно кричали: «Скоро мы будем у Иеговы, какое счастье, что мы избраны для этого». Еще за несколько дней до того они присутствовали при экзекуции их братьев по вере, где их едва можно было удержать. Они хотели быть расстреляными вместе с ними. Едва ли таких одержимых можно было найти где-либо еще. К своей экзекуции они бежали чуть ли не рысью. Они стояли у деревянной стены пулеуловителя с просветленными, восторженными лицами, на которых уже не было ничего земного. Такими я представлял первых мучеников-христиан, которые ожидали растерзания дикими зверями на арене. Они шли на смерть с совершенно светлыми лицами, подняв кверху глаза, сложив руки в молитве, с высоко поднятыми головами. Все, кто видели эту смерть, были ошеломлены. Смущена была даже команда исполнителей.

Из-за мученической смерти единоверцев исследователи Библии стали еще более одержимы своей верой свидетелей Иеговы. Многие из давших подписку о том, что они больше не будут агитировать за свою веру, — а такая расписка могла бы содействовать их освобождению, — взяли свои обещания назад, предпочитая и дальше страдать за Иегову.

Сами по себе исследователи Библии в обычной жизни были спокойными, прилежными и общительными людьми, всегда готовыми прийти другому на помощь — как мужчины, так и женщины. В основном они были ремесленниками, много среди них было и крестьян из Восточной Пруссии. В мирное время, пока они ограничивались собраниями для молебнов, богослужениями и братскими встречами, они были для государства неопасны и безобидны. Но с 1937 агитация этой секты стала более ощутимой; к тому же стали задерживать ее функционеров, пойманных на сознательном и усердном распространении идей исследователей Библии с тем чтобы подорвать оборонительную волю народа с религиозной стороны. С началом войны также стало ясно, какая теперь существовала бы опасность, если бы начиная с 1937, не стали сажать активных функционеров и фанатичных исследователей Библии; так был положен конец агитации свидетелей Иеговы[49]. В лагере исследователи Библии зарекомендовали себя как прилежные, надежные работники, которых можно было к тому же выпускать без конвоя. Ведь они хотели пострадать в заточении за Иегову. Однако они самым категорическим образом отказывались от всего, что относилось к армии, к войне. Так, например, в Равенсбрюке исследовательницы Библии отказались делать индивидуальные пакеты первой помощи. Фанатички отказывались выходить на построение, они давали сосчитать себя только в *не*упорядоченной толпе.

Вероятно, арестованные исследователи Библии были членами Международного союза исследователей Библии. Однако об организации своего сообщества они на самом деле ничего не знали. Напрямую им были известны функционеры, которые раздавали им тексты, проводили собрания, на которых изучалась Библия. Они и не подозревали, в каких политических целях использовался их религиозный фанатизм. Когда им об этом рассказывали, они только смеялись. Они не могли этого понять. Они только следовали призыву Иеговы и были ему верны. Иегова говорил с ними через мысли, через лица, через Библию, — если ее правильно читать, — через проповеди и письма их сообщества. Всё это была сущая правда, которую нечего было и исследовать. Пострадать за Иегову, за его учение, и даже пойти за него на смерть было для них наиболее желанным. Они считали, что таким образом войдут в число избранных свидетелей Иеговы. Так они относились и к заточению, к водворению в КЛ. Они охотно брали на себя все лишения. Они трогательно, в духе братской любви к ближнему, заботились друг о друге и помогали друг другу везде, где только было возможно.

Однако бывали многочисленные случаи, когда исследователи Библии добровольно заявляли об «отречении», как назывался этот поступок у бифо[50]. Они давали подписку о том, что отказываются от Международного союза исследователей Библии, будут признавать и выполнять все законы и распоряжения государства, и что больше не будут вербовать новых свидетелей Иеговы. На основании этого отказа от МСИБ бифо, по истечении определенного срока, а в более поздние годы тотчас же освобождались. Изначально же РФСС хотел, наблюдая за содержавшимися в заключении после данной ими подписки, проверить, действительно ли их отказ стал настоящим и отказались ли они в результате подлинных убеждений. За свой отказ от Иеговы отщепенцы сурово отторгались своими «братьями». И многие, особенно женщины, из-за угрызений совести отказывались от своих подписок. Продолжительное моральное давление на них было слишком сильным. Подорвать веру исследователей Библии было совершенно невозможно; даже так называемые отказчики непременно желали сохранять верность Иегове и после того, как они отказывались от своих общин. Если кому-то из бифо указывали на противоречие в их учении, в Библии, они просто заявляли, что это результат человеческого восприятия; у Иеговы же нет противоречий, он и его учение непогрешимы.

Гиммлер, а также Айке постоянно, при каждой возможности использовали этот религиозный фанатизм исследователей

Библии в качестве примера. Так же фанатично и непоколебимо, как верят исследователи Библии в Иегову, должны верить эсэсовцы в идеи национал-социализма, в Адольфа Гитлера. Только если эсэсовцы станут такими же фанатиками своего мировоззрения, государству Адольфа Гитлера будет обеспечена прочность. Мировоззрение может быть выстрадано и упрочено только фанатиками, осознанно отказавшимися от своего «Я» ради идеи.

Я должен еще раз вспомнить об экзекуциях в Заксенхаузене времен начала войны. До чего же различным было поведение идущих на смерть!

Исследователи Библии были по-своему довольны; они испытывали, можно сказать, блаженное настроение, непоколебимую веру в то, что теперь смогут войти в царство Иеговы. Отказчики от военной службы и саботажники твердо и спокойно принимали неизбежное, свою судьбу. Профессиональные преступники, по-настоящему антиобщественные элементы вели себя либо цинично-молодцевато, но внутренне содрогаясь перед великим неизвестным, либо буйствовали или скулили, умоляя позвать священника.

Вот два наглядных примера. Братьев Засс при облаве схватили в Дании и, согласно международным соглашениям, выдали Германии. Оба были известными всему миру грабителями, специалистами по взломам сейфов, оба не раз совершали побеги из-под стражи. Они имели множество судимостей, но ни разу не отбыли наказания полностью, поскольку им всегда удавалось бежать. Никакие меры предосторожности в отношении этих преступников не были действенными, они всегда находили лазейки. Их последней блестящей «работой» стало ограбление в крупном берлинском банке хранилища, оснащенного самыми современными средствами охраны. Из могилы на кладбище, расположенном рядом с банком, они под улицей совершили подкоп и, несмотря на все системы сигнализации, спокойно пробрались в подвал банка. Им удалось вынести оттуда огромные суммы денег, золото, иностранную валюту и украшения. Похищенное они хранили в разных могилах. Из этого «банка» они время от времени забирали деньги для своих нужд, пока их не схватили.

Оба эти криминальные знаменитости после выдачи были приговорены берлинским судом соответственно к двенадцати и к десяти годам тюрьмы. По немецким законам это были самые суровые меры наказания. Через два дня после вынесения приговора РФСС, на основании своих особых полномочий, велел

доставить обоих из следственной тюрьмы в Заксенхаузен. Их следовало немедленно и без предупреждения расстрелять[51]. Их на машине отвезли в песчаный карьер промышленной зоны. Чиновники, которые доставили братьев Засс, сказали, что те всю дорогу вели себя довольно нагло и развязно, и интересовались, куда же их везут. На месте экзекуции я зачитал им приказ о расстреле. Они тут же принялись кричать: «Это никуда не годится, что вы себе позволяете? Мы хотим видеть попа» и так далее. Они никак не хотели стоять у столба, и я был вынужден привязать их. Они сопротивлялись изо всех сил. Я был чрезвычайно рад, отдав приказ стрелять[52].

Один многократно наказанный половой преступник заманил в Берлине восемнадцатилетнюю девушку в переднюю, изнасиловал там, а потом задушил. Суд приговорил его к 15 годам тюрьмы. В тот же день его доставили в Заксенхаузен для экзекуции. Я и сейчас вижу, как его выводят из машины по прибытии в промзону. Циничная ухмылка, распутный вид, опустившийся, раньше времени постаревший малый, типичный асоциал. Этого закоренелого преступника РФСС велел казнить без промедления. Когда я сообщил ему о расстреле, он стал бледно-желтым, начал завывать, скулить и буйствовать. При этом он молил о пощаде — отвратительная картина. Его я тоже распорядился привязать к столбу.

Испытывал ли этот безнравственный субъект страх перед «загробной жизнью»? Иначе я не могу объяснить его поведение.

Перед Олимпиадой в Германии не только очистили улицы от нищих и бродяг, которых отправили на воспитание в работные дома или в КЛ, но освободили также города и курорты от слишком большого количества проституток и гомосексуалистов. [53] Им следовало приобщиться в КЛ к полезному труду.

Уже в Дахау, где количество гомосексуалистов, в отличие от Заксенхаузена, не было большим, они представляли собой проблему для лагеря. Комендант и шутцхафтлагерфюрер считали, что наиболее целесообразно распределять их по всем помещениям всего лагеря. Я придерживался противоположного мнения, потому что достаточно хорошо познакомился с ними в тюрьме. Прошло не так много времени, как из всех блоков стали приходить донесения о гомосексуальных связях. Наказания ничего не меняли. Эпидемия началась.

По моему предложению всех гомосексуалистов собрали вместе. Они получили штубенэльтесте, который умел обращаться с ними. Их стали выводить на работу отдельно от других заключенных. Например, они долго таскали дорожный каток[54]. Некоторых заключенных других категорий, также предавшихся

пороку, перевели к ним.

С эпидемией было покончено одним ударом. Если же время от времени где-то доходило до этих противоестественных связей, это были единичные случаи. В их помещениях за ними наблюдали так строго, что ни о каких половых сношениях… [55]

В Заксенхаузене гомосексуалистов с самого начала поместили в особый блок. Трудоиспользовались они также отдельно от других заключенных. Они работали в глиняном карьере большого кирпичного завода. Это была тяжелая работа и каждый должен был выполнить определенную норму. Они зависели от всех воздействий погоды, ведь ежедневно следовало отправлять определенное количество составов с глиной. Обжиг нельзя было прекращать из-за отсутствия материала. Поэтому им приходилось работать в любую погоду, все равно, летом или зимой.

Действие тяжелой работы, под которым они снова должны были стать «нормальными», было разным в зависимости от разных характеров гомосексуалистов. Наиболее целесообразным и явно действенным оказывалось влияние труда на «штрих-мальчиков». Так на берлинском жаргоне назывались мужчины-проститутки, которые хотели бы получать легкие деньги, чураясь при этом даже самой легкой работы. Сами они ни в коем случае не признавали себя гомосексуалистами; для них это был только промысел. Этот тип суровая лагерная жизнь и грубая работа воспитывали быстро. В большинстве своем они прилежно трудились и старались не выделяться, чтобы их поскорее выпустили. Они избегали общения с действительно порочными заключенными, желая тем самым дать понять, что они на самом деле не имели с гомосексуалистами ничего общего.

Множество перевоспитанных таким образом могло выйти на свободу и не возвращаться назад. *Такой* урок был достаточно действенным, тем более что его усваивали в основном молодые парни. Часть ставших гомосексуалистами в силу предрасположенности к нему, — пересыщенные множеством наслаждений с женщинами, и искавшие новых наслаждений в своей паразитической жизни, — тоже могли быть перевоспитаны и избавлены от их порока. Но только не павшие в силу своей глубокой предрасположенности. Эти причислялись к настоящим гомосексуалистам, которые, однако, имелись лишь в немногих экземплярах.

Тут не могли помочь ни еще более тяжелая работа, ни еще более строгий надзор. Они бросались в объятия везде, где только находили такую возможность. Будучи настолько распущенными телесно, они заходили в своем пороке дальше. Их было легко

распознать. Девичьим жеманством и манерностью, слащавой манерой говорить и вообще слишком любвеобильным поведением по отношению к единомышленникам или к равным образом настроенным они отличались от тех, которые повернулись к пороку спиной, которые хотели освободиться от него, чье выздоровление при бдительном надзоре было поступательным.

В то время как настроенные на отказ, нашедшие для этого силу воли выносили самую тяжелую работу, остальные, в зависимости от телосложения, медленно опускались на дно. Не имея возможности или желания расстаться с пороком, они знали, что никогда больше не станут свободными. Это, сильнейшее психическое давление на эти в основном нежные натуры ускоряло физическую гибель. Если к этому присоединялась утрата «друга» из-за болезни или даже смерти, гибель можно было считать неизбежной. Многие совершали самоубийства. «Друг» означал для этих натур в их положении всё. Было множество случаев, когда два друга вместе шли на смерть.

В 1944 РФСС приказал провести в Равенсбрюке «отказ». К гомосексуалистам, в выздоровлении которых оставались сомнения, во время работы незаметно приводили девок и наблюдали за ними. Девки получали задание: незаметно приблизиться к гомосексуалистам и соблазнить их. Исправившиеся тотчас же пользовались возможностью, особо приглашать их не приходилось. Неизлечимые вообще не обращали на женщин внимания. Если же девки сближались с ними слишком навязчиво, они с омерзением отворачивались.

После этой процедуры кандидатам на освобождение снова предоставлялась возможность равнополых связей. Почти все с презрением отклоняли домогательства настоящих гомосексуалистов. Однако бывали и крайние случаи, когда использовались обе возможности. Можно ли их назвать бисексуальными — этот вопрос я так и не решил.

Во всяком случае, мне было очень интересно понаблюдать за жизнью и поступками гомосексуалистов в заключении.

В Заксенхаузене содержался целый ряд видных личностей, а также несколько особых заключенных. «Видными» назывались заключенные, которые прежде играли роль в публичной жизни. В большинстве своем они были политическими заключенными среди других заключенных той же категории, и не имели особых льгот. С началом войны их количество значительно умножилось из-за повторных арестов бывших функционеров КПГ и СПГ[56].

Особыми заключенным были заключенные, которых отдельно доставили в КЛ или разместили возле КЛ по известным гестапо причинам, которые не могли встречаться с другими

заключенными, о месте содержания которых, да и вообще об их аресте не должен был знать ни один непосвященный. Перед войной их было совсем немного, во время войны их количество сильно возросло.

Позднее я вернусь к этому вопросу.

В 1939 в Заксенхаузен были водворены также чешские профессора и студенты[57] и польские профессора из Кракова. В лагере их поместили в отдельный блок. Насколько я могу припомнить, их нельзя было выводить на работу, не предусматривалось в их отношении и особое обращение.

Через несколько недель краковских профессоров выпустили, потому что многие немецкие профессора через Геринга просили об их освобождении фюрера[58]. Как помню, это были около 100 преподавателей высших школ. Сам я видел их только при поступлении, но за время их содержания ничего о них не слышал.

Но на одном спецзаключенном я должен остановиться отдельно, поскольку его поведение в лагере было необычным, что я мог наблюдать во всех подробностях. Это был евангелический пастор Нимёллер. Во время мировой войны он был известным командиром. После войны он стал пастором. Немецкая евангелическая церковь была расколота на множество групп. Самую значительную из них, Исповедующую церковь, возглавлял Нимёллер.

Фюрер желал видеть евангелическую церковь единой и сплоченной. Он назначил евангелического рейхс-епископа. Но многие из евангелических групп его не признали и подвергли ожесточенным нападкам. В том числе Нимёллер.

У него был приход в берлинском предместье Далем. В этом приходе собралась вся берлинско-потсдамская реакция, все старые кайзеровские их превосходительства и несогласные с национал-социалистическим государственным строем. Нимёллер проповедовал сопротивление и это привело к его аресту [59]. Он содержался в помещении камерного типа Заксенхаузена и имел все возможные поблажки режима. Он мог писать своей жене так часто, как желал этого. Каждый месяц жена посещала его и приносила ему книги, табак и все продукты питания, которые он только мог пожелать. По своему желанию он мог гулять во дворе ПКТ. Имел он в своей камере и удобства. Короче, для него сделали всё, что только было возможно. Комендант был обязан постоянно заботиться о нем и справляться о его желаниях.

Фюрер был заинтересован в том, чтобы Нимёллер отказался от сопротивления. Чтобы поговорить с Н., в Заксенхаузен приезжали знатные персоны, в том числе его давний военно-морской шеф и приверженец Исповедующей церкви адмирал

Ланс. Но всё было напрасно. Н. продолжал настаивать на том, что никакое государство не имеет права вмешиваться в церковные законы, а тем более издавать их. Это должно быть исключительно делом церковных общин.

Исповедующая церковь пользовалась успехом, Н. стал ее мучеником. Его жена продолжала действовать вполне в его духе. Я точно знаю об этом, поскольку читал всю его почту и был свидетелем посещений, проходивших у коменданта. В 1938 Н. написал главнокомандующему военно-морскими силами гросс-адмиралу Рёдеру, что отказывается от права носить форму флотского офицера, поскольку не согласен с государством, которому служит этот флот.

Когда разразилась война, он объявил себя добровольцем и попросил назначить его командиром подводной лодки. Однако фюрер отклонил его просьбу — ведь он не хотел носить форму национал-социалистического государства. Со временем Н. принялся носиться со своим переходом в католическую церковь. Для этого он использовал самые странные доводы. Например, о согласовании важных вопросов своей Исповедующей церкви с католической церковью. Однако жена категорически отговаривала его. По-моему, своим переходом в католическую церковь он хотел добиться освобождения. Да и приверженцы ни за что не последовали бы за ним. Я часто, а также обстоятельно беседовал с Н. Он был готов к обсуждению любых жизненных вопросов, хорошо разбирался он и в вещах отвлеченных. Но как только доходило до разговора о церковных вопросах, он опускал железный занавес. Он упрямо держался за свое мнение и отвергал даже самую невинную критику того, на чем настаивал. Хотя, в силу готовности перейти в католическую церковь, он должен был и желать признания со стороны государства, как это произошло с католической церковью в результате конкордата… [60]

В 1941 по приказу РФСС все духовные лица были переведены в Дахау, и он отправился туда тоже. Я видел его там в 1944 в помещении камерного типа. Свободы передвижения у него там было еще больше. Он содержался вместе с Вурмом — бывшим евангелическим земельным епископом из Позена[61]. Физически он хорошо перенес все три года своего ареста. О его телесном благополучии всегда заботились достаточно, и уж конечно, никто и никогда его не обидел. С ним всегда обращались предупредительно.

В то время как Дахау был преимущественно красным, то есть там преобладали политзаключенные, Заксенхаузен был зеленым[62]. Соответствующая атмосфера царила и в лагере, при том, что важнейшие должности занимались политическими

заключенными. В Дахау у заключенных существовал определенный корпоративный дух, который в Заксенхаузене отсутствовал полностью. Два главных цвета ожесточенно враждовали. Тем легче было лагерному начальству использовать эту вражду и натравливать их друг на друга.

Бегств[63] тоже было больше по сравнению с Дахау. Они были, прежде всего, намного более изощренны и продуманы как при подготовке, так и при совершении.

Если и в Дахау побег был чрезвычайным происшествием, в Заксенхаузене он был событием еще более значительным благодаря присутствию Айке. Сирена еще продолжала завывать, когда Айке, если он присутствовал в Ораниенбурге, приезжал в лагерь. Он хотел немедленно узнать обо всех мельчайших подробностях побега, и настойчиво выявлял виновных, из-за невнимательности или халатности которых побег стал возможен. Цепь сторожевых постов стояла по три, а то и по четыре дня, если заключенный еще мог по-прежнему находиться в области поисков. Днем и ночью прочесывались и обыскивались все окрестности. В этом принимал участие каждый эсэсовец гарнизона. Офицеры, прежде всего комендант, шутцхафтлагерфюрер, дежурный офицер не имели ни единого спокойного часа — Айке постоянно спрашивал о результате поисков. Он считал, что нельзя было допустить ни одного удачного побега. В большинстве случаев сохранение цепи сторожевых постов приводило к успеху, и заключенного, где бы он ни спрятался, где бы ни окопался, находили. Но какой нагрузкой это было для лагеря! Людям приходилось оставаться на ногах по 16–20 часов. Заключенные должны были стоять до первой смены сторожевых постов. Пока продолжались поиски, нельзя было отправляться на работу, допускалась лишь деятельность жизненно необходимых хозяйств. Если какому-нибудь заключенному удавалось пробиться через цепь сторожевых постов, или если он убегал с командировки, для повторного захвата в действие вводились огромные силы и ресурсы. Должны были привлекаться все свободные силы СС и полиции. Велось наблюдение за вокзалами и улицами. Моторизированные части жандармерии, получавшие команды по радиосвязи, прочесывали улицы и дороги. На всех мостах через многочисленные реки окрестностей Ораниенбурга расставлялись посты. Предупреждались жители окрестностей. В большинстве своем они уже догадывались о происшедшем по звуку сирены. С помощью местного населения удалось схватить нескольких заключенных. Местные жители знали, что в лагере сидят в основном уголовники, и когда те бежали, обывателей охватывал

страх. Они сообщали в лагерь или же поисковым отрядам обо всем подозрительном.

Когда беглеца ловили, его — по возможности в присутствии Айке — проводили в лагере перед строем заключенных. На шее у него висел огромный щит с надписью «Я снова здесь». При этом заключенный должен был бить в барабан, который на него тоже вешали. После прохода перед строем его наказывали 25 ударами палок и отправляли в штрафную роту.

Эсэсовец, который нашел или схватил его, отмечался приказом по части и получал внеочередной отпуск. Посторонние — полицейские или штатские — получили денежные подарки. Если благодаря своей бдительности, эсэсовец предотвращал побег, Айке поощрял его отпуском и повышал в чине. Айке хотел быть совершенно убежденным в том, что для предотвращения побегов делается *всё*, что для этого применяются все возможные средства.

Эсэсовец, допустивший побег, наказывался строго, какой бы ничтожной ни была его вина. Еще суровее наказывались заключенные, помогавшие при побеге.

Здесь я хотел бы описать несколько необычных побегов. Семеро опасных преступников сумели сделать подкоп из своего барака, стоявшего недалеко от проволочного ограждения. Они прорыли подземный ход под препятствиями и бежали в лес. Извлеченный грунт они прятали под полом барака, стоявшего на сваях, а лаз в подземный ход сделали под одной из кроватей. Они работали много ночей, и никто из соседей по бараку этого не заметил. Неделей позже один из наших блокфюреров встретил одного из бежавших вечером на улице Берлина и арестовал его. На допросе беглец выдал место, в котором прятались остальные, и всех удалось схватить.

Из глиняного карьера, несмотря на повышенные меры безопасности, достаточное количество постов и проволочные заграждения, удалось бежать одному гомосексуалисту. Не было никаких зацепок, которые помогли бы понять, каким образом он смог совершить побег. Выезжавшие поезда с глиной лично проверяли два эсэсовца и начальник команды. Работа огромных поисковых отрядов, многодневные поиски в окрестных лесах — всё это не принесло результата.

И только спустя 10 дней пришла телеграмма с пограничного поста Варнемюнде о том, что беглец доставлен туда рыбаками. Его привезли туда, чтобы он показал путь, которым бежал. Он готовился к побегу в течение многих недель, обдумывая все возможности. В конце концов, осталась только одна — отъезжающие вагоны с глиной. Он усердно работал, чем и

отличился. Его назначили смазчиком вагонов и осмотрщиком рельс. Он долго наблюдал за процессом осмотра отъезжающих поездов. Каждый вагон осматривали сверху и снизу. Их отвозил дизельный локомотив, однако под машину никто не заглядывал, потому что она была закрыта жестью почти до рельс. Однако он заметил, что сзади локомотива лист жести закреплен плохо.

Когда поезд остановился для проверки, он забрался под локомотив, зацепился между колесных пар и так уехал. На ближайшем крутом повороте, где поезд сбавил скорость, он отцепился. Поезд проехал над беглецом, и он исчез в лесу. Ему было ясно, что бежать надо в северном направлении.

Вскоре побег обнаружили, и начальник команды позвонил в лагерь. Прежде всего в таких случаях моторизированные отряды занимали мосты. Когда заключенный подошел к Большому водному маршруту Берлин-Штеттин, он увидел, что мост занят. Он спрятался в дупле ивы, из которого мог видеть канал и мост. Я сам много раз проехал мимо этой ивы. Ночью он переплыл канал. Дальше он побежал, сторонясь деревень и дорог, в северном направлении. Он раздобыл гражданскую одежду в рабочем домике песчаного карьера. Питался он молоком коров, которых доил на пастбищах, и собранными в полях плодами. Так он прошел Мекленбург и добрался до Балтийского моря. Возле рыбацкой деревни ему удалось раздобыть стоявшую под парусом лодку, и на ней он поплыл в Данию.

Незадолго до входа в территориальные воды Дании он наткнулся на рыбаков, которые узнали его лодку. Рыбаки задержали его и, поскольку сразу заподозрили в нем беглеца, они отвезли его в Варнемюнде.

Один уголовник из Берлина работал маляром в домах эсэсовского поселка за пределами цепи охранных постов. Он завязал знакомство со служанкой жившего там врача и стал ходить в дом, где время от времени работал. Ни врач, ни его жена не заметили любовную связь своей служанки с заключенным. Однажды врач с женой на время уехали, а их служанка получила отпуск. Для уголовника это был подходящий случай.

Служанка оставила приоткрытым окно в подвале, через которое он забрался, когда узнал об отъезде хозяев. На верхнем этаже он снял одну из стенных панелей и под скатом крыши оборудовал для себя тайник. В деревянной стене он просверлил дыру, через которую ему было видно цепь сторожевых постов и большую часть поселка. Он запасся провизией и питьем. На всякий случай у него был при себе и пистолет. Когда зазвучала сирена, он спрятался в укрытии, подтащил к стенной панели мебель и затаился.

Во время поисков обследовались также дома поселка. Я сам в первый день поисков был в упомянутом доме, потому что он, тогда покинутый хозяевами, показался мне подозрительным. Но я не нашел там ничего подозрительного. Был я и в комнате, где под скатом крыши в этот момент сидел уголовник, державший снятый с предохранителя пистолет.

Позднее он сказал, что обязательно выстрелил бы, если бы его тогда нашли. Он хотел бежать, поскольку дело по обвинению в убийстве, много лет назад приостановленное, получило новый ход после того, как его из гомосексуальной ревности выдал сообщник в лагере.

Цепь сторожевых постов простояла четыре дня. На пятый день он с первым утренним поездом уехал в Берлин. Он переоделся в костюм врача из его гардероба, и проводил время в пиршествах, забираясь в его кладовую и кухню. Об этом свидетельствовало множество опустошенных бутылок из-под ликера и вина. Он прихватил с собой два тяжелых чемодана с серебром, бельем, фотоаппаратами и другими дорогими предметами. Время, чтобы их выбрать, у него было.

Через несколько дней полицейский патруль случайно задержал его в одном подозрительном берлинском баре, где он пытался сбыть последние вещи из чемоданов. Служанка, с которой он даже договорился о свидании, была отправлена в Равенсбрюк.

Когда врач вернулся домой, он был неприятно поражен. Айке еще хотел привлечь его к ответственности за оружие, однако отказался, когда врач выдвинул требование о возмещении значительного ущерба.

Вот только три примера, которые мне вспомнились, маленький фрагмент из довольно пестрой жизни КЛ[64].

Насколько я помню, на Рождество 1939 я в Заксенхаузене стал шутцхафтлагерфюрером[65]. В январе 1940 внезапно прибыл РФСС, и после этого последовала смена коменданта[66] Прибыл Лориц. Он должен был позаботиться о том, чтобы распустившийся, по мнению РФСС, лагерь снова стал «образцовым». Однажды, в 1936 я уже пережил такую ситуацию в Дахау[67]. Прекраснее времечка в моей жизни не было. Лориц уже давно гонялся за мной. Сначала я очень разозлил его тем, что в 1938 отбыл в качестве адъютанта к его заклятому врагу[68]. Он думал, что я добился перевода за его спиной. Но это было не так. Комендант Заксенхаузена вытребовал меня, потому что видел, что в Дахау я был отодвинут на задний план, потому что я оставался верным ему, когда он был шутцхафтлагерфюрером в Дахау. Лориц был очень злопамятен. Он достаточно часто давал

мне почувствовать свою немилость. По его мнению, в Заксенхаузене слишком уж смягчились нравы — это касалось и эсэсовцев, и заключенных.

Тем временем умер старый комендант Барановский, и Айке, который был слишком занят формированием своей дивизии[69], удовлетворил его [Лорица] просьбу. Глюкс[70] так или иначе не был благосклонен к Барановскому. Возвращение в КЛ Лорица ему нравилось гораздо больше[71]. Ведь в его лице он, «*старый*» комендант, увидел хорошую опору в качестве нового инспектора.

8. Комендант Освенцима (1940–1943)

Как только понадобилось срочно создать Освенцим, инспекции не пришлось искать коменданта долго. Лориц мог отпустить меня, чтобы получить шутцхафтлагерфюрера, который подходил бы ему больше — им оказался Зурен, последний комендант Равенсбрюка[72], который был адъютантом Лорица во всеобщих СС.

Так я стал комендантом вновь создаваемого карантинного лагеря Освенцим[73]. Это оказалось весьма далеко, в Польше. Там неугодный Гесс мог дать перебеситься своему трудовому энтузиазму — таково было мнение Глюкса, инспектора концлагерей. Под таким знаком я принял своё новое задание. Сам я никак не рассчитывал так быстро стать комендантом, тем более, что ещё несколько старых шутцхафтлагерфюреров уже давно ждали освобождающихся комендантских мест. А задание было непростым.

Я должен был в кратчайшие сроки создать транзитный лагерь на 10.000 заключённых из существующего, хотя и застроенного хорошо сохранившимися зданиями, но совершенно запущенного и кишащего насекомыми комплекса. В смысле гигиены отсутствовало практически всё. В Ораниенбурге мне сказали на дорогу, что я не могу рассчитывать на большую помощь, что я должен по возможности помогать себе сам. Не хватало именно того, чего уже не первый год не хватало повсюду в рейхе.

Было намного легче построить новый лагерь, чем срочно создать, как это было приказано вначале, что-то пригодное из неподходящего конгломерата зданий и бараков[74]. Я ещё не доехал до Освенцима, а инспектор зипо и СД в Бреслау[75] спрашивал, когда могут быть приняты первые транспорты. С самого начала мне стало ясно, что из Освенцима что-то полезное может получиться лишь благодаря неустанной упорной работе всех — от коменданта до последнего заключённого. Но для того, чтобы иметь возможность впрячь в работу всех, мне пришлось покончить с устоявшимися традициями концлагерей. Требуя от подчинённых высшего напряжения, я должен был показывать в этом пример.

Когда будили рядового эсэсовца, я вставал тоже. Прежде, чем начиналась его служба, я проходил рядом, а уходил позже. Редкая ночь в Освенциме обходилась без того, чтобы мне не позвонили с сообщением о чрезвычайном происшествии. Если я хотел получить от заключённых хорошие результаты, приходилось, — в отличие от норм, сложившихся в концлагерях, — лучше с ними

обращаться. Я исходил из того, что размещать и кормить их мне удалось бы лучше, чем в старых лагерях. Всё, что там мне не казалось достаточно хорошим, я хотел изменить здесь. Под этим я понимал также привлечение заключённых к *охотно выполняемой*, созидательной работе. При этих условиях я мог также требовать от заключённых исключительных результатов работы. С этими факторами я считался твердо и определенно.

Однако уже в первые месяцы, можно даже сказать, в первые недели я с горечью убедился, что все благие намерения и планы разбились об ограниченность и упрямство большей части моих подчинённых. Всеми доступными мне средствами я пытался разъяснить своим сотрудникам свои намерения и свой взгляд на вещи, показать им, что возможен только такой путь к успешному выполнению поставленных задач.

Напрасный труд! В «стариках» многолетняя выучка у Айке, Коха, Лорица сидела так глубоко, настолько въелась в плоть и кровь, что даже самые усердные просто не оказались способны ни к чему, кроме того, к чему они годами привыкали в концлагерях. Новички быстро учились у «стариков» — к сожалению, не самому лучшему. Все попытки получить от Инспекции концлагерей для Освенцима хотя бы немногих толковых командиров и унтерфюреров оказались неудачными. Глюкс просто не хотел этого.

Так же обстояли дела и с «функциональными заключёнными»[76]. Рапортфюрер Палич[77] должен был получить у РСХА для Освенцима 30 подходящих уголовных и политических заключенных всех профессий. Он отобрал в Заксенхаузене 30 лучших, по его мнению, кандидатур — заключённых всех профессий. На мой взгляд, из них едва ли был пригоден десяток. Палич отбирал заключённых согласно *своим* представлениям, так, как он привык, и как это было принято. Его способности и не позволяли ему действовать иначе.

Таким образом, с самого начала в обустройство лагеря легла ошибочная схема. С самого начала возобладали нормы, которые впоследствии выросли в чудовищные результаты. И все они могли бы и не наступить, и даже не наступили бы, если бы шутцхафтлагерфюреры[78] и рапортфюрер придерживались моей точки зрения и добросовестно исполняли мои приказы. Но они этого и не хотели, и не могли делать — из-за ограниченности, упрямства, злонамеренности и, не в последнюю очередь, ради собственного комфорта. Им эти твари подходили — по своим способностям, по своим задаткам.

Подлинным хозяином каждого концлагеря является шутцхафтлагерфюрер. Возможно, личность коменданта

накладывает на жизнь заключённых отпечаток, который становится более или менее очевидным. Конечно, комендант — это направляющая, принимающая решения сила. В конечном счете за всё отвечает он. Но подлинным управляющим жизнями заключённых, внутренним распорядком, являются шутцхафтлагерфюрер либо рапортфюрер, если он более умный и волевой. Конечно, комендант управляет жизнью заключённых так, как считает правильным. Но вот как это управление будет в конечном счете использовано, зависит от руководства шутцхафтлагеря. Комендант целиком полагается на добрую волю и здравый рассудок своего шутцхафтлагерфюрера. Бывает, что комендант сам выполняет его функции, когда он ему не доверяет или не считает его способным к исполнению данных функций. Только так может он обеспечить исполнение своих указаний и приказов в том смысле, который им изначально сообщен. Даже полковому командиру тяжело довести собственное понимание своих приказов до конечных исполнителей в случае, если речь идёт о вещах, выходящих за рамки повседневного. Насколько же тяжелее коменданту довести до заключённого приказ, имеющий серьёзные последствия, добиться его неукоснительного исполнения! Руководство именно заключёнными и не позволяет это в большинстве случаев проконтролировать. Этические и дисциплинарные соображения никогда не позволят коменданту расспрашивать заключённого об эсэсовском персонале — разве что речь идёт о раскрытии преступления. Но и тогда заключённый почти во всех без исключения случаях ничего не знает, или дает уклончивые ответы, потому что боится репрессий.

Эти вещи я довольно хорошо изучил в Дахау и Заксенхаузене, будучи блокфюрером, рапортфюрером и шутцхафтлагерфюрером. Я отлично знаю, как обходят неприятные приказы лагерного руководства и даже саботируют их так, чтобы руководство *этого* не заметило.

В Освенциме мне стало ясно, что здесь дела обстоят именно так. Радикальные перемены были возможны лишь после немедленной замены руководства лагеря. Но добиться этого от Инспекции концлагерей было бы невозможно. И проследить за буквальным исполнением отданных мной приказов было невозможно. Для этого мне понадобилось бы отложить решение главной задачи, — быстро, как только можно, создать действующий лагерь, — и самому стать шутцхафтлагерфюрером. Именно в это время, в ходе создания лагеря, мне следовало находиться там постоянно — учитывая образ мышления шутцхафтлагерфюреров. И именно тогда бездарность стоящего надо мной руководства принуждала меня к длительному

отсутствию. Для того, чтобы вообще запустить лагерное производство и поддерживать его, я должен был вести переговоры с хозяйственными инстанциями, с ландратом, с начальником окружного управления. А поскольку мой начальник администрации был круглым дураком, я должен был работать и за него, добывая средства к жизни для охраны и заключённых. И если бы дело касалось только хлеба, мяса, картофеля! Я должен был доставать даже солому. Поскольку я никак не мог рассчитывать на помощь Инспекции концлагерей, приходилось вертеться самому. Я должен был клянчить горючее для автомобилей. За котлами для лагерной кухни я ездил в Закопане и Рабку[79], за нарами и соломенными тюфяками — в Судеты. А поскольку начальник строительных работ у меня не был в состоянии достать даже самые необходимые материалы, их поиском и заготовкой также должен был заниматься я. В Берлине ещё спорили о ведомственной принадлежности расширенных площадей Освенцима — согласно контракту[80], весь объект принадлежал вермахту и передавался в ведение СС лишь на время войны. Тем временем РСХА, командование охранной полиции Кракова[81], инспекция зипо и СД в Бреслау постоянно спрашивали: когда могут быть приняты бóльшие контингенты заключенных. А я ещё не знал, где смогу раздобыть хотя бы 100 метров колючей проволоки. На саперном складе в Глейвице лежали горы колючей проволоки. Но я не мог получить оттуда ничего, поскольку для этого сначала надо было получить ордер из штаба инженерных войск в Берлине. Инспекцию концлагерей это никак не беспокоило. Поэтому крайне нужную мне колючую проволоку я был вынужден просто воровать. Везде, где я находил останки полевых укреплений, они демонтировались, а бункеры разбирались ради добычи арматурного железа. Везде, где встречались крайне необходимые мне материалы для лагерных сооружений, я приказывал их забрать, не заботясь об их принадлежности.

Я должен был помогать себе сам.

Одновременно закончилось расселение первой зоны в окрестностях лагеря. Очередь дошла и до второй зоны [82]

Мне пришлось позаботиться об использовании освободившихся сельскохозяйственных угодий. В ноябре 1940 г. был сделан первый отчет РФСС об исполнении приказа по расширению лагерных площадей[83].

Думал ли я, занятый перестройкой и строительством в лагере, что моё первое задание будет лишь началом — началом цепи всё новых поручений, новых планов? С самого начала я

отдавался полученным заданиям и поручениям без остатка, можно даже сказать, был одержим ими. Все трудности на моём пути лишь подвигали меня к ещё большему усердию. Я не хотел сдаваться. Мое честолюбие здесь не при чём. Я не видел ничего, кроме работы. То, что при избытке самой разной работы я имел мало времени для заключённых, более чем понятно. Мне пришлось полностью передать заключённых в ведение таких во всех отношениях неприятных персон как Фрич, Майер, Зайдлер, Палич[84] — хотя я сознавал, что они организуют жизнь в лагере не по моему образцу. Целиком и полностью я мог отдать себя лишь одной задаче: либо заниматься *только* заключёнными, либо продолжать перестройку и строительство лагеря всеми имеющимися средствами. Обе задачи требовали всей личности целиком, без остатка. Разорваться было невозможно. Моей задачей было и осталось строительство лагеря. В течение года возникали самые разные проблемы, но главная задача, решению которой я посвятил себя целиком, осталась всё та же. Она захватила все мои помыслы и стремления. Она подчинила себе всё остальное. Только исходя из неё, я и мог руководить.

С этой точки зрения я рассматривал и всё остальное. Глюкс часто говорил мне, что моя величайшая ошибка заключается в том, что я всё делаю сам вместо того, чтобы заставить работать подчинённых. Следует также принять во внимание ошибки, которые они допустили по собственной нерадивости. С этим тоже приходится считаться. Не может всё происходить так, как мы того желаем. Мои протесты против того, что в Освенциме я имею наихудших командиров и унтерфюреров, которые принуждают меня делать самому всё самое важное не только из-за их неспособности, но ещё больше из-за их нерадивости и злонамеренности, он не принимал во внимание. По его представлениям, комендант, сидя в своей дежурке, должен был управлять лагерем одной лишь силой приказов и посредством телефона. Мол, хватило бы и того, чтобы комендант вообще случайно прошел бы через лагерь!

О, святая простота!

Такое представление могло сложиться лишь потому, что Глюкс никогда не работал в лагере. Поэтому и не мог он понять моих нужд. Такое непонимание со стороны начальства приводило меня почти в отчаяние.

Я отдавал работе все свои возможности, всю волю, я уходил в неё с головой — а это казалось игрой, выполнением собственных капризов. После визита РФСС в марте 1941[85] и получения новых больших заданий (но не помощи в самом необходимом) исчезла моя последняя надежда на лучших, более надёжных сотрудников.

Я должен был довольствоваться теми, что были, продолжая с ними сражаться. Сделать своими союзниками я мог лишь нескольких действительно хороших, ответственных работников — но, к сожалению, не на самых ответственных постах. Их мне приходилось нагружать и даже перегружать работой, что, как мне позже стало ясно, оказалось никак не меньшим злом. Из-за этой полной безнадежности я в Освенциме стал совсем другим. Прежде в своем ближайшем окружении, особенно в своих товарищах, я видел только хорошее — до тех пор, пока не убеждался в обратном. Моя доверчивость часто играла со мной злые шутки. Только в Освенциме, где так называемые сотрудники предавали меня на каждом шагу и ежедневно повергали меня в разочарование, я изменился. Я стал недоверчивым, везде видел обман, везде видел лишь самое плохое. В каждом новшестве я тоже искал прежде всего самое плохое. Я оскорбил и оттолкнул от себя многих замечательных, честных людей. Доверия не стало. Товарищество, прежде бывшее для меня святым, стало казаться мне фарсом — ведь меня разочаровывали и старые друзья. Всякие товарищеские встречи стали вызывать у меня отвращение. Каждую из таких встреч я пропускал, был рад, имея уважительные причины для отсутствия. Конечно, такое поведение товарищи ставили мне в вину. Даже Глюкс часто обращал моё внимание на то, что в Освенциме не поддерживаются товарищеские отношения между комендантом и его помощниками. Я просто не был больше к ним способен. Слишком уж часто пришлось мне разочаровываться в людях. Всё больше я уходил в себя. Я стал одинок и неприступен, заметно очерствел. Моя семья, особенно жена, очень страдали из-за этого — я бывал невыносим. Я не видел ничего, кроме своей работы. Это вытеснило из меня всё человеческое. Моя жена пробовала вырвать меня из этой темницы. Она пробовала «открыть» меня, приглашая знакомых издалека, устраивала с той же целью дружеские встречи, хотя её *такая* общественная жизнь интересовала так же мало, как меня.

На время я вырывался из своего «индивидуализма». Но новые разочарования быстро возвращали меня за стеклянную стену. О моём поведении сожалели даже посторонние. Но ничего другого я уже не хотел — разочарования сделали меня в определённом смысле мизантропом. Часто случалось, внезапно я становился молчаливым, даже отстранённым, и предпочитал пройтись в одиночку, потому что внезапно у меня пропадало всякое желание кого-либо видеть. Усилием воли я брал себя в руки, пробовал с помощью алкоголя преодолеть приступы дурного настроения, и тогда опять становился разговорчивым, весёлым, даже развязным.

Вообще-то алкоголь приводил меня в радостное согласие со

всем миром. В таком настроении я не обидел ни одного человека. В такой ситуации у меня выманили множество уступок, которые я не сделал бы в трезвом виде. Однако в одиночку я никогда не пил, да и не имел такого желания.

Я также никогда не бывал пьяным, а тем более не впадал в алкогольные эксцессы. Когда мне уже хватало, я просто тихо исчезал. Халатности по службе из-за растянувшегося наслаждения алкоголем не было в принципе. Я мог задержаться с возвращением домой, но на службу я приходил всегда вовремя и всегда полным сил. Такого же поведения я всегда требовал и от своих подчинённых. Потому что никакой грех начальства не деморализует подчинённых так, как приём любой дозы алкоголя в начале рабочего дня. Однако тут я не встречал понимания подчинённых. Лишь мое появление вынуждало их к трезвости — они прекращали пить, грязно издеваясь над «стариковскими капризами». Желая правильно выполнить задание, я должен был стать мотором, который неустанно стремится к работе, который должен гнать всех вперёд и вперёд на работу — совершенно всё равно, эсэсовца или заключённого. Я боролся не только с трудностями военного времени и попытками отлынивать от работы, но и — ежедневно, даже ежечасно — с равнодушием, небрежностью, разобщённостью своих сотрудников. Активное сопротивление было сломлено, против него можно было бороться. Но против тихого саботажа я был бессилен — пассивное сопротивление было неуловимо, хотя оно и присутствовало повсюду. Но недовольных я должен был подгонять, если ничего больше не оставалось, силой принуждения.

Если до войны концлагеря были самоцелью, то благодаря воле РФСС в ходе войны они стали средством достижения цели. В первую очередь они должны были служить самой войне, созданию вооружений. Следовало по возможности сделать каждого заключённого рабочим по созданию оружия. Каждый комендант должен был полностью подчинить лагерь достижению этой цели. Согласно воле РФСС, Освенцим следовало сделать мощным центром трудоиспользования заключённых на работах по производству оружия. Его заявления во время визита в марте 1941 были в этом смысле достаточно прозрачными. Лагерь на 100.000 заключённых, перестройка старого лагеря на 30.000 заключённых, необходимость 10.000 заключённых для производства буны — всё говорило об этом достаточно ясно[86]. Однако к этому времени появились величины, ставшие совершенно новыми в истории концлагерей.

Лагерь с 10 тысячами заключённых считался тогда необычно большим.

Категоричность, с которой РФСС потребовал предельно быстрой постройки лагеря, его заведомый отказ принимать во внимание уже имеющиеся, едва ли устранимые недостатки, тогда меня уже насторожили. То, как он отклонил доводы гауляйтера и начальника окружного управления, говорило о чём-то совершенно необычном. Я ко многому привык, общаясь с членами СС и с РФСС. Но *та* категоричность и *та* непреклонность, с которой РФСС потребовал скорейшего выполнения своего только что отданного приказа, была новой и для него. Даже Глюкс обратил на это внимание. И ответственным за выполнение этого приказа назначался я один. Из ничего создать — да ещё мгновенно, согласно тогдашним понятиям — нечто совершенно новое, с *моими-то* работниками, без едва ли достойной упоминания помощи сверху, при уже накопленном горьком опыте! А как обстояло дело с наличной рабочей силой? Что стало тем временем с шутцхафтлагерем? Руководство шутцхафтлагеря прилагало все усилия, чтобы сохранить традиции Айке в обращении с заключёнными. Сюда же были подброшены «улучшенные методы», вынесенные Фричем из Дахау, Паличем из Заксенхаузена и Майером из Бухенвальда. Мои постоянные напоминания о том, что взгляды Айке давно устарели благодаря изменению самих концлагерей, они игнорировали. Изгнать уроки Айке из их ограниченных мозгов было невозможно — наставления Айке подходили к ним гораздо лучше. А все мои приказы и распоряжения, которые противоречили их сознанию, просто «изымались из оборота». Ведь не я, а *они* руководили лагерем. Они воспитали функциональных заключённых — от лагерэльтесте до последнего блокшрайбера. Они воспитали лагерных блокфюреров и обучили их обращению с заключёнными. Впрочем, об этом я уже достаточно сказал и написал. Против вот *такого* пассивного сопротивления я был бессилен. Понятным и достоверным всё это может быть лишь для того, кто сам прослужил в шутцхафтлагере годы.

Я уже вскользь упомянул, какое влияние имеет лагерный актив[87] на своих солагерников. В концлагере оно особенно сильно. В необозримо громадных массах заключенных Освенцима-Биркенау это влияние было фактором решающего значения. Казалось бы, общая участь, общие страдания должны привести к нерушимому братству, к твёрдой как скала солидарности. Глубокое заблуждение! Нигде голый эгоизм не проявляется так резко и постоянно, как в заключении. И чем суровее там жизнь, тем сильнее эгоизм. Таков инстинкт самосохранения.

Даже натуры, в обычной жизни добрые и готовые прийти на

помощь, за решёткой способны безжалостно тиранить своих товарищей по несчастью, если это может облегчить их собственную жизнь. Но насколько же более жестоки люди, эгоистичные изначально, холодные, порой с преступными наклонностями, в тех случаях, когда появляется возможность хотя бы малейших преимуществ. Заключённые, ещё не оглушённые жестокостью лагерной жизни, в целом страдают от психического воздействия гораздо больше, чем от самого жёсткого физического воздействия. Даже самый низкий произвол, самое плохое обращение со стороны охраны не действует на их психику так сильно, как поведение солагерников. Уже само по себе беспомощное наблюдение того, как подобные члены лагерного актива истязают солагерников, потрясает психику заключённых. Горе тому заключённому, который восстанет против этого, заступится за истязуемого! Террор внутреннего насилия слишком силен, чтобы на это решился хоть кто-то. А почему лагерный актив, функциональные заключённые обращаются *так* со своими товарищами по несчастью? Потому что они хотят казаться дельными ребятами, хотят представить себя в выгодном свете своим единомышленникам — охране и надзирателям. Потому что они тем самым могут получить льготы, облегчающие их собственное существование. Но это всегда достигается за счёт солагерников. А возможность вести себя так, действовать таким образом им даёт охранник, надзиратель, который либо равнодушно наблюдает за их поведением и не пресекает их деятельность из соображений собственного комфорта, либо даже одобряет их поступки из низких побуждений, а иногда из сатанинского злорадства даже поощряет заключённых к взаимной травле. Но и среди самого лагерного актива есть низкие твари, одержимые грубостью, подлостью и преступными наклонностями, которые истязают солагерников психически и физически, которые затравливают их порой до смерти, и которые делают это из чистого садизма. Даже моё нынешнее заключение, мой маленький кругозор предоставил и будет предоставлять достаточно поводов для того, чтобы увидеть описанное выше в меньшем масштабе и повторить всё сказанное выше. Нигде «Адам» не раскрывается настолько полно, как в заключении. Там с него спадает всё напускное, всё заимствованное, всё ему не свойственное. Отказаться от всяческих подражаний, прекратить игры в прятки его заставляет продолжительность заключения. Человек оказывается голым, таким, каков он есть: хорошим или плохим.

Как же совместная жизнь в заключении действовала на отдельные категории заключённых?

Рейхсдойчи всех цветов[88] проблем не имели. Почти все они,

за единичными исключениями, занимали «высокие» должности и благодаря этому имели для своих физических нужд всё. Если они чего-то и не могли получить легально, они это «доставали».

Субъекты, способные «достать всё», имелись в каждой группе ответственных функционеров Освенцима независимо от их цвета и национальности. Залогом успеха были только ум, отвага и бессовестность. Недостатка же в удобных случаях никогда не было. После начала еврейских акций не осталось практически ничего, чего бы они не смогли достать. А ответственные функционеры имели к тому же необходимую свободу передвижения.

Основной контингент до начала 1942 составляли *польские заключённые*. Все они знали, что должны будут оставаться в КЛ по крайней мере до конца войны. В то, что Германия войну проиграет, верило большинство, а после Сталинграда, пожалуй, все. Ведь благодаря вражеским сообщениям все они имели верное представление об «истинном положении» Германии. Прослушать вражеские сообщения было нетрудно, в Освенциме имелось достаточно радиоприёмников. Послушать радио можно было даже в моём доме. Имелось много возможностей благодаря общению с гражданскими работниками, а также благодаря тем эсэсовцам, которые способствовали обширной нелегальной переписке. То есть источников новостей было предостаточно. Кроме того, новости приносили вновь прибывающие в лагерь. Поскольку, согласно вражеской пропаганде, поражение государств «оси» было лишь вопросом времени, могло показаться, что в этом смысле польские заключённые не имели причин для беспокойства. Вопрос стоял иначе: кому посчастливится пережить заключение? Именно такого рода неизвестность и отягощала положение поляков. Все они испытывали страх перед случайными несчастьями, которые могли произойти в любой день и с каждым: каждый мог умереть от заразной болезни, которой уже не способен был сопротивляться ослабленный организм. Каждого могли неожиданно расстрелять или повесить как заложника. Каждого могли внезапно заподозрить в принадлежности в движению Сопротивления и приговорить к смерти по приговору военно-полевого суда. Могли ликвидировать в порядке репрессии. Могли, подстроив несчастный случай, убить на работе недоброжелатели. Заключённый мог умереть от жестокого обращения. Или от подобной случайности, которая давно над ним висела. Мучительный вопрос: сможет ли он выжить физически при всё более скудном питании, во всё более ветхом жилище, при прогрессирующем общем упадке гигиенических условий, выполняя работу, которая становится всё более невыносимой из-

за погодных условий? Сюда же надо добавить постоянную тревогу за родных и близких. Где они сейчас? Не подверглись ли они такому же заключению или высылке на работы? Живы ли они вообще? Многие думали о побеге, который избавил бы их от таких мучений. Сделать это было нетрудно, в Освенциме имелось много возможностей для побега. Необходимые условия можно было и создать. Легко было обмануть охрану. Имея мужество и немного удачи, сделать это было можно. Когда на карту ставят всё, надо рассчитывать также и на исход, который может кончиться смертью. Но мыслям о побеге противостояли возможные репрессии, аресты членов семьи[89], ликвидация десяти и более солагерников. Многих заключённых репрессии заботили мало, они решались на побег вопреки всему. Если им удавалось уйти за цепь сторожевых постов, дальше им уже помогало местное гражданское население. Остальное уже не представляло проблем. Возможность неудачи их не останавливала. Их лозунгом было: всё равно так или иначе пропадать. Товарищи по несчастью, солагерники, должны были проходить строем мимо трупа застреленного при попытке к бегству и смотреть, чем может окончиться побег. Это зрелище многих заставляло отказаться от намерений бежать. Многих это пугало. Но упрямцы всё же решались на побег, и если им везло, они входили в те 90 процентов, которым побег удавался. Что же могло происходить внутри заключённых, которые маршировали рядом с убитым? В их лицах я мог прочесть: ужас перед *такой* судьбой, сострадание к несчастному и месть, возмездие, для которого ещё настанет время. Такие же лица я видел во время смертных казней через повешение перед строем заключённых. Разве что страх перед такой же участью проступал на их лицах сильнее.

Здесь я должен также рассказать о военно-полевом суде и ликвидации заложников, поскольку всё это касалось исключительно польских заключённых. Обычно заложники находились в лагере уже долгое время. О том, что они заложники, не знали ни сами эти заключённые, ни лагерное руководство. Внезапно приходила телеграмма с приказом начальника зипо и СД или РФСС: следующих заключённых расстрелять или повесить как заложников. Об исполнении следовало доложить в течение нескольких часов. Упомянутых доставляли с рабочих мест или вызывали и брали под стражу. Заключённые, сидевшие давно, уже обо всём знали или, по крайней мере, догадывались. Взятым под стражу объявляли об экзекуции. Изначально, в 1940/1941 их расстреливала исполнительная команда части. В позднее время вешали или по отдельности убивали выстрелом в затылок из

мелкокалиберного ружья; лежачих больных ликвидировали с помощью смертельных инъекций. Военно-полевой суд Катовице обычно прибывал в Освенцим каждые четыре-шесть недель и заседал в помещении камерного типа. Большинство уже сидевших или доставленных незадолго перед тем подсудимых приводили к председателю и через переводчика допрашивали, либо выслушивали их признания. Заключённые, которых я при этом видел, вели себя свободно, открыто и уверенно. Особенно мужественно выступали некоторые женщины. В большинстве случаев выносился смертный приговор, который немедленно исполняли. Подсудимые, как и заложники, с достоинством шли на смерть. Они были уверены в том, что умирают за Отечество. В их глазах я нередко видел фанатизм, который напоминал мне об исследователях Библии и их смерти. Однако уголовники, приговорённые военно-полевым судом, — грабители, бандиты и т. д. — умирали не так. Либо тупо, ошеломлённые приговором, либо со стонами, с воем, с мольбой о пощаде. И здесь те же картины, те же явления, что и в Заксенхаузене: идейные умирали храбро и достойно, асоциальные умирали тупо или сопротивляясь.

Хотя общие условия содержания в Освенциме действительно были более чем неблагоприятными, ни один политический заключённый не отбывал в другой лагерь с охотой. Как только им становилось известно о предстоявшем переводе, они пускались на всё, лишь бы избежать этого. В 1943, когда пришёл приказ о переводе всех поляков в лагеря рейха, я был потрясён количеством ходатайств с предприятий об их оставлении в Освенциме как незаменимых работников. Никто не хотел покидать Польшу. Заменять их пришлось принудительно, согласно процентному соотношению. Ни разу не слышал о том, чтобы хотя бы один польский заключённый сам попросил перевести его в другой лагерь. Я так и не смог понять причину такой привязанности к Освенциму. Среди польских заключённых было три больших политических группировки, приверженцы которых яростно враждовали с противниками. Сильнейшими из них были национал-шовинисты. Между собой они ссорились из-за влиятельных должностей. Как только один из них занимал в лагере важное место, он тащил за собой приверженцев своей группы и жестоко вытеснял из сферы своего влияния приверженцев другой группы. Это случалось часто и тут не обходилось без коварных интриг. Позволю себе даже сказать, что многие случаи смертельного исхода при заболеваниях тифом, сыпным тифом или др. следует отнести на счёт этой борьбы за власть. Я часто слышал от врачей, что именно в больнице

постоянно велись схватки за преобладание. То же самое относится и к трудоиспользованию. Ведь больница и область трудоиспользования были в жизни заключённых важнейшими местами распределения власти. Кто там удерживался, тот царствовал. Царствование было, и не такое уж скудное. Там уже можно было собрать своих друзей с важных должностей, а недружественных заключённых удалить или даже устранить. Всё это в Освенциме было возможно.

Такие политические сражения за власть разыгрывались в Освенциме не только среди польских заключённых. Такое политическое соперничество существовало во всех лагерях среди всех национальностей. Даже среди красных испанцев в Маутхаузене были две враждебные группы.

И даже в следственном изоляторе, а затем в тюрьме я в своё время был свидетелем того, как интриговали друг против друга правые и левые.

В КЛ эти стычки за верховенство усердно поддерживались и разжигались, чтобы тем самым воспрепятствовать сплочению всех заключённых. Одну из главных ролей при этом играл не только политический, но и цветной антагонизм[90]. Едва ли было бы возможным твёрдое управление лагерем, обуздание тысяч заключённых, если бы при этом не использовалось их противоборство.

Divide et impera! — это важнейшее правило не только в высокой политике, но и в жизни КЛ, и им нельзя пренебрегать.

Следующим крупным контингентом стали *русские военнопленные*, которые должны были построить KGL [= Kriegsgefangenenlager] Биркенау. Они пришли из подведомственного вермахту лагеря для военнопленных Ламсдорф 0/S совершенно обессиленными. Туда они пришли пешим маршем. По дороге их не обеспечивали продовольствием, во время остановок их просто отводили на окрестные поля и там они «жрали», как скот, всё, что только можно было есть. Вероятно, в лагере Ламсдорф должно было содержаться около 200.000 русс. военнопленных. Там они большей частью ютились в землянках, которые сами строили. Продовольствие для них было совершенно недостаточным, а также нерегулярным. Они сами готовили себе пищу в ямах. Свою еду большинство из них «пожирало» — словом «ели» я это назвать не могу — совершенно сырой. Вермахт не был готов к массам военнопленных в 1941 году. Аппарат службы по делам военнопленных был слишком неподвижен, чтобы сориентироваться достаточно быстро.

Впрочем, после краха в мае 1945 с немецкими военнопленными обстояло не иначе. К их массовому поступлению

союзники оказались не готовы. Они просто согнали их на подходящие участки местности, слегка обмотали их колючей проволокой, а затем предоставили самим себе. Случилось с ними то же самое, что и с русскими.

С этими едва державшимися на ногах пленными я теперь должен был строить KGL Биркенау. Согласно распоряжению РФСС, привлекаться к этому должны были лишь особенно сильные, полностью трудоспособные военнопленные русские. Сопровождавшие их офицеры конвоя сказали, что это были лучшие из того, чем располагали в Ламсдорфе. Они бы охотно поработали, но от изнеможения не были ни к чему способны. Ещё я точно знаю, что когда они ещё размещались в шталаге[91], мы давали им дополнительное питание. Но без успеха. Их истощённые тела больше не могли ничего усвоить. Их организмы не могли функционировать. Они вымирали как мухи от общей астении, или от самых лёгких заболеваний, которым тело больше не могло сопротивляться. Я видел, как они массами умирали, пытаясь глотать свёклу, картофель. Некоторое время я водил около 5.000 русских к месту, где разгружали поезда с брюквой. Вдоль полотна железной дороги уже не было места, там лежали горы брюквы. Но сделать с ней ничего было нельзя. Русские просто физически уже не были к этому способны. Они равнодушно и бессмысленно топтались там или забивались в какие-нибудь укромные места, чтобы съесть найденную еду, извергнуть её из себя или тихо умереть. Совсем плохо стало во время оттепели зимой 41/42. Они лучше переносили холод, чем сырость, невозможность просохнуть, да ещё в недостроенных, кое-как стоявших каменных бараках Биркенау. Из-за этого показатели смертности постоянно росли. Даже тех заключённых, которые прежде сохраняли какую-то способность к сопротивлению, с каждым днем становилось всё меньше. Уже не помогало и дополнительное питание. Едва они что-то съедали, их рвало, они уже не могли насытиться.

Однажды я был свидетелем того, как колонна из нескольких сотен русских, которую вели по пути между Освенцимом и Биркенау, внезапно перешла с дороги на лежавшее возле него картофельное поле, причём сделали это все сразу, так что конвой был застигнут врасплох, а частично и раздавлен бежавшими, и никто не знал, что в этой ситуации делать. К счастью, в это время я как раз подъехал, чтобы восстановить порядок. Русские рылись в буртах и оттащить их было невозможно. Некоторые умирали тут же на месте, с картофелем в руках и во рту. Они не обращали друг на друга внимания, инстинкт самосохранения подавил в них всё человеческое. В Биркенау нередки были случаи

каннибализма. Я сам нашёл одного русского, лежавшего между кучами кирпича. Его живот был вспорот тупым предметом, и у него отсутствовала печень. Из-за еды они убивали друг друга. Однажды я ехал верхом и вдруг увидел, как один русский кирпичом ударил по голове другого, чтобы отнять у него хлеб, который тот жевал, сидя на корточках за грудой камня. Когда я подъехал к этому месту через вход, — ведь я скакал вдоль проволочного ограждения снаружи лагеря, — тот, который сидел за кучей камня, уже лежал с пробитым черепом и был мёртв. Выявить преступника в массе сновавших тут же русских уже не удалось. При разбивке первого строительного участка, когда рыли траншеи, много раз находили трупы русских, убитых другими, частично съеденные и спрятанные в разных щелях. Так нам стало понятно загадочное исчезновение многих русских. Из окон своей квартиры я видел, как один русский нёс свой котелок за здание комендатуры и при этом усердно выскребал его. Вдруг из-за угла выскочил другой и набросился на него. Он выбил котелок из его рук, толкнул его на проволоку, находившуюся под напряжением, и скрылся. Часовой на вышке тоже это видел, но выстрелить в бегущего не успел. Я тут же позвонил дежурному офицеру, велел выключить ток, а сам тоже пошел в лагерь, чтобы найти преступника. Упавший на проволоку был мёртв. Найти другого уже не удалось.

Это были уже не люди. Они стали животными, рыскающими в поисках корма. Из более чем 10.000 русских военнопленных, доставленных в качестве главной рабочей силы для строительства лагеря для военнопленных Биркенау, к лету 42 остались в живых какие-то сотни. Этот остаток состоял из отборных экземпляров. Они отлично работали и использовались в качестве летучей рабочей команды повсюду, где что-то надо было построить быстро. Но я так никогда и не избавился от впечатления, что эти выжившие устояли за счёт своих солагерников, потому что они были свирепыми, бессовестными, имели «крепкие шкуры».

Кажется, летом 1942 этому остатку удалось совершить массовый побег. Большая часть при этом была застрелена, но многим удалось убежать[92]. Причиной этого побега, как сообщили пойманные, стал страх перед удушением газом, когда им объявили о переводе в новый, вновь построенный сектор. Они решили, что объявив о переводе, их на самом деле хотят обмануть. Но удушение этих русских газом никогда не предусматривалось. Конечно, им было известно о ликвидации русских политруков и комиссаров [93]. И они испугались, что их ожидает такая же участь. Так возник массовый психоз и такие он имел последствия.

Следующий крупный контингент составляли *цыгане*. Уже задолго до войны, в рамках акций в отношении асоциальных элементов, в КЛ перемещали и цыган [94]. Один из отделов в Службе криминальной полиции занимался только надзором за цыганами. В цыганском лагере находились также занимавшиеся бродяжничеством нецыганские лица, подвергнутые заключению как уклонисты от работы, или асоциальные элементы. В дальнейшем цыганские лагеря ревизовались с биологической точки зрения. РФСС хотел, чтобы оба главных рода цыган непременно сохранились — названия этих родов мне неизвестны[95].

По его мнению, они были потомками индогерманского пранарода по прямой линии и довольно хорошо сохранили свой облик и свои обычаи. Их всех следовало сохранить для исследовательских целей, переписать и взять под охрану как исторический памятник. Позже их должны были собрать со всей Европы и вывезти на отведённое для них место.

В 1937/1938 всех кочевых цыган собрали в так называемых жилых лагерях при больших городах, чтобы лучше их контролировать.

В 1942 был издан приказ, согласно которому всех цыган, а также цыган-полукровок в рейхе следовало арестовать и отвезти в Освенцим независимо от возраста и пола. Исключением стали только признанные чистыми цыгане обоих главных родов. Их должны были поселить в округе Оденбург возле озера Нойзидлер-Зее. Привезённые в Освенцим должны были на время войны оставаться в семейном лагере. Однако инструкции в отношении арестованных были даны недостаточно точно. Разные полицейские ведомства толковали их по-разному, и в результате дело доходило до ареста лиц, которые ни в коем случае не могли быть причислены к кругу интернируемых. Многие фронтовики, многократно раненные, приехавшие в отпуск и имевшие высокие награды, были арестованы потому, что их отцы или матери, или деды и т. д. были цыганами или цыганами-полукровками. Среди них оказался даже старый член партии, дед-цыган которого поселился в Лейпциге. Он и сам имел там крупное дело и был многократно отличившимся участником мировой войны. Была среди них и одна студентка, руководитель Союза немецких девушек в Берлине. И много подобных случаев. Я доложил об этом в Службу криминальной полиции. После этого цыганский лагерь был подвергнут ревизии. Многие были выпущены, но на всей массе это почти не отразилось. Сколько цыган или полукровок было в Освенциме, я сказать уже не могу. Знаю только, что сектор, рассчитанный на 10.000, они занимали

полностью[96]. Однако в Биркенау общие условия были совершенно не теми, которыми следовало быть в семейном лагере. Для этого там отсутствовали все условия — при том, что этих цыган следовало содержать до тех пор, пока не окончится война. Например, правильно кормить детей там было невозможно, хотя я, ссылаясь на приказ РФСС, хитрил и получал в продовольственных службах питание для маленьких детей. Но скоро этому пришел конец, поскольку Министерство продовольствия стало отклонять все заявки на детское питание для КЛ.

В июле 1942 РФСС совершил инспекцию[97]. Я показал ему цыганский лагерь во всех подробностях. Он всё обстоятельно осмотрел, видел набитые до отказа жилые бараки, недостаточные гигиенические условия, переполненные больничные бараки, видел заразных больных, видел детскую заразную ному[98], которая всегда меня пугала. Эти изможденные детские тельца с огромными сквозными дырами на щеках, это медленное гниение заживо напоминали мне о больных лепрой, о прокаженных, которых я впервые увидел в Палестине.

Он узнал о цифрах смертности, которые были сравнительно низки по сравнению со всем лагерем. Однако детская смертность была необычно высокой. Не думаю, что многие из новорожденных переживали первые недели. Он всё внимательно осмотрел и приказал нам уничтожить их после того как будут, как и у евреев, отобраны работоспособные. Я обратил его внимание на то, что эти лица все же не вполне соответствуют тем, для которых предназначен Освенцим. Тогда он распорядился о том, чтобы государственное управление уголовной полиции как можно скорее предприняло селекцию. Это продолжалось в течение двух лет. Работоспособные цыгане были переведены в другой лагерь. К августу 1944 оставалось около 4.000 цыган, которым следовало отправиться в газовые камеры[99]

Они до последнего момента не знали о том, что их ждет. Лишь когда они побарачно отправились в крематорий I, им всё стало ясно. Завести их в камеры было нелегко. Сам я этого не видел, но Шварцхубер[100] сказал мне, что столь тяжелой не была ни одна акция по уничтожению евреев, и он пережил это особенно тяжело, потому что знал почти каждого из них и хорошо к ним относился. Ведь они были доверчивы как дети. Несмотря на отвратительные условия содержания, большинство цыган, как я это часто видел, психически не очень страдало от заключения, если не считать того, что они осознавали, что им отказано в удовлетворении страсти к бродяжничеству. Теснота помещений, плохие гигиенические условия, частично также недостаточное

питание — ко всему этому они привыкли в своей прежней примитивной жизни. К болезням и высокой смертности они тоже не относились трагически. Всем своим существом они оставались детьми, порывистыми в своих мыслях и действиях. Они охотно играли, даже во время работы, к которой они не относились серьезно. Даже самое плохое они не принимали близко к сердцу. Они были оптимистами. Никогда я не видел у цыган мрачного, исполненного ненавистью взгляда. Стоило зайти в их лагерь, как они тут же выходили из бараков, играли на своих инструментах, заставляли детей плясать, выделывали свои обычные штучки. Имелся огромный детский сад, где дети могли от души повеселиться и поиграть во всевозможные игры. Когда с цыганами заговаривали, они отвечали беззаботно и доверчиво, высказывали все свои пожелания. Мне всегда казалось, цыгане просто не отдавали себе отчета в том, что они находятся в заключении. Они яростно враждовали друг с другом. Эту вражду создавала многочисленность их родов и семей, а также сама по себе их горячая, воинственная кровь. Но родственники были тесно сплочены и очень сильно привязаны друг к другу. Когда дело доходило до отбора работоспособных и расставания, что разбивало семьи, случалось много трогательных сцен, было много страданий и слёз. Но когда им говорили, что со временем все они опять соберутся вместе, они более или менее успокаивались. Некоторое время мы содержали работоспособных цыган в шталаге Освенцим; они делали всё возможное, чтобы посмотреть на своих родственников хотя бы издалека. Часто по результатам переклички нам приходилось искать молодых цыган — тоскуя по родне, они с помощью коварства и хитрости пробирались к ней в цыганский лагерь. Уже в Ораниенбурге, когда я был в Инспекции КЛ[101], цыгане, знавшие меня по Освенциму, заговаривали со мной и спрашивали о членах своих кланов. В том числе и о тех, которые уже давно были удушены газом. Мне всегда было трудно давать им уклончивые ответы — как раз из-за их огромной доверчивости. Хотя в Освенциме из-за них я имел много неприятностей, они всё же были моими любимыми заключенными — если так вообще можно выразиться. Они не были способны долго выполнять одну работу. Они с радостью «цыганили» повсюду. Охотнее всего они работали в транспортной команде, потому что с ней могли повсюду ходить, тешить свое любопытство, а также иметь возможность воровать. Эта страсть к воровству и бродяжничеству была у них врожденной и неискоренимой. Их мораль была совершенно иной. Воровство в их глазах абсолютно не было злом. Для них было непостижимо, что за это полагается наказание.

Всё это я говорю о большинстве арестованных, о действительно бродяжничавших, всегда пребывавших в беспокойных странствиях цыганах, а также о метисах, которые стали цыганами, но не об оседлых, которые проживали в городах. Те уже взяли от цивилизации достаточно много, и, к сожалению, не лучшее.

Наблюдения за их жизнью и проведением были бы интересны, если бы я не видел за всем этим весьма ужасное — приказ об уничтожении, про который, кроме меня, до середины 1944 в Освенциме знали только врачи. Они, согласно приказу РФСС, тайно уничтожали больных, особенно детей. А ведь как раз они так доверяли врачам. Право же, нет ничего тяжелее, чем быть вынужденным хладнокровно, без сострадания и жалости совершить это[102].

Но как же заключение действовало на евреев, которые с 1942 составляли основную часть заключенных Освенцима? Как вели себя они?

Евреи содержались в КЛ с самого начала. Поэтому я достаточно хорошо познакомился с ними еще в Дахау. Евреи тогдашнего времени ещё имели возможность выехать, если какое-нибудь иностранное государство давало им разрешение на въезд. То есть их пребывание [в лагере] было только вопросом времени, и, соответственно, денег и иностранных связей. Многие в течение нескольких недель добывали необходимые визы и так смогли избежать ареста. Остаться в лагере пришлось лишь осквернителям расы или евреям, которые в системное время занимались особенно активной политической деятельностью. Те, которые имели надежду выехать, думали лишь о том, чтобы их жизнь в заключении протекала «без осложнений». Они прилежно работали, насколько были к этому способны — ведь большинство из них было непривычно к любому физическому труду — держались по возможности тихо, старательно выполняли свои обязанности. Евреям в Дахау приходилось нелегко. Они должны были делать нелегкую для них физическую работу в гравийном карьере. Благодаря Айке и «Штюрмеру», который вывешивался во всех казармах и кантинах, охрана присматривала за ними особенно сурово. Как «осквернители немецкой расы», они подвергались особым гонениям, в том числе и со стороны солагерников-заключенных. Поскольку в шутцхафтлагере «Штюрмер» тоже вывешивали на стендах, его влияние сказывалось даже на заключенных, прежде не бывших антисемитами. Евреи сопротивлялись этому типично по-еврейски: путем подкупа солагерников. Все они имели достаточные суммы денег и поэтому могли купить в кантине всё, что только хотели.

Поэтому среди заключенных, не имевших денег, они находили достаточно добровольцев, готовых за курево, сладости, колбасу и т. п. оказать им встречные услуги: так капо предоставляли им легкую работу, а заключенные, работавшие в санчасти, помещали их туда. Один еврей, чтобы попасть в санчасть, даже сумел за пачку сигарет уговорить одного заключенного-санитара, сорвать ему ногти с больших пальцев ног. Но большего всего евреев притесняли их собственные соплеменники, будь то десятники или старосты. Особенно отличался этим один блокэльтесте по фамилии Эшен.

Позже, будучи втянутым в одну гомосексуальную историю, он испугался наказания и повесился. Этот блокэльтесте истязал других не только физически, всякого рода придирками, но прежде всего психически. Он постоянно давил на них, подстрекал их к нарушениям лагерного распорядка, подстраивал нападения заключенных друг на друга и на лагерный актив, чтобы тем самым получать поводы для донесений о наказаниях, но не предъявлять их, а с их помощью всегда держать других заключенных под угрозой такого предъявления. Он был воплощением «злодея» — человек, рабски угодливый по отношению к эсэсовцам и готовый совершить любую подлость против своих солагерников, своих соплеменников. Я несколько раз пытался снять его с должности. Но сделать это было невозможно. Айке лично приказывал оставить его.

Айке специально для евреев придумал одно коллективное наказание. Когда в мире стартовала очередная лживая кампания против КЛ, евреям пришлось в течение целого месяца или даже квартала оставаться в постелях. Встать и выйти из барака они могли только для приема пищи и на перекличку. Помещения не проветривались, окна были закрыты. Это было суровое наказание, особенно его психическая сторона. Из-за этого принудительного лежания они стали настолько нервными и раздражительными, что один уже не мог видеть другого, не мог выносить его присутствия. Происходили страшные драки. Айке считал, что виновниками кампании были вышедшие из Дахау евреи, поэтому как следует наказать за это следовало всех евреев.

Здесь я должен заметить, что всегда отвергал антисемитский еженедельник «Штюрмер» Штрайхера за его отвратительное содержание, обращенное к самым низким инстинктам. Сюда же надо отнести его выпячивание сексуальности зачастую развратно-порнографического сорта. Эта газетенка принесла много зла, она не содействовала серьезному антисемитизму, но, напротив, вредила ему. Нет ничего удивительного в том, что после краха выяснилось: один еврей редактировал эту газету и писал самые

яростные статьи[103]. Как фанатичный национал-социалист я был убежден в том, что наша идея, приспособленная к своеобразию народов всех стран, найдет к ним доступ и постепенно восторжествует. Тем самым будет также устранено засилье еврейства. Ведь во всем мире антисемитизм не нов. Он всегда становится очевидным, когда евреи слишком сильно прорываются во власть, когда их враждебные стремления становятся явными для общественности. Но на мой взгляд, антисемитизму служат не бешеной травлей, как это делал «Штюрмер». Желая добиться духовной победы над еврейством, следует использовать лучшее оружие. Я считал, что лучшие, главные силы нашей идеи пробьются сами. В то, что предпринятое Айке коллективное наказание поможет справиться с потоком лживых известий о зверствах, я нисколько не верил. Распространение измышлений о совершаемых зверствах продолжилась даже после того, как из-за него были расстреляны сотни, даже тысячи. Тогда я считал справедливым, что за кампанию лжи наказывают евреев, которых мы держали в руках.

В ноябре 1938 наступила разыгранная Геббельсом «Хрустальная ночь». По всему рейху в наказание за то, что в Париже евреем был застрелен фон Рат, разрушали еврейские магазины или хотя бы били в них стекла, повсюду в синагогах возникали пожары, при том что пожарным командам мешали их тушить. Все евреи, которые играли какие-то роли в торговле, промышленности и деловой жизни, были арестованы и отправлены в КЛ «для их защиты от народного гнева». Тогда я смог ознакомиться с ними в массе. До этого Заксенхаузен был почти свободен от евреев — и вдруг случилось их нашествие. До этого в Заксенхаузене понятие «подкуп» было практически неизвестно. А сейчас подкупов стало навалом, всех видов. «Зелёные» [уголовники] радостно встретили евреев как объект эксплуатации. Следовало запретить евреям иметь деньги, потому что иначе в лагере начались бы не поддающиеся контролю беспорядки. Они вредили друг другу где только могли. Каждый стремился получить тёпленькое местечко. Чтобы уклониться от работы, они, с попустительства сговорчивых капо, даже сами создавали себе всё новые должности. Чтобы добыть спокойные места, они не боялись устранять своих солагерников с помощью ложных доносов. Как только они становились «кем-то», они принимались безжалостно и подло травить и мучить своих соплеменников. Тут они во всём превосходили «зелёных». Многие евреи, впав в отчаяние от *их* поведения, и чтобы избавиться от мук, бросались на проволоку, совершали попытки побега, чтобы их застрелили, вешались. Комендант докладывал Айке о

множестве таких инцидентов. На это Айке отвечал: «Не вмешивайтесь, евреи должны сами пожирать друг друга».

Я хотел бы здесь подчеркнуть, что лично не испытывал к евреям ненависти, хотя они были врагами нашего народа. Они были для меня такими же заключенными, как и все остальные, и обращаться с ними следовало так же. В этом я никогда не делал различий. Чувство ненависти вообще мне несвойственно. Но я знаю, что такое ненависть и как она проявляется. Я ее видел и сам ощущал на себе.

Когда РФСС внес поправки в свой приказ от 1941 об уничтожении всех без исключения евреев [104], и после этого начали отбирать трудоспособных для работы на предприятиях оружейной промышленности, Освенцим стал еврейским лагерем, самым большим сборным еврейским лагерем, о каких прежде не было известно. В прежние годы арестованные евреи рассчитывали на то, что в один прекрасный день они освободятся, и это значительно облегчало их психические страдания, вызванные заключением. Но у евреев Освенцима подобных надежд уже не оставалось. Они все без исключения знали, что приговорены к смерти, что останутся в живых лишь до тех пор, пока смогут работать. И большинство не тешило себя надеждами на изменение своей мрачной участи. Они были фаталистами. Они терпеливо и равнодушно переносили тяготы и муки заключения. Невозможность избежать известного конца делала их психически совершенно безучастными к внешнему миру. Этот психический распад ускорял физический. У них больше не было воли к жизни, ничто их не волновало, малейшее телесное потрясение парализовало их. Они знали, что смерть рано или поздно неизбежна. Я настаиваю на том, что, — судя по моим наблюдениям, — высокая смертность евреев была не результатом для большинства тяжелой, непривычной работы, недостаточного питания, переполненности бараков и других неполадок и тягот лагерной жизни, но преимущественно и прежде всего результатом психического состояния. Ведь на других рабочих местах, в других лагерях, при более благоприятных общих условиях содержания смертность евреев была ненамного меньшей. Она всегда была относительно более высокой, чем смертность других заключенных. Во время моих инспекционных поездок в составе D-I[105] я об этом много узнал. У еврейских женщин это проявлялось намного сильнее. Они разрушались намного быстрее мужчин, хотя, по моим наблюдениям, женщины всё же, как психически, так и физически намного выносливее и терпеливее мужчин. Сказанное выше верно для большинства, для массы еврейских заключенных. Иначе и более разнообразно ведут себя

интеллектуалы, психически более сильные и волевые евреи, преимущественно из стран Запада. Они тоже, особенно врачи из их числа, совершенно отчетливо видели, что их гибель неизбежна. Но они надеялись, и рассчитывали на то, что счастливое стечение обстоятельств каким-то образом наступит, и их жизни будут спасены. Это было результатом их расчетов на поражение Германии, ведь они легче других поддавались вражеской пропаганде. Это они прежде всего стремились занять должность, которая выделила бы их из массы, дала им преимущества, защитила бы их от случайностей на пути к гибели, улучшила бы физические условия их жизни. Чтобы добиться такого в буквальном смысле слова «жизненно важного» положения, они использовали все свои способности и дарования. Чем лучше, чем желаннее было место, тем сильнее за него дрались. Никакой порядочности тут не было — в борьбе на карту ставили всё. Все средства были хороши, и никаким из средств не брезговали, чтобы добыть хорошее место или чтобы удержать его. Побеждали самые бессовестные. Я то и дело слышал о схватках за преобладание. С интригами и методами борьбы за хорошие места между разными «цветами» и политическими группами я ознакомился во многих лагерях. Но у евреев Освенцима я в этом отношении еще многому мог поучиться. «Нужда делает находчивым», а здесь речь шла практически о выживании.

Но снова и снова заключенных, воцарившихся на хороших местах, вдруг становилось меньше, они медленно погибали, когда узнавали о гибели ближайших родственников. Происходило это без явных причин вроде болезней или плохих бытовых условий. В целом евреи имеют сильные родственные чувства. Из-за смерти ближайшего родственника их собственные жизни казались им недостойными продолжения, недостаточно ценными, чтобы за них бороться. Видел я и нечто прямо противоположное — во время акций по уничтожению, но об этом позже.

Всё, сказанное выше, распространяется и на заключённых-женщин разных контингентов. Только для женщин всё было гораздо сложнее, всё их сильнее угнетало и ранило, потому что в целом условия жизни в женских лагерях были несравненно тяжелее. Жили они гораздо теснее, санитарные и гигиенические условия у них были значительно хуже. Из-за губительной переполненности и последствий этого в женских лагерях никогда нельзя было добиться настоящего порядка[106]. Там было гораздо теснее, чем у мужчин. Когда женщины опускались до нулевой точки, они опускались абсолютно. Подобно совершенно безвольным призракам, они бродили по лагерю, гонимые всеми, а потом однажды тихо умирали. «Зелёные» [= уголовницы] из

числа женщин-заключённых были особого сорта. Думаю, в Равенсбрюке тогда действительно подыскали для Освенцима «лучших» [107].

Они далеко превосходили свои мужские аналоги — в закоренелости, низости, подлости и развращенности. В большинстве своем это были многократно судимые проститутки. Часто отвратительные бабы. Понятно, что эти чудовища обращали свою похоть на подчиненных им заключенных, но избежать этого было нельзя. РФСС счел их наиболее подходящими капо для евреек, когда в 1942 он побывал в Освенциме. Немногие из них умерли, разве что от заразных болезней. *Они* душевной боли не знали. Кровавая баня в Будах [108] всё ещё стоит у меня перед глазами. Не думаю, чтобы в такого изверга смог бы превратиться мужчина. «Зелёные» убивали французских евреек, рвали их на части, рубили топорами, душили — это было просто ужасно.

Однако не все «зелёные» и «чёрные» были такими законченными тварями. Некоторые из них еще сохраняли сердце для своих солагерниц. Но они подвергались свирепым преследованиям со стороны вышеназванных товарок по «цвету». Большинству надзирательниц это было просто непонятно.

Отрадной противоположностью им были исследовательницы Библии, которых называли «библейские пчелы» или «библейские черви». К сожалению, их было слишком мало. Несмотря на их более или менее фанатичные взгляды, они пользовались большим спросом. Они прислуживали в многодетных эсэсовских семьях, в ресторане для эсэсовцев, даже в доме фюрера, а большинство их работало в сельском хозяйстве. Они были заняты на птицеферме в Харменже[109] и в различных усадьбах. Для них не требовалось ни надзора, ни часовых. Они прилежно и охотно выполняли свою работу, поскольку таков был завет Иеговы. В большинстве они были старыми немками, был представлен также ряд молодых голландок. В течение трех лет у меня дома работали две пожилые женщины. Моя жена часто говорила, что она сама не смогла бы позаботиться обо всем так хорошо, как они. Особенно трогательно они заботились обо всех детях, как о старших, так и о младших. Те тоже были привязаны к ним так, как если бы они были членами семьи. В первое время мы боялись, что они во имя Иеговы захотят спасти малышей. Но нет, этого они не делали. Они никогда не разговаривали с детьми о религии. При их фанатичных взглядах это было довольно удивительно. Среди них были также странные создания. Одна из них работала у офицера СС, и по глазам угадывала все его желания, но при этом принципиально отказывалась чистить его мундир, головной убор

и сапоги — всё, что было связано с военной службой. Она даже не притрагивалась к этим предметам. В остальном же они были довольны своей участью. За свои страдания в неволе они надеялись вскоре получить в грядущем царстве хорошее место.

Они были странным образом убеждены в том, что евреи страдают и умирают по справедливости, поскольку их предок когда-то предал Иегову. Я всегда считал исследователей Библии блаженными, которые, однако, были по-своему счастливы.

Другие женщины-заключённые польской, чешской, украинской, русской национальностей использовались, насколько они были к этому пригодны, на сельскохозяйственных работах. Благодаря этому они избегали основного лагеря и его разрушающего действия. В жилищах усадеб и в Райско [110] им было все же намного лучше. Я всегда замечал, что заключенные, которые работали в сельском хозяйстве и были также размещены отдельно, производили совершенно другое впечатление. Они не подвергались такому психическому давлению, как заключенные в основном лагере. Иначе они не выполняли бы порученную им работу так охотно и естественно. До отказа набитый с самого начала лагерь означал, как правило, для женщин-заключенных психическое уничтожение, за которым рано или поздно следовало физическое разрушение.

В женском лагере постоянно были во всех отношениях самые плохие условия. С начала транспортировки евреев из Словакии [111] он в течение нескольких дней оказался набит до отказа. Помывочных установок и отхожих мест хватало едва ли на треть необходимого объема. Для наведения порядка в этом кишащем муравейнике понадобились бы другие надзирательницы вместо тех немногих, которых мне выделили от Равенсбрюка[112]. Должен заранее сказать, что мне прислали оттуда далеко не лучших. В Равенсбрюке надзирательницы весьма изнежились. Для них было сделано всё, чтобы удержать их в ЖКЛ. Новых надзирательниц получали путем создания очень благоприятных условий. Их устраивали наилучшим образом, им платили деньги, которых они никогда не смогли бы заработать в другом месте. Они также не переутомлялись на службе. Одним словом, РФСС и особенно Поль [113] хотели, чтобы к надзирательницам относились с величайшим вниманием. К тому времени условия в Равенсбрюке еще были нормальными, о *пере*населенности говорить еще не приходилось. И вот теперь эти надзирательницы прибыли в Освенцим, — причем добровольно не приехала ни одна, — где они должны были работать в тяжелейших условиях. С самого начала большинство из них захотело сбежать, вернуться к спокойно-безмятежной и удобной жизни в Равенсбрюке.

Тогдашняя старшая надзирательница фрау Лангефельд еще не доросла до сложившейся ситуации, а при этом упрямо отклоняла каждое указание шутцхафтлагерфюрера. Убедившись в том, что иначе сложившееся положение не улучшить, я, не долго думая, на свой страх и риск подчинил ЖКЛ шутцхафтлагерфюреру. Едва ли один день обходился без того, чтобы количество заключенных не совпало с их списком. Надзирательницы бегали в суматохе как переполошившиеся куры и ничего не могли сделать. Три-четыре добросовестных надзирательницы сходили с ума из-за остальных. Но поскольку старшая надзирательница считала себя самостоятельной начальницей лагеря, она пожаловалась на то, что ее подчинили равному по чину. И мне пришлось фактически отменить это подчинение. Во время визита РФСС в июле 1942 я в присутствии старшей надзирательницы указал на сложившийся непорядок и заявил, что фрау Лангефельд никогда не могла и не сможет руководить женским концлагерем Освенцим и обустраивать его, и попросил впредь подчинять ее первому шутцхафтлагерфюреру. Но он отказал мне, несмотря на самые убедительные примеры непригодности старшей надзирательницы и надзирательниц вообще. Он хотел, чтобы в женском лагере начальствовала женщина, мне же следовало выделить ей в помощь офицера СС.

Но кто же из офицеров захотел бы подчиниться, так сказать, женщине? Каждый, кого мне приходилось командировать, просил меня как можно скорее вернуть обратно. Когда прибывали большие транспорты, я, если позволяло время, присутствовал на месте, чтобы управлять процессом. Так женский лагерь с самого начала оказался в руках самих узниц. И чем больше становился лагерь, тем менее он оказывался подконтрольным для надзирательниц, тем очевиднее становилось самоуправление заключенных. Поскольку в этой системе преобладали «зеленые», а также просто продувные и бессовестные личности, именно *они*, собственно, и управляли женским лагерем вопреки «красным» фигурам лагерэльтесте и прочих функционеров. «Распорядительницами» — так стали называть женщин-капо — были в основном «зеленые» или «черные». Так и стало возможным, что в женском лагере всегда господствовал самый подлый из порядков.

И старые надзирательницы были еще на голову выше тех, что пришли позже. Поскольку добровольно — несмотря на усиленную вербовку через национал-социалистические организации женщин — на службу в КЛ приходили лишь очень немногие претенденты, возраставшую с каждым днем потребность пришлось удовлетворять путем принуждения. Каждая оружейная фирма, в

распоряжение которой посылали женщин-заключенных, должна была поставить и соответствующее количество женщин-надзирательниц. Понятно, что эти фирмы отдавали не лучший материал — с учетом всеобщей нехватки пригодных работниц, что было обусловлено войной. В течение считанных недель они проходили «обучение» в Равенсбрюке, а затем их спускали на заключенных. Поскольку отбор и распределение проходили через Равенсбрюк, Освенцим снова оказывался в конце. Вполне естественно, Равенсбрюк оставлял казавшиеся лучшими кадры у себя, для службы в женских рабочих лагерях, которые там вновь создавались.

Так обстояло с надзором в ЖКЛ Освенцим. Соответственно, и моральные качества надзорсостава почти всегда были очень, очень низкими. Многие надзирательницы предстали перед судом СС за воровство во время акции Рейнхардта[114]. И это были только немногие из пойманных. Несмотря на самые страшные наказания, они продолжали воровать, продолжали использовать заключенных в качестве посредников. Вот яркий пример. Одна надзирательница дошла до того, что вступала в половые связи с мужчинами-заключенными, преимущественно с «зелеными» капо, и за это получала от них в дар драгоценности, золото и т. п. Чтобы скрыть свои фривольные действия, она вступила в связь с одним штабным офицером, у которого и прятала приношения, заработанные тяжким трудом. Этот дурак не догадывался о делишках своей возлюбленной, и был весьма удивлен, когда у него нашли эти милые вещицы. По распоряжению РФСС надзирательница была пожизненно заключена в лагерь, а также приговорена наказанию палками — два раза по 25 ударов.

Подобно гомосексуализму в мужских лагерях, в ЖЛ свирепствовала эпидемия лесбийской любви. Тут не помогали ни суровые наказания, ни отправка в штрафную команду. Мне регулярно докладывали о случаях сношений такого рода между надзирательницами и женщинами-заключенными. Все это свидетельствует об уровне надзирательниц. Совершенно очевидно, что они не относились должным образом к своим служебным обязанностям, что они были крайне ненадежны. Возможностей наказывать их за служебные проступки было крайне мало. Они даже считали поощрением домашний арест, поскольку он позволял не ходить на службу в плохую погоду. Все наказания утверждались инспектором КЛ, то есть Полем. То есть наказывать следовало как можно меньше. Все эти «шероховатости» следовало сглаживать путем увещеваний и надлежащего руководства. Надзирательницы прекрасно знали об этом и в большинстве случаев вели себя соответственно.

Я всегда относился к женщинам с огромным уважением. Но в Освенциме мне пришлось отложить свои взгляды подальше и приучиться к тому, что женщину надо сначала хорошенько узнать, прежде чем почтительно относиться к ней. Сказанное выше относится к большей части женского надзорсостава. И всё же среди них изредка встречались надежные, в высшей степени порядочные женщины. Не стоит и говорить, что им приходилось очень тяжело в такой среде, в обстановке, которая царила в Освенциме. Но уйти от этого они не могли, поскольку были военнообязанными. Не одна из них приходила со своими жалобами ко мне, а еще чаще к моей жене. Но утешить их можно было лишь тем, что война когда-нибудь кончится. Воистину слабое утешение.

Команды заключенных женского лагеря, работавшие за его пределами, охранялись с собаками. Ради сокращения количества надзирательниц собак для конвоирования внешних команд использовали уже в Равенсбрюке. Надзирательницы были вооружены пистолетами, но РФСС рассчитывал на устрашающий эффект от использования собак. Ведь обычно женщины относятся к собакам с большим почтением, тогда как мужчины обращают на них внимания меньше. В Освенциме с его массами заключенных охрана внешних команд всегда была проблематична. Сил охранных подразделений никогда не хватало. Цепи сторожевых постов помогали при охране больших рабочих площадей. Но их применению мешали постоянная смена рабочих мест, а также менявшиеся в течение дня места работы на объектах сельского хозяйства, по выемке грунта и в других местах трудоиспользования. Предполагалось всё большее использование проводников собак, ведь в распоряжении оставалось всё меньшее количество надзирательниц. Даже примерно 150 собак было недостаточно. РФСС надеялся заменить одной собакой двух охранников. Возможно, при охране женских команд это получалось из-за всеобщего страха, вызванного присутствием собак.

«Собачья рота» Освенцима состояла из самого отборного солдатского материала — в отрицательном смысле. Когда объявили о наборе добровольцев для обучения специальности проводника собаки, вызвалась половина батальона. Добровольцы надеялись на более легкую и интересную службу. Поскольку всех их принять было нельзя, роты использовали возможность и избавились таким образом от худших солдат. Пусть только кто-нибудь представит себе, что это был за народ! Среди них почти не оказалось солдат, не имевших дисциплинарных взысканий. Если бы командир роты посмотрел на этих добровольцев более

пристально, он ни в коем случае не взял бы их на обучение. Уже на курсах при учебно-испытательной станции собаководства в Ораниенбурге некоторых из них были высланы обратно как совершенно непригодные к учёбе.

Когда же обученные вернулись в Освенцим и были зачислены в своё подразделение — в «собачью роту», — стало очевидным, что же они собой представляют. Тем более на службе. Они либо играли со своими собаками, либо прятались по укромным уголкам и спали — ведь собака разбудит, если «враг» подойдёт. Либо же они развлекались с надзирательницами или с заключёнными. Большинство из них имело регулярные сношения с «зелёными» женщинами-капо. Ведь проводники собак были приписаны к ЖЛ постоянно, и им было нетрудно постоянно охранять «свою» команду. От скуки и ради развлечения они также натравливали собак на заключённых. Если их на этом ловили, они оправдывались тем, что собака сама бросилась на заключённую, непохожую на других, а они не удержали поводок и т. д. Отговориться они всегда могли. Согласно полученным инструкциям, они были обязаны ежедневно дрессировать своих собак. Подготовить новых проводников собак было трудно, и поэтому избавиться от них можно было только в том случае, если они допускали серьезные проступки — были наказаны судом СС, или плохо обращались с собакой, или недобросовестно относились к своим обязанностям. «Куратор» собак — старый полицейский, больше 25 лет занимавшийся собаководством, — часто приходил в отчаяние от поведения солдат-проводников. Но те знали, что им ничего не будет, что так просто от них не отделаешься. Другой начальник смог бы вразумить и эту банду. Но у начальства были другие, гораздо более важные задачи. Как я только не лаялся из-за «собачьей роты», сколько стычек из-за этого было у меня с командиром полка [115].

Но, по мнению Глюкса, мне следовало иметь другие представления о настоящих нуждах подразделения, а также о его командире, ставшем непригодным для лагеря, на увольнение которого он вовремя не дал согласия. Большого, большого зла можно было бы избежать, если бы Глюкс относился ко мне по-другому.

В условиях войны РФСС хотел сэкономить силы охраны путем использования механических средств — легко переносящихся проволочных заграждений, стационарных заграждений под напряжением при постоянных рабочих местах, и даже минных полей и расширенного использования собак. Комендант, который нашел бы действительно эффективные способы заменить охранников, был бы тотчас же повышен. Но из этого ничего не

получилось. Сам он всегда считал, что собак следовало использовать так, как если бы они постоянно окружали стадо овец и могли предотвратить побег. Один охранник со сворой собак смог бы таким образом надежно стеречь до сотни заключённых.

Попытки оказались безрезультатными. Люди — не скотина. Хотя собаки издалека безошибочно определяют заключённых, униформу, запах человеческой массы и т. д., хотя их научили пресекать всякие попытки приблизиться, они были и оставались всего лишь животными, не способными понять рассуждения человека. Если бы заключённые отвлекли их в одном месте, образовался бы большой участок, который можно было бы использовать для побега. Не могли собаки предотвратить и массовый побег. Нескольких заключённых они бы задержали, но при этом были бы убиты вместе со своими «поводырями».

В дальнейшем он [Гиммлер] хотел заменить собаками сторожевые вышки. Собакам следовало бегать вокруг лагеря или постоянных рабочих мест внутри двух проволочных заграждений и давать знать о приближавшихся к ним заключенных и предотвращать разрушение заграждений. Из этого тоже ничего не вышло. Они либо где-нибудь спали, либо давали себя обмануть. В зависимости от направления ветра собака вообще ничего не учуяла бы, либо ее лай не смог бы услышать часовой.

Минирование тоже оказывалось обоюдоострым оружием. Следовало точно закладывать мины и безошибочно отмечать эти места на карте минных полей, поскольку самое позднее через три месяца они становились непригодными и подлежащими замене. Но заминированную местность приходилось по разным причинам переходить. При этом заключённые могли заметить заминированные места. Глобочник приказал использовать минные поля возле мест уничтожения[116]. Но, несмотря на основательное минирование вокруг Собибора, евреи смогли совершить оттуда побег (при котором была перебита почти вся охрана), потому что они знали свободные от мин места [117].

Противостоять человеческому разуму не могут ни хитроумные устройства, ни животные. Даже двойной ряд колючей проволоки под напряжением можно, путем некоторых размышлений и обладая хладнокровием, преодолеть с помощью простейших приспособлений и в сухую погоду. Это удавалось многим. В то же время многие охранники, которые снаружи подходили к заграждениями слишком близко, оплачивали такую неосторожность собственными жизнями.

Я уже говорил во многих местах о том, в чём видел свою главную задачу: продолжение, используя все средства,

строительства всех сооружений СС, относящихся к КЛ Освенцим.

Стоило мне подумать о начале относительно спокойного периода, когда завершались начатые по приказу РФСС мероприятия и строительство в Освенциме, тут же поступали новые задания, и снова новшества оказывались крайне необходимыми. Эта вечная спешка — из-за самого РФСС, из-за трудностей, вызванных войной, из-за почти ежедневно возникавших неполадок в лагере и вообще повсюду, а также из-за непрерывного притока заключённых — заставляла меня думать только о своей работе, видеть только её. Подгоняемый этими обстоятельствами, я подгонял подчинённых, будь то эсэсовцы, штатские служащие, служебные инстанции или фирмы, или заключённые. Для меня имело ценность только одно: идти вперёд, стремиться вперёд, чтобы повсюду создавать лучшие условия и выполнить порученные дела.

РФСС требовал выполнения долга, личной самоотдачи вплоть до самоотречения. Каждый в Германии должен был отдать себя целиком, чтобы мы смогли выиграть войну. По воле РФСС КЛ использовались в производстве вооружения. Как и все остальные, я был подчинённым. *Все* предрассудки следовало отбросить. Об этом говорило то, что он сознательно игнорировал условия содержания в лагере, которые становились невыносимыми. Надо было делать оружие, всё, что этому мешало, подлежало устранению. Я не был тем, кто мог позволить себе внутренне сопротивляться этому. К нуждам заключённых я должен был относиться ещё жестче, ещё холоднее, ещё безжалостнее.

Я всё хорошо видел, порой слишком хорошо, но я ничего не мог поделать. Никакие катастрофы не могли остановить меня на этом пути. Все соображения теряли смысл ввиду конечной цели: мы должны выиграть войну. Такой виделась мне тогда моя задача. Отправиться на фронт я не мог, ради фронта я должен был делать на родине самые страшные вещи. Сегодня я вижу, что моя спешка и стремление двигаться вперёд тоже не помогли бы выиграть войну. Но тогда я твердо верил в возможность достижения конечной цели, и считал, что ради этого должен работать без передышек.

По воле РФСС Освенцим стал величайшей фабрикой смерти всех времён. Когда летом 1941 он лично отдал мне приказ подготовить в Освенциме место для массовых уничтожений и провести такое уничтожение [118], я не имел ни малейшего представления об их масштабах и последствиях. Пожалуй, этот приказ содержал в себе нечто необычное, нечто чудовищное. Но мотивы такого приказа казались мне *правильными*. Я тогда не рассуждал — мне был отдан приказ — я должен был его

выполнять. Было необходимым это массовое уничтожение евреев или нет, я рассуждать не мог, для этого тогда ещё не пришло время. Раз сам фюрер распорядился об «окончательном решении еврейского вопроса», старые национал-социалисты не смели раздумывать, тем более офицеры СС. «Фюрер приказал, мы исполняем» — это ни в коем случае не было для нас фразой, поговоркой. Принимать это изречение приходилось на полном серьёзе. С момента моего ареста мне постоянного говорят, что я мог уклониться от исполнения этого приказа, что я мог бы пристрелить Гиммлера.

Не думаю, что хотя бы одному из тысяч офицеров СС могла прийти в голову такая мысль. Это было бы попросту невозможно. Конечно, многих эсэсовцев раздражали приказы рейхсфюрера, они ругались, но исполняли каждый из них. РФСС причинил много страданий многим офицерам СС, но я твёрдо верю, что ни один из них не решился бы не только посягнуть на него, но даже втайне подумать об этом. Его личность в должности рейхсфюрера СС была неприкосновенной. Его приказы от имени фюрера были священны. Их нельзя было обдумывать, обсуждать, толковать. Их следовало выполнять с предельным упорством, вплоть до принесения в жертву собственной жизни, что сделали во время войны многие офицеры СС.

Не зря в школах СС японцев брали в качестве яркого примера самопожертвования ради государства, ради императора, который был их богом. А ведь такое обучение не проходило для офицеров СС бесследно, как проходят университетские лекции. Эта выучка сидела в них глубоко, и РФСС хорошо знал, чего он может потребовать от своих Охранных Отрядов. Со стороны невозможно понять, что не было эсэсовца, который промедлил бы с выполнением приказа рейхсфюрера или же не выполнил приказ потому, что он жесток. То, что приказал фюрер или его ближайший соратник, т. е. РФСС, было правильным *всегда*. Даже демократическая Англия имеет собственный государственный принцип: «right or wrong — my country!», которого придерживается каждый национально ориентированный англичанин [119].

Но до того, как началось массовое уничтожение евреев, почти во всех КЛ в 1941/1942 ликвидировали русских политруков и политкомиссаров. Согласно тайному распоряжению фюрера[120], особые команды гестапо разыскивали во всех лагерях для военнопленных русских политруков и политкомиссаров. Выявленных доставляли для ликвидации в ближайшие КЛ. Для того, чтобы обосновать эту акцию, говорили, что русские немедленно уничтожают каждого немецкого солдата — члена

партии, а особенно членов СС, и что политические функционеры Красной Армии, оказавшись в плену, обязаны во всех лагерях для военнопленных и на производствах поддерживать беспорядки в любой форме, в том числе саботаж.

Найденные таким образом функционеры Красной Армии поступали для ликвидации и в Освенцим. Первые небольшие транспорты были расстреляны исполнительной командой охраны. Во время моей командировки мой заместитель, шутцхафтлагерфюрер Фрицш[121] использовал для убийства газ. Препарат синильной кислоты «Циклон Б» давно использовался в лагере для уничтожения насекомых и запасы его имелись. После моего возвращения он доложил мне об этом, и при поступлении следующего транспорта газ снова был использован.

Удушение газом проводилось в штрафных изоляторах блока 11. Я сам наблюдал за убийством, надев противогаз. Смерть в переполненных камерах наступала тотчас же после вбрасывания. Краткий, сдавленный крик — и всё кончалось. Первое удушение людей газом не сразу дошло до моего сознания, возможно, я был слишком сильно впечатлен всем процессом. Более глубокий след в моей памяти оставило происшедшее вскоре после этого удушение 900 русских в старом крематории, поскольку использование блока 11 требовало соблюдения слишком многих условий. Во время разгрузки были просто сделаны многочисленные дыры в земле и в бетонной крыше морга. Русские должны были раздеться в прихожей, а затем они совершенно спокойно шли в морг, ведь им сказали, что у них будут уничтожать вшей. В морге поместился как раз весь транспорт. Двери закрыли, и газ был всыпан через отверстия. Как долго продолжалось убийство, я не знаю. Но долгое время ещё был слышен шум. При вбрасывании некоторые крикнули: «Газ», раздался громкий рёв, а в обе двери изнутри стали ломиться. Но они выдержали натиск.

Лишь спустя несколько часов двери открыли и помещение проветрили. Тут я впервые увидел массу удушенных газом. Меня охватило неприятное чувство, даже ужас, хотя смерть от газа я представлял более страшной. Снова и снова я представлял муки удушаемых. Впрочем, трупы не имели каких-либо следов судорог. Как объяснили мне врачи, синильная кислота парализует лёгкие, но её действие было настолько быстрым и сильным, что это не вызвало проявлений удушья, как это бывает при удушении, например, светильным газом или путём лишения воздуха. Об убийстве самих русских военнопленных я тогда не думал. Мне приказали, я должен был выполнить приказ. Должен признаться, что меня это удушение газом успокоило, поскольку вскоре

предвиделось начало массового уничтожения евреев, но ни Эйхман[122] ни я не имели представления о способах убийства ожидавшихся масс. Наверное, с помощью газа, но как его использовать, и какого именно газа? А теперь мы открыли и газ, и способ.

Я всегда боялся расстрелов, когда думал о массах, о женщинах и детях. Я уже отдал много приказов об экзекуциях, о групповых расстрелах, исходивших от РФСС или РСХА. Но теперь я успокоился: все мы будем избавлены от кровавых бань, да и жертвы до последнего момента будут испытывать щадящее обращение. Как раз это беспокоило меня больше всего, когда я вспоминал рассказы Эйхмана про скашивание евреев из MG и MP силами айнзацкоманд [123], При этом разыгрывались ужасные сцены: попытки подстреленных убежать, убийства раненых, прежде всего женщин и детей. Часто члены айнзацкоманд совершали самоубийства, не имея больше сил купаться в крови. Большинство солдат этих айнзацкоманд старались отвлечься от своей жуткой работы с помощью алкоголя. Согласно рассказам Хёфле[124], люди Глобочника, служившие в местах ликвидаций, поглощали множество алкоголя.

Весной 1942 из Верхней Силезии[125] пришел первый транспорт с евреями, которые были полностью уничтожены. От рампы их через луга, на которых позднее был размещен строительный участок II, провели на крестьянский двор к бункеру I[126]. Аумайер, Палич и несколько блокфюреров сопровождали их и вели с ними как можно более простодушные беседы, спрашивали их о профессии и образовании, чтобы их обмануть. Когда их привели на двор, им пришлось раздеться. Они так же беспечно пошли к зданиям, где их должны были продезинфицировать. Тут некоторые насторожились и заговорили об удушении, уничтожении. Беспокойство начало перерастать в панику. Однако тех, которые еще оставались снаружи, быстро загнали в камеры и завинтили [двери]. Впредь, начиная со следующего транспорта, беспокойных субъектов определяли и не спускали с них глаз. Если люди начинали волноваться, паникёров незаметно отводили за дом и там убивали при помощи мелкокалиберной винтовки, выстрел из которой другие услышать не могли. Присутствие зондеркоманды и ее спокойное поведение успокаивало беспокойных и мнительных. Для этого несколько человек из зондеркоманды входили со всеми в помещение и вплоть до последнего момента оставались внутри, так же до конца стоял в дверях и эсэсовец. Самым важным было соблюдать величайшее спокойствие во время захода в камеру и раздевания. Только без криков, только без спешки. Если кто-то не хотел

раздеваться, ему помогали уже раздетые или кто-нибудь из зондеркоманды. Упрямцев уговаривали и раздевали. Заключённые из зондеркоманды заботились также о том, чтобы процесс раздевания проходил быстрее и у жертв не оставалось времени для размышлений. Вообще усердное содействие зондеркоманды при раздевании и вводе в газовую камеру было уникальным. Никогда я не видел сам и не слышал о том, чтобы они хоть что-нибудь сказали жертвам о предстоявшем. Напротив, они делали всё, чтобы обмануть их, и прежде всего успокоить подозрительных. Если те не верили эсэсовцам, то братьям по расе (по соображениям взаимопонимания и успокоения зондеркоманда всегда составлялась из евреев как раз тех стран, в которых совершалась акция) они верили. Они расспрашивали о жизни в лагере, осведомлялись о знакомых или родственниках, прибывших раньше. Интересно, как врали им при этом заключённые зондеркоманды, какими убедительными минами и ужимками подкрепляли они сказанное. Многие женщины прятали своих младенцев в кучах одежды. Члены зондеркоманды почтительно обращались к женщинам и уговаривали их до тех пор, пока те не забирали детей. Женщины думали, что дезинфекция повредит детям, поэтому они их и прятали. От необычной обстановки маленькие дети при раздевании часто плакали, но матери или кто-нибудь из зондеркоманды успокаивали их, и дети играя, с игрушками в руках и поддразнивая друг друга, шли в камеру. Я видел также, что женщины, которые знали или догадывались о том, что их ждёт, пытались преодолеть выражение смертельного ужаса в своих глазах и шутили со своими детьми, успокаивали их. Как-то раз одна женщина приблизилась ко мне во время шествия в камеру и прошептала мне, показывая на четверых детей, которые послушно держались за руки, поддерживая самого маленького, чтобы он не споткнулся на неровной земле: «Как же вы сможете убить этих прекрасных, милых детей? Неужели у вас нет сердца?» А один старик по пути в камеру прошептал мне: «Германия жестоко поплатится за это массовое убийство евреев». При этом его глаза пылали ненавистью. Затем он отважно вошел в газовую камеру, не обращая внимания на других. Мне вспоминается одна молодая женщина, которая усердно помогала раздеваться маленьким детям и старухам, быстро переходя от одного человека к другому. При сортировке у нее было двое маленьких детей, она запомнилась мне тогда своей оживленной вознёй и внешностью. Она совершенно не была похожа на еврейку. Сейчас детей у неё уже не было. Она до конца оставалась среди еще не раздевшихся женщин с детьми, ласково говорила с ними, успокаивала детей. В

камеру она вошла с последними людьми. В дверях она остановилась и сказала: «Я с самого начала знала, что в Освенцим нас везут, чтобы задушить газом, я отошла при сортировке от пригодных к работе и взяла с собой двух детей. Я хотела всё это увидеть и пережить. Надеюсь, это произойдёт быстро. Будьте здоровы!»

Иногда случалось, что во время раздевания женщины вдруг начинали пронзительно кричать, рвать на себе волосы и вести себя как безумные. Их быстро уводили наружу и там, за углом, убивали выстрелом в затылок из мелкокалиберной винтовки. Бывало также, что в тот момент, когда зондеркоманда уходила из помещения и женщины понимали, что сейчас произойдёт, они выкрикивали нам все мыслимые проклятия. Мне пришлось пережить сцену, при которой одна женщина хотела вытолкнуть из закрывающихся дверей своих детей и с плачем прокричала: «Оставьте в живых хотя бы моих любимых детей». Таких душераздирающих сцен, которые не оставляли спокойными никого из присутствующих, было множество. Весной 1942 сотни цветущих, ничего не подозревавших людей прошли под цветущими фруктовыми деревьями крестьянской усадьбы, чтобы умереть в газовой камере. Эта картина расцвета и ухода в небытие и сейчас как будто стоит перед моими глазами. Уже в ходе сортировки на рампе бывало много инцидентов. Из-за того, что разделялись семьи, из-за отделения мужчин от женщин и детей приходил в сильное волнение весь транспорт. Дальнейший отбор трудоспособных усиливал эту сумятицу. Ведь члены семьи хотели остаться вместе в любом случае. Отобранные уходили обратно, к своим семьям, либо матери с детьми пытались пробраться к своим мужьям или к старшим, отобранным для работы, детям. Часто поднимался такой переполох, что сортировку приходилось делать заново. Теснота имевшихся помещений не способствовала мероприятиям по разделению. Все попытки успокоить взволнованную человеческую массу оказывались бесполезными. Часто приходилось восстанавливать порядок силой. Как я уже не раз говорил, у евреев очень развиты семейные чувства. Они пристают друг к другу как репейник. Однако по моим наблюдениям, им не хватает сплочённости. В ситуациях, когда, казалось бы, один должен защитить другого. Напротив, я часто видел сам и слышал о том, что евреи, особенно с Запада, сообщали места жительства спрятавшихся соплеменников. Как-то раз одна женщина, обращаясь к унтерфюреру, прокричала из газовой камеры еще один адрес еврейской семьи. Один прилично одетый, корректно державшийся мужчина во время раздевания дал мне записку, на

которой были перечислены адреса голландских семей, прятавших у себя евреев. Что заставляло этих евреев вести себя так, я не понимаю. Делали они это из личной мести, или просто не хотели, чтобы другие продолжали жить? Ведь таким же своеобразным было и всё поведение заключённых зондеркоманды. Ведь все они совершенно точно знали, что по окончании акций их постигнет та же судьба, что и тысячи их товарищей по расе, уничтожению которых они оказали немалое содействие. И всё же они проявляли усердие, которое меня всегда изумляло. Они не только никогда не говорили жертвам о предстоявшем и заботливо помогали им раздеваться, но даже применяли силу против упрямцев. И даже уводить беспокойных и удерживать их при расстреле они тоже помогали. Они так вели жертв, что те не могли увидеть унтерфюрера с ружьём, стоявшего наготове, и тот мог незаметно приставить ружьё к затылку. Так же они обращались с больными и немощными, которых нельзя было доставить в газовую камеру. Всё это они делали так естественно, как если бы сами были из числа уничтожавшихся. То же самое относится к вытаскиванию трупов из камер, удалению золотых зубов, стрижке волос, доставке к ямам или к печам. То же самое — при поддержке огня в ямах, переливании собранного жира, шевелении в пылающих горах трупов для обеспечения доступа воздуха. Все эти работы они выполняли равнодушно и тупо, как будто это было чем-то повседневным. При выволакивании трупов они ели или курили. Они не переставали есть даже во время такой страшной работы, как сжигание трупов, долго пролежавших в общей могиле. Часто евреи из зондеркоманды находили среди трупов тела близких родственников или встречали их, когда те шли в камеры. Конечно, их это задевало за живое, но никаких инцидентов при этом никогда не было. Один из таких случаев я пережил сам. Вытаскивая из камеры труп, один из заключённых зондеркоманды вдруг замер, как заколдованный, но затем тут же вместе с товарищем потащил труп дальше. Я спросил капо, что случилось. Тот узнал, что насторожившийся еврей увидел среди трупов свою жену. Я наблюдал за ним ещё некоторое время, но ничего необычного в нём не заметил. Он продолжал таскать трупы, как и прежде. Некоторое время спустя я снова подошел к зондеркоманде. Тот сидел и ел вместе с другими так, как если бы ничего не произошло. Смог ли он скрыть своё волнение, или действительно стал слишком бесчувственным, чтобы воспринимать такие события? Что давало евреям зондеркоманды силы для выполнения этой жуткой работы днём и ночью? Может быть, они надеялись на случай, который поможет им избежать смерти? Или из-за всех этих ужасов они стали слишком тупыми

или слабыми, чтобы покончить с собой и уйти от такого «существования»? Я на них насмотрелся в буквальном смысле этого слова, но так и не смог постичь их поведения[127]. Жизнь и смерть евреев в самом деле загадали мне множество загадок, которые я так и не смог разгадать. Все эти происшествия, эти случаи, которые я здесь описываю, и которые я мог бы перечислять до бесконечности, — всего лишь фрагменты процесса уничтожения, его эпизоды. Те, кто были причастны к этому процессу со всеми сопутствующими ему явлениями, не могли всего лишь принять их к сведению. Всех, кто имел отношение к этой чудовищной «работе», приставленных к этой «службе», а также меня самого, эти процессы заставляли крепко задуматься, оставляли в душах глубокие следы. Большинство причастных во время моих обходов мест уничтожения зачастую подходили ко мне, чтобы поделиться своим угнетённым состоянием и успокоиться тем, что я мог бы им сказать. В их доверительных рассказах я постоянно слышал вопросы: «В самом ли деле необходимо то, что мы должны делать? В самом ли деле нужно уничтожать сотни тысяч женщин и детей?» И я, бесчисленное количество раз задававший себе те же вопросы, был вынужден отделываться от них приказом фюрера и тем утешать их. Мне приходилось говорить им, что еврейство надо уничтожить во имя Германии, с тем, чтобы навсегда избавить наших потомков от заклятых врагов.

Разумеется, для всех нас приказы фюрера подлежали неукоснительному исполнению, тем более для СС. И всё же каждого терзали сомнения. Сам я ни в коем случае не смел обнаруживать свои сомнения. Чтобы поддержать психическую стойкость сослуживцев, мне при исполнении этого чудовищно жестокого приказа приходилось вести себя так, как будто я был сделан из камня. Все смотрели на меня: какое впечатление производят на меня сцены, подобные описанным выше? Как я на них реагирую? Сверх того я убедился в том, что каждое моё слово подробно обсуждается. Мне приходилось изо всех сил держать себя в руках, чтобы не проявить волнение и подавленность от того, что я переживал. Я должен был выглядеть хладнокровным и бессердечным при сценах, от которых щемило сердца у всех, сохранивших способность чувствовать. Я даже не мог отвернуться, когда меня охватывали слишком человеческие порывы. Мне приходилось внешне спокойно наблюдать за тем, как в газовую камеру шли матери со смеющимися или плачущими детьми.

Однажды два маленьких ребёнка так заигрались, что мать не могла оторвать их от игры. Взяться за этих детей не захотели даже евреи из зондеркоманды. Никогда не забуду умоляющий

взгляд матери, которая знала о том, что произойдёт дальше. Уже находившиеся в камере начали волноваться. Я должен был действовать. Все смотрели на меня. Я сделал знак дежурному унтерфюреру и он взял упиравшихся детей на руки, затолкал их в камеру вместе с душераздирающе рыдавшей матерью. Мне тогда хотелось от жалости провалиться сквозь землю, но я не смел проявлять свои чувства. Я должен был спокойно смотреть на всё эти сцены. Днями и ночами я должен был видеть самую суть процесса, наблюдать за сожжением трупов, за вырыванием зубов, за отрезанием волос, бесконечно смотреть на все ужасы. Мне приходилось часами выносить ужасающую, невыносимую вонь при раскапывании массовых могил и сожжении разложившихся трупов. Я должен был наблюдать в глазок газовой камеры за ужасами смерти, потому что на этом настаивали врачи. Мне приходилось всё это делать, потому что на меня все смотрели, потому что я должен был всем показывать, что я не только отдаю приказы и делаю распоряжения, но готов и сам делать всё, к чему принуждаю своих подчинённых.

РФСС посылал в Освенцим разных функционеров партии и СС, чтобы они сами увидели, как уничтожают евреев. Все при этом получали глубокие впечатления. Некоторые из тех, кто прежде разглагольствовали о необходимости такого уничтожения, при виде «окончательного решения еврейского вопроса» теряли дар речи. Меня постоянно спрашивали, как я и мои люди могут быть свидетелями *такого*, как мы всё это способны выносить. На это я всегда отвечал, что все человеческие порывы должны подавляться и уступать место железной решимости, с который следует выполнять приказы фюрера. Каждый из этих господ заявлял, что не желал бы получить такое задание.

Даже бесчувственные Мильднер[128] и Эйхман не захотели бы поменяться со мной местами. *Такому* заданию не завидовал никто. Я много раз и подробно обсуждал с Эйхманом всё, что было связано с окончательным решением еврейского вопроса, никак не выдавая при этом своих внутренних страданий. Я всеми способами пытался выявить в Эйхмане его внутреннее, подлинное мнение об этом «окончательном решении». Но даже во время наших продолжительных попоек наедине друг с другом он оставался одержимым сторонником тотального уничтожения всех евреев, до которых можно было добраться. Нам следовало осуществлять уничтожение хладнокровно, без жалости и как можно быстрее. Малейшее промедление при этом позднее будет жестоко отомщено. Ввиду такой железной решимости мне приходилось прятать свои человеческие сомнения. Да, я должен признаться, что мои гуманные порывы казались мне — после

таких бесед с Эйхманом — чуть ли не предательством фюрера. У меня не было выхода из душевного разлада. Я должен был продолжать процесс уничтожения, продолжать массовые убийства, продолжать хладнокровное наблюдение за тем, что внутренне меня глубоко волновало. Я должен был спокойно относиться ко всем происшествиям. Но даже самые мелкие события, которые, возможно, до другого и не дошли бы, уходили из моих мыслей не так-то просто. В Освенциме я воистину не смог бы пожаловаться на скуку. Если какое-нибудь событие приводило меня в смятение, мне нельзя было пойти домой, к своей семье. Тогда я садился на лошадь и на скаку избавлялся от жутких картин. Нередко я приходил ночью в конюшню и там, среди своих любимцев, находил успокоение. Часто случалось, что дома мне вдруг вспоминалась какая-нибудь сцена из процесса уничтожения. Тогда мне надо было выйти. Я больше не мог оставаться в уютном кругу своей семьи. Часто, когда я видел наших самозабвенно игравших детей, или переполненную счастьем жену с малышом, мне приходила в голову мысль: долго ли продлится ваше счастье? Жена не могла объяснить моё мрачное настроение, считала, что оно вызвано работой. Когда по ночам я находился возле прибывшего транспорта, возле газовых камер, возле огня, я старался думать о жене и детях, никак не связывая их с процессом ликвидации. Женатые, находившиеся возле крематория, или дежурившие у газовых камер, часто говорили мне [о том же самом]. При виде детей с женщинами, шагавших к газовой камере, я невольно думал о собственной семье. С начала массовых ликвидаций в Освенциме я не бывал счастлив. Я был недоволен самим собой. А тут ещё главное задание, бесконечная работа, и сотрудники, на которых нельзя было положиться. Да ещё начальство, которое не понимало меня и не желало меня выслушивать. Воистину безрадостное и тягостное положение. И при этом все в Освенциме считали, что у коменданта прекрасная жизнь.

Да, моей семье жилось в Освенциме хорошо. Каждое желание, возникавшее у моей жены, у моих детей, исполнялось. Дети могли жить свободно и безмятежно. У жены был настоящий цветочный рай. Заключённые делали всё, чтобы сделать приятное моей жене и детям, чтобы оказать им любезность. Ни один из бывших заключённых не сможет сказать, что в нашем доме с ним плохо обошлись. Скорее, моя жена могла что-нибудь подарить тому заключённому, который у нас работал. Дети постоянно выпрашивали у меня сигареты для заключённых. Особенно дети были привязаны к садовникам. Вся семья отличалась любовью к сельскому хозяйству и особенно ко всяким животным. Каждое

воскресенье я вместе с семьёй объезжал поля, обходил стойла для животных, не исключая и псарни. Две наши лошади и жеребёнок пользовались особой любовью. В саду у детей всегда водились какие-нибудь зверьки, которых им вечно приносили заключённые. То черепахи, то куницы, то кошки, то ящерицы — всегда в саду было что-нибудь новое, интересное. Летом дети плескались в бассейне в саду, или в Соле[129]. Самой большой радостью для них было плескаться вместе со своим папочкой. Но у меня было слишком мало времени, чтобы разделять детские радости. Сегодня я горько сожалею о том, что у меня не оставалось много времени для своей семьи. Ведь я всегда считал, что должен постоянно находиться на службе. Это преувеличенное чувство долга делало мою жизнь ещё более тяжелой, чем была она тяжела сама по себе. Жена постоянно говорила мне: не думай всё время о службе, думай и о своей семье тоже. Но что знала моя жена о вещах, которые меня угнетали? Она никогда о них не слышала.

9. Начальник службы в инспекции концентрационных лагерей (ноябрь 1943 — май 1945)

Когда в Освенцим пришло предложение Поля[130], мне пришлось выбирать: стать комендантом Заксенхаузена или начальником службы D-I[131]. То, что Поль предоставил офицеру возможность выбора, было само по себе необычно — он дал мне 24 часа на размышления. Но это было только благосклонным жестом, которым он — как ему казалось — вознаграждал меня за сдачу Освенцима. В первый момент расставание оказалось для меня болезненным — как раз из-за былых тягот, из-за неполадок, из-за множества трудных задач, решая которые, я сросся с Освенцимом. Но затем я обрадовался тому, что освобождаюсь от всего этого. Снова получить лагерь я ни в коем случае не хотел. С меня поистине было достаточно — после девяти лет работы в лагере вообще и после трёх с половиной лет Освенцима. Так я выбрал руководство отделом D I. Впрочем, ничего другого мне не оставалось. Отправиться на фронт я не мог, в этом РФСС мне дважды наотрез отказал.

Вообще-то канцелярская работа мне не нравилась[132], но Поль сказал мне, что я должен организовать службу так, как считаю правильным. При моём вступлении в должность 1.XII.1943 Глюкс также предоставил мне полную свободу действий. Глюкс не был доволен моим выбором — я, как назло, оказался в его окружении. Но он подчинился необходимости, потому что этого хотел Поль. Я же видел в своей работе — если не хочу сделать из неё милое, спокойное занятие, — следующее: прежде всего помочь комендантам увидеть из лагерей все задачи моей службы. То есть сделать прямо противоположное тому, что было обычным в работе D-I[133]. А установив постоянные контакты с лагерями, осмотрев всё самостоятельно, получить возможность верно судить о трудностях и неполадках, чтобы проводить из высокой инстанции в жизнь то, что было возможно. Из своего кабинета я мог судить о развитии лагерей и получать о них представление только на основании хранившихся тут дел, приказов и переписки — с тех пор, как Айке стал инспектором. Многие лагеря я никогда не осматривал лично.

В службе D-I регистрировалась вся переписка ИКЛ [Инспекции концентрационных лагерей] с лагерями за исключением дел, связанных только с вопросами трудоиспользования, санитарии или управления. Таким образом, из неё можно было сделать обзор всех лагерей, но не больше того. Что происходило в лагерях, как они на самом деле выглядят, из

переписки, из дел видно не было. Чтобы увидеть это, надо было самому пройтись по лагерям. И я хотел этого. Мне приходилось много ездить. Чаще всего по желанию Поля, который видел во мне специалиста по внутренним процессам лагерей. Я видел, что происходит в лагерях на самом деле, видел скрытые изъяны и недостатки. Многие из них я смог устранить вместе со службой D-II — ведь её руководитель Маурер[134] был представителем Глюкса и сам являлся инспектором. Но в 1944 изменить можно было уже немногое. Лагеря всё больше переполнялись сопутствующими явлениями. Хотя Освенцим поставлял десятки тысяч евреев для новых проектов вооружения, выполнялись они кое-как. Сработанные на скорую руку, в огромной спешке, путём преодоления невероятных препятствий, эти чуть ли не примитивные сооружения представляли собой — в точном соответствии с установленными нормативами государственных заказов в области строительства — безотрадную картину. Добавим к этому тяжёлую, непривычную работу и всё более скудное питание. Если бы заключённых Освенцима сразу отводили в газовые камеры, их избавили бы от многих мучений. Не сделав ничего существенного, не сделав зачастую для создания оружия вообще ничего, они вскоре умирали. Об этом я в своих докладах говорил неоднократно, но давление РФСС под лозунгом «Больше заключённых для вооружения» было сильнее. Он упивался возраставшими день ото дня цифрами трудоиспользования заключённых. Однако на показатели смертности он не обращал внимания. В прежние годы возраставшая смертность приводила его в бешенство. Теперь он об этом уже вообще ничего не говорил.

Если бы по моему, не раз изложенному мнению, в Освенциме отбирали только самых здоровых и сильных евреев, можно было бы доложить о меньшем количестве работоспособных, но действительно полезных в таком случае заключённых. А так на бумаге значились большие цифры, но на самом деле из них надо было вычитать большие проценты. Они только обременяли лагерь, отбирали у работоспособных места и еду, ни на что не были годны. Напротив, они даже в силу своего наличия делали работоспособных неработоспособными. Конечный результат можно вычислить без счетовода. Впрочем, об этом я уже много рассказал[135] и довольно подробно описал в рассказах об отдельных персонах [136].

В силу своей служебной деятельности я вступил в более близкие и непосредственные контакты с Управлением имперской безопасности. Я познакомился со всеми отделами и компетентными руководителями, имевшими дело с КЛ. Узнал я

также и об отношении РСХА к задачам, которые выполнялись в КЛ. О шефе IV отдела я подробно написал[137]; его взгляды я так толком и не понял, поскольку он прятался за рейхсфюрера. Отдел превентивных заключений IV-b[138] действовал ещё по старым довоенным принципам. Много времени он отдавал войне на бумаге. На требования военного времени там обращали мало внимания, иначе с должностей смещали бы чаще. Арест в начале войны функционеров вражеских партий не принёс, на мой взгляд, должных результатов. Вместо этого государство получило ещё больше противников. Ненадёжные элементы могли бы быть схвачены заранее, для этого хватало времени до начала войны. Но отдел превентивных заключений руководствовался сообщениями инстанций, дающих указания. Я довольно часто дрался с этим отделом вместо того, чтобы поддерживать хорошие товарищеские отношения с его руководителем.

Отдел западных и северных областей, включая особых заключенных, был очень обидчив, поскольку Запад и Север находились под особым наблюдением РФСС. С ними приходилось вести себя очень осторожно. К *этим* заключённым следовало проявлять особое внимание, трудоиспользовать их по возможности на лёгких работах и тому подобное. В отделе восточных областей всё обстояло иначе. *Их* заключённые представляли собой главный — за исключением евреев — контингент всех лагерей. Поэтому им в первую очередь приходилось отвечать за массовые работы, особенно за вооружение. Исполнительные приказы были поставлены на конвейер. Сегодня я вижу точнее. В РСХА мои просьбы об устранении неполадок в Освенциме путем приостановления доставок клали под сукно, потому что на Польшу не обращали внимания или же не хотели с этим возиться. Главное, чтобы можно было проводить акции полиции безопасности. А что потом станет с заключёнными, РСХА не волновало, потому что РСХА вообще не придавало этому большого значения. Еврейский отдел — Эйхман/Гюнтер[139] — был предельно ясен. Согласно приказу РФСС, отданному летом 1941, всех евреев следовало ликвидировать. РСХА сильно сомневалось в целесообразности приказа РФСС, который по предложению Поля распорядился об отборе работоспособных. РСХА всегда выступало за тотальное уничтожение евреев. В каждом новом рабочем лагере, в каждой тысяче признанных работоспособными оно видело опасность их освобождения, сохранения им жизней в силу каких-нибудь обстоятельств. Никакая инстанция не была заинтересована в увеличении смертности евреев больше, чем еврейский отдел РСХА. Поль, напротив, имел поручение РФСС привлекать к работе

над созданием вооружения как можно *больше* заключённых. Поэтому он старался сохранить как можно больше заключённых, то есть по возможности большее количество работоспособных евреев из прибывших для ликвидации транспортов. Он придавал также большое значение сохранению рабочей силы, хотя это у него не очень получалось. Таким образом, РСХА и ВФХА придерживались противоположных точек зрения. Поль казался сильнее, ведь за ним стоял РФСС, который дал фюреру обещание и теперь всё более настоятельно требовал заключённых для создания оружия. Но с другой стороны и РФСС хотел, чтобы евреев уничтожали по возможности больше. С 1941, когда Поль взял на себя концлагеря, они были включены в программу вооружения РФСС. Чем ожесточённее становилась война, тем решительнее РФСС требовал трудоиспользования заключённых. Но основную массу заключённых составляли восточники, а позже евреи. Они были главным образом принесены в жертву вооружению. КЛ находились между РСХА и ВФХА. РСХА доставляло заключённых, имея конечной целью их уничтожение всё равно каким способом: либо через немедленную экзекуцию в газовых камерах, либо в результате постепенного вымирания вследствие эпидемий (вызванных невыносимыми условиями содержания в КЛ, которые сознательно не улучшали). ВФХА хотело сохранить заключённых для вооружения. Но поскольку Поль был сбит с толку постоянно повышавшимися со стороны РФСС нормами количества трудоиспользуемых, он неумышленно содействовал РСХА — тем, что под нажимом РФСС, который требовал достижения указанных норм, тысячам трудоиспользуемых заключённых приходилось умирать. Потому что практически все необходимые условия для жизни таких масс заключённых отсутствовали. Хотя тогда я догадывался об этой взаимосвязи, я не мог и не хотел признавать её истинной. Но сегодня я вижу картину лучше. Такими и никакими иными были подлинные причины, огромные тени которых стояли за КЛ.

Концентрационные лагеря были задуманы, отчасти также непреднамеренно, для их превращения в места уничтожения огромных масс. От РСХА комендантам передавали обширные информационные сводки о русских концентрационных лагерях. От бежавших из них узников становилось известно всё до мельчайших подробностей об организации этих лагерей и положении в них. Особенно подчеркивалось при этом, что путём организации огромных принудительных работ русские уничтожали целые народности. Если, к примеру, при строительстве канала до конца расходовались заключённые лагеря, вновь создавались новые тысячи кулаков или других

ненадёжных элементов, которые спустя некоторое время также полностью расходовались.

Намеревались ли таким способом постепенно подготовить комендантов к выполнению новых заданий или сделать их невосприимчивыми к условиям, которые тихо созревали в лагерях? Будучи шефом D I, я среди прочего проверял различные КЛ, а ещё больше РЛ [рабочие лагеря]. Эти проверки всегда были неприятны для комендантов. Я производил также увольнения от должности и новые назначения, например, в Берген-Бельзене. Прежде инспекция совершенно не занималась этим лагерем. Его устроили для РСХА, чтобы содержать в нём так называемых деликатных евреев, и он был задуман как временный[140]. Комендант штурмбанфюрер Хаас, мрачный тёмный человек, распоряжался там как хотел. Хотя некоторое время (1939) Хаас пробыл на должности шутцхафтлагерфюрера в Заксенхаузене, он всё же пришел из всеобщих СС и имел слабые представления о КЛ. В Берген-Бельзене он не стал ничего перестраивать, не стал менять мрачных гигиенических условий в этом бывшем лагере для военнопленных, полученном от вермахта, он просто не стал утруждать себя этим. Осенью 1944 его пришлось снимать потому, что он стал совершенно неприемлемым из-за халатного отношения к делу и из-за его историй с женщинами. Я снял Хасса и назначил на его место Крамера, который до того был комендантом Освенцима-II[141]. Лагерь представлял собой безотрадное зрелище. Жилые и хозяйственные постройки, бараки находились в полном запустении. Гигиенические условия были гораздо хуже, чем в Освенциме.

Но до конца 1944 было сделано не так уж много конструктивного, хотя я добыл у Каммлера[142] толкового начальника строительства. Приходилось то импровизировать, то ставить заплатки. И всё же Крамер не мог искупить все грехи Хааса, хотя и прикладывал к этому большие усилия. Когда произошла эвакуация Освенцима и большая часть его заключённых прибыла в Берген-Бельзен[143], лагерь мгновенно переполнился и пришёл в такое состояние, которое я сам, уже ко всему привыкший в Освенциме, должен назвать ужасным. Крамер был бессилен что-либо исправить. Даже Поль был потрясён, увидев это во время нашей экстренной, предпринятой по приказу РФСС, поездки по всем лагерям[144].

Чтобы навести порядок, он тут же отобрал у вермахта соседний лагерь, но тот был не в лучшем состоянии. Это касалось даже воды — сточные воды, несмотря на сыпной тиф, просто уходили на соседнюю территорию. Для расселения начали тут же строить землянки. Но всего этого было слишком мало, и взялись

за это слишком поздно. Несколько недель спустя подошли ещё и заключённые из Миттельбау [145] Ничего удивительного, что англичане нашли лишь смерть, умирающих, эпидемию и совсем немного здоровых заключённых, а весь лагерь — в состоянии, хуже которого нельзя было представить[146]. Война и, прежде всего, воздушные налёты сказывались на всех лагерях всё сильнее. Неизбежные ограничения усугубляли общую ситуацию. Спешно возводившиеся строения рабочих лагерей при важнейших оружейных объектах страдали от этого больше всего. Воздушные налёты на эти объекты вызывали бесчисленные жертвы среди заключённых. Хотя союзники и не бомбили сами КЛ, — места превентивного заключения, — на всех главных предприятиях по производству оружия трудоиспользовались заключённые. Там они погибали наравне с гражданским населением. С начала усиленных бомбардировок 1944 года не проходило ни дня, чтобы из лагерей не поступали сообщения о потерях в результате воздушных налётов. Конечно, я не могу даже приблизительно назвать общее число погибших. Но они исчислялись тысячами. Я сам пережил множество бомбардировок — как правило, не в надёжном убежище, нет, я переживал их на заводах, где находились заключённые. Я видел, как держались заключённые, как охранники и заключённые, сидевшие рядом в одном укрытии, рядом и погибали, как заключённые вытаскивали оттуда раненных охранников. При таких яростных налётах исчезало всё — уже не было ни охранников, ни охраняемых, были только люди, пытавшиеся спастись под градом бомб. Сам я из бесчисленных бомбардировок вышел без ранений, хотя контузило меня не раз. Я пережил бомбардировки в Гамбурге, Дрездене, а в Берлине испытывал их постоянно. В Вене меня от смерти спасла только случайность. Во время своих командировок я переживал налёты штурмовиков на поезд, на автомобиль. ВФХА и РСХА бомбили очень часто, их постоянно отделывали с воздуха. Но ни Мюллер, ни Поль не позволяли изгнать себя оттуда. Да и вся родина, по крайней мере, большие города, стала фронтом. А ведь общее количество жертв воздушных налётов вряд ли станет когда-нибудь известным. По моей оценке, их должны быть многие миллионы[147]. Цифры потерь никогда не станут известны, их будут держать под строгим секретом.

Меня всегда будут упрекать в том, что я не уклонился от выполнения приказа об уничтожении, от этого чудовищного убийства женщин и детей. Но я уже ответил в Нюрнберге: как тогда быть с командиром авиационной эскадры, который мог бы уклониться от налёта на город, про который он точно знал, что там нет ни оружия, ни оружейных предприятий, ни военных

заводов? Когда он знал точно, что его бомбами будут убиты прежде всего женщины и дети? Ведь он тут же пошёл бы под трибунал. Не хотелось бы считать это сравнением, но я считаю, что обе ситуации сравнимы. Я тоже солдат. Я, как и он, офицер. Пусть сегодня Ваффен-СС и хотят считать не военными, а видом партийной милиции. Но мы были такими же солдатами, как и три других рода войск. Эти постоянные воздушные налёты были тяжким бременем для гражданского населения, особенно для женщин. Детей можно было хотя бы спрятать в отдалённых горных районах, не испытывающих угрозы с воздуха. Не только физическое — вся жизнь крупных городов пришла в беспорядок, — но и психическое воздействие было очень сильным. Кто видел лица сидевших в общественных бомбоубежищах, в домашних бункерах, тот видел, как они себя ведут, тот мог прочесть возбуждение, явный или смертельный ужас во время взрывов бомб, падавших лавиной. Как они прижимались друг к другу, искали защиты у мужчин, когда здания начинали шататься или даже частично обрушиваться. Даже берлинцы, которые уже немало перенесли, приходили в отчаяние. Днём и ночью, ночью и днём продолжались эти испытания нервов в подвалах. Эту войну нервов, это психическое бремя немецкий народ тоже не смог бы переносить дальше.

Деятельность службы D, Инспекции КЛ я достаточно полно представил, описывая начальников служб и отдельных начальников [148]. К этому мне добавить нечего.

Могли бы концентрационные лагеря стать другими при другом начальнике Инспекции? Я думаю, что нет. Поскольку никто, будь он ещё энергичнее или крепче духом, не смог бы противиться воздействию войны, и никто не смог бы пойти против твердой воли РФСС. Ни один офицер СС не осмелился бы сорвать планы РФСС или уклониться от их исполнения. Хотя когда-то КЛ создал и организовал волевой Айке, за ним всё же всегда стояла твёрдая воля РФСС. То, что стало с КЛ во время войны, возникло целиком и только из воли РФСС. Потому что это он давал директивы РСХА, и только он мог их давать. РСХФ было только исполнителем. Я также твёрдо верю в то, что ни одна важная, крупная полицейская акция не могла бы начаться без согласия РФСС. В большинстве случаев он был также инициатором, зачинщиком. Все СС были инструментом Генриха Гиммлера, РФСС, они осуществляли его волю. То, что с 1944 он был сломлен более сильными обстоятельствами, а именно войной, не отменяет *этого* факта.

Во время своих поездок по оружейным предприятиям, на которых были заняты заключённые, я ознакомился с нашим

вооружением. От соответствующих руководителей заводов я узнал много такого, что меня очень удивило. Особенно в авиационной промышленности. Через Маурера, который имел дела с министерством вооружения, я узнал о безнадёжном отставании, о крупных авариях, об ошибках планирования, которые приводили к многомесячной перестройке производства. Я узнал об арестах и даже экзекуциях известных руководителей в области оружейного производства, которые не справлялись с работой. Всё это давало мне пищу для размышлений. Хотя руководство говорило о новых открытиях, о новом оружии, на ходе войны это не сказывалось. Несмотря на наши новые реактивные истребители, воздушные налёты становились всё более сильными. Дюжине истребительных эскадр приходилось иметь дел с армадой бомбардировщиков в две-две с половиной тысячи тяжелейших машин. Ведь наше новое оружие только создавалось и проходило испытания. Но чтобы выиграть войну, поток оружия должен быть совсем другим. Едва какой-нибудь завод начинал работать в полную мощность, его в течение нескольких минут ровняли с землёй. Перемещение производства «победоносного» оружия под землю могло бы быть произведено в лучшем случае в 1946. Но и этим ничего бы не добились, поскольку доставка материалов и вывоз готовой продукции как и прежде зависели бы от действий вражеской авиации. Лучший пример тому — производство оружия «Фау» на предприятиях Миттельбау[149]. С воздуха разбомбили всё железнодорожное полотно вокруг заводов, спрятанных в горах. Вся мучительная многомесячная работа оказалась напрасной. Тяжёлые снаряды V-1 и V-2 лежали взаперти под землёй. Едва дорогу приводили в порядок, её разрушали снова. Но так в конце 1944 было почти везде. Восточный фронт «возвращался» всё больше. На Востоке немецкий солдат уже не выдерживал. Запад тоже катился назад. И всё же фюрер продолжал говорить о стойкости любой ценой. Геббельс говорил и писал о вере в чудо. Германия должна победить! Во мне шевелилось сильное сомнение в том, что мы сможем выиграть войну! Слишком много я слышал и видел такого, что этому противоречило. Но я не мог сомневаться, я должен был верить в это. Здравый человеческий разум говорил мне, что мы должны проиграть. Сердце же, отданное идее фюрера, говорило, что мы не можем пойти ко дну. Жена часто спрашивала меня весной 1945, когда уже каждый видел, что дело идёт к концу: «Как же мы сможем выиграть войну? В самом ли деле у нас в резерве есть что-то такое, что позволит победить?» Скрепя сердце, я должен был укреплять её веру. Я не смел рассказать то, о чём знал. Ни с одним человеком я не мог

говорить о том, что считал истинным, обсуждать то, что видел или о чём слышал. Я твёрдо убеждён в том, что Поль и Маурер, которые видели побольше моего, думали точно так же. Но никто не осмеливался говорить об этом с другим. Не только из страха быть привлечённым к ответственности за критиканство, но потому, что никто не желал в это верить. Наш мир не мог исчезнуть, это было невозможно. Нам *придётся* победить. Каждый из нас работал с таким ожесточением, как будто от нашей работы зависела победа. Да, когда в апреле был прорван Одерский фронт, мы стали прилагать величайшие усилия для того, чтобы последние, ещё державшиеся оружейные заводы с заключёнными заработали в полную мощность. Нельзя было упускать никаких возможностей. Да, мы сомневались в том, что сможем создавать необходимое вооружение в этих более чем примитивных запасных убежищах. Каждый, кто пренебрегал своими обязанностями, потому что заявлял, что уже не видит в этом смысла, немедленно смещался. Маурер даже хотел предать за это суду СС нескольких штабных служащих, но Берлин уже был окружён и мы готовились к бегству.

О безумии эвакуации КЛ я уже неоднократно писал. Но сцены, которые я при этом видел, которые были вызваны этим приказом об эвакуации[150], впечатлили меня так сильно, что я их никогда не забуду.

Когда Поль при эвакуации Освенцима уже не получил от Байера [151] доклад, он погнал меня в Силезию, чтобы я разобрался на месте. Сначала я нашёл Байера в Гросс-Розене[152], там он собирался готовить приём. Где бродит его лагерь, он не знал. Из-за наступления русских на юге изначальный план полетел к чёрту. Я тотчас же поехал дальше, чтобы успеть в Освенцим и уничтожить там всё важное, о чём получил приказ. Но я успел добраться только до Одера вблизи Ратибора. По другому берегу уже разъезжали передовые танковые части русских. На всех шоссе и дорогах Верхней Силезии западнее Одера теперь я видел только колонны заключённых, в муках шедших по глубокому снегу. Унтерфюреры, которые конвоировали это шествие трупов, обычно вообще не знали, куда они должны идти. Им была известна только конечная цель — Гросс-Розен. Но как они туда доберутся, для всех оставалось загадкой. Они по собственной инициативе реквизировали в деревнях продукты, на несколько часов делали там привал, а затем шли дальше. О том, чтобы переночевать в сараях или в школах, не могло быть и речи, всё было забито беженцами. Этот путь страданий было легко определить, через каждые двести метров на нем лежал обессилевший или застреленный

заключённый. Все встречавшиеся мне колонны я направлял на запад, в Судеты, чтобы они не оказались в забитом до отказа мешке у Нейсе. Всем начальникам таких колонн я строжайше запретил пристреливать заключённых, уже не способных идти. Их они должны были сдавать фольксштурму в деревнях. В первую ночь на дороге у Леобшутца я стал постоянно встречать застреленных заключённых. Из их ран ещё текла кровь, то есть убиты они были совсем недавно. Когда я вышел из машины возле очередного убитого, до меня донёсся прозвучавший совсем рядом пистолетный выстрел. Я побежал на этот выстрел и увидел солдата возле остановленного мотоцикла. Тут же у дерева оседал пристреленный заключённый. Я закричал на солдата: как он смеет так обращаться с заключёнными! Он нагло засмеялся мне в лицо и спросил, что я, собственно, хотел ему сказать. Я достал пистолет и тут же расстрелял его. Он был фельдфебелем люфтваффе.

Снова и снова я встречал офицеров из Освенцима, которые подъезжали на каких-нибудь машинах. Я оставлял их на перекрёстках, чтобы собирать и отправлять на запад, по возможности железной дорогой, эти блуждающие колонны заключённых. Я видел загруженные открытые вагоны для перевозки угля, совершенно замерзших, не получавших питания — где-нибудь на запасных путях, на дистанциях. Проходили группы заключённых без какой-либо охраны, которые отбились от колонн или просто были покинуты конвоем. Они тоже спокойно шли на запад. Встретил я и команду английских военнопленных без всякого сопровождения. Они ни в коем случае не хотели попасть в руки русских. Я видел эсэсовцев и заключённых, сидевших на корточках в вагонах для беженцев, видел колонны из строительного и сельскохозяйственного управлений. Никто не знал, куда он должен идти. Каждому была известна только конечная цель — Гросс-Розен.

В это время лежал глубокий снег и держался сильный холод. Дороги были забиты колоннами вермахта, обозами беженцев. Из-за того, что машины заносило, постоянно случались аварии. На обочинах лежали трупы не только заключённых, но и беженцев, женщин и детей. На выезде из одной деревни я видел женщину, которая сидела на пне, баюкала ребёнка и пела. Ребёнок давно был мёртв, а женщина обезумела. Множество женщин с доверху нагруженными детскими колясками изнемогая, брели по снегу. Только бы подальше отсюда, только бы не оказаться у русских в руках. В Гросс-Розене всё было переполнено. Но Шмаузер[153] тоже приготовился к эвакуации. Я поехал в Бреслау, чтобы рассказать ему об увиденном и склонить его к отмене

эвакуации Гросс-Розена. Он показал мне телеграмму РФСС: ни один здоровый заключённый не мог быть оставлен в его лагере, и Шмаузер назначался ответственным за выполнение этого приказа. На вокзале Гросс-Розен прибывающие транспорты тут же отправляли дальше. Лишь немногие из них могли получить питание. Гросс-Розен сам больше ничего не имел. В открытых вагонах мёртвые эсэсовцы мирно лежали среди мёртвых заключённых. Живые сидели там же и ели свои куски хлеба. Страшные картины, которых можно было бы избежать. Я был свидетелем эвакуации Заксенхаузена и Равенсбрюка. Те же зрелища. К счастью, уже стало теплее и суше и колонны могли ночевать под открытым небом. Но питания не получали по два, а то и по три дня. Помогал Красный Крест, раздавая подарки. Добыть в деревнях, через которые уже неделями шли потоки беженцев, ничего было нельзя. Ко всему добавилась постоянная опасность от штурмовой авиации, которая не упускала из виду ни одной дороги.

До последнего момента я делал всё, чтобы внести порядок в этот хаос. Но всё было напрасно. Мы сами должны были бежать. С конца 1944 моя семья жила неподалёку от Равенсбрюка. Таким образом я смог забрать её, когда Инспекция КЛ «бежала». Сначала мы отправились на север, на Дарс[154], черед два дня дальше, в Шлезвиг-Гольштейн. Всегда согласно приказу РФСС. Что мы вообще должны были при нём делать, что мы должны были исполнять на службе, нам не было ясно. Я ещё взял по опеку жену Айке с дочерью и детьми, которые не должны были попасть в руки врагу. Это бегство было ужасно: ночью, без света, по забитым дорогам, с постоянным страхом за оставшихся в машине — ведь я был ответственным за всю колонну. Глюкс и Маурер ехали другим путём через Варнемюнде. В Ростоке у нас застряли два больших грузовика со всей радиоаппаратурой. Они сломались, а когда поломки устранили, противотанковые заграждения закрыли и они оказались в западне.

Днём приходилось бегать из одного перелеска в другой, потому что штурмовики всё время обстреливали этот главный путь отступления. В Висмаре сам Кейтель стоял на дороге и высматривал дезертиров.

По дороге, в одной крестьянской усадьбе мы услышали, что фюрер мёртв. Когда мы об этом узнали, моя жена и я одновременно подумали одно и то же: теперь должны уходить и мы! Вместе с фюрером погиб и наш мир. Имело ли для нас смысл жить дальше? Нас будут преследовать, нас будут везде искать. Мы хотели принять яд. Я приготовил его для жены, чтобы она в случае внезапного прорыва русских приняла его вместе с детьми

и не попалась им в руки. И всё же мы не сделали этого ради детей. Для них мы должны были встретить неизбежно грядущее. Но лучше бы мы этого не делали. Позднее я всегда об этого постоянно жалел. Мы, прежде всего моя жена и дети, были бы избавлены от многого. И что им предстоит испытать ещё? Мы были связаны и скованы с *тем* миром — нам следовало вместе с ним и погибнуть.

Госпожа Томсен, наша освенцимская учительница, после бегства жила у своей матери в Санкт-Михелисдонне, что в Гольштейне. Туда я и отправил свою семью. Куда денемся мы, Инспекция КЛ, я в тот момент ещё не знал. Своего старшего сына я взял с собой. Он хотел остаться при мне, потому что мы ещё надеялись на сражение — в последний час, ради последнего не оккупированного клочка Германии.

10. После краха (1945–1947)

Чтобы отдать последний рапорт, мы отправились во Фленсбург, куда РФСС удалился вместе с имперским правительством. О борьбе речь уже не шла. Лозунгом дня было: спасайся, кто может. Последний рапорт РФСС и прощание с ним я не забуду никогда. Он весь лучился и был в прекрасном настроении — и при этом мир погиб, наш мир. Если бы он сказал: «Итак, господа, это конец. Вы знаете, что вам следует сделать»! Это я смог бы понять — это соответствовало бы тому, что он годами проповедовал эсэсовцам: преданность идее. Но последний приказ, отданный им, был иным: раствориться в вермахте! Таким было прощание человека, на которого я смотрел снизу вверх, которому свято верил, приказы и речи которого были для меня Евангелием! Мы с Маурером молча переглянулись, подумав одно и то же. Мы были старыми членами партии и офицерами СС, и мы выросли вместе с их идеями. Будь мы одни, мы бы от отчаяния совершили какую-нибудь дикую выходку. Но мы должны были позаботиться о начальнике нашей службы, об офицерах и служащих нашего штаба и об их семьях. Глюкса, уже и так полумёртвого, мы под другим именем разместили в лазарете морского ведомства. Гебхардт [155] взялся доставить женщин и детей в Данию. Остальные служащие Инспекции под чужими документами растворились в морском ведомстве. Лично я поехал в школу связистов ВМС на остров Силт с командировочным удостоверением на имя старшего шлюпки Франца Ланга. Сына я посадил в свою машину и вместе с моим шофёром отослал обратно, к моей жене. Поскольку я кое-что понимал в морской жизни, я в глаза не бросался. Служебных обязанностей у меня было немного. Таким образом, у меня было достаточно времени, чтобы основательно обдумать случившееся. Однажды я случайно услышал по радио новости об аресте Гиммлера и о его смерти от яда. У меня тоже всегда была при себе капсула с ядом. Я хотел ею воспользовался. Школа связи была вывезена в пункт для интернированных между каналом Норд-Остзее и рекой Шляй.

В школе, вообще на фрисландском острове, англичане отвели для эсэсовцев отдельную зону. Так я оказался совсем рядом со своей семьёй, которую затем видел много раз. Мой старший сын приходил ко мне каждые два дня. Как фермера по профессии меня отпустили досрочно. Я беспрепятственно прошёл все проверки англичан. Через службу труда я устроился на работу в одно крестьянское хозяйство близ Фленсбурга. Работа мне нравилась, я был предоставлен сам себе, поскольку хозяин фермы

ещё находился в плену у американцев. Там я пробыл восемь месяцев. Брат моей жены работал во Фленсбурге и через него я поддерживал с ней связь.

От шурина я узнал, что меня разыскивает английская военная полиция, что моя семья находится под строгим надзором, а в её доме был проведён тщательный обыск. 11 марта [1946] в 23 часа меня арестовали. За два дня до того разбилась моя капсула с ядом. Поскольку при первом испуге, спросонья, я принял арест за разбойное нападение (там они случались часто), он удался. В военной полиции мне здорово досталось. Меня затащили в лес, в ту самую казарму, из которой восемь месяцев назад англичане меня выпустили. Состоялся мой первый допрос с предъявлением веских доказательств. Что было записано в протоколе, не знаю, хотя я его подписал[156]. Однако алкоголя и плётки мне тоже досталось *слишком много*. Плётка была моей собственной, она случайно оказалась в багаже моей жены. Хотя едва ли хоть один удар этой плёткой достался моей лошади, а тем более заключённому. Но один из тех, которые меня допрашивали, считал, что этой плёткой я постоянно избивал заключённых. Через несколько дней я прибыл в Минден-на-Везере, в главное место допросов английской зоны. Там мне досталось ещё больше от первого английского прокурора, майора. Тюрьма соответствовала его поведению. Через три недели меня внезапно побрили, подстригли и я смог помыться. С момента моего ареста с меня не снимали наручники. В тот же день меня на легковом автомобиле доставили в Нюрнберг вместе с одним привезённым из Лондона военнопленным, свидетелем защиты по делу Фирцше[157]. После того, что мне довелось пережить, заключение при МВТ [Международном военном трибунале] стало для меня просто санаторием. Я сидел в корпусе главных обвиняемых и мог видеть их ежедневно, когда тех водили на заседание суда. Почти ежедневно там проходили осмотры со стороны представителей всех стран-союзниц. Меня тоже всегда показывали как особо интересного зверя. В Нюрнберге я оказался потому, что адвокат Кальтенбруннера затребовал меня в качестве свидетеля защиты. До меня и по сей день не дошло, как *я*, именно я, должен был снять с Кальтенбруннера обвинения. В то время, как заключение было действительно хорошим, — я мог, если у меня оставалось время, читать, там была богатая библиотека, — допросы были по-настоящему неприятными — не только физически, но гораздо больше психически. Я не в обиде на тех, кто меня допрашивал, все они были евреями. Психологически меня чуть ли не препарировали — настолько точно они всё хотели знать — тоже евреи. Они не оставили мне абсолютно никаких сомнений в том,

что меня ещё ждёт.

25 мая, как раз в день нашей свадьбы, меня вместе с фон Бургсдорфом[158] и Бюлером[159] отвезли на аэродром и там передали польским офицерам. На американском самолёте через Берлин прилетели в Варшаву. В пути с нами обращались очень предупредительно, но, помня о пережитом в английской зоне и о намёках на то, какое обращение принято на востоке, я испугался худшего. Когда мы прибыли, вид и жесты зрителей на лётном поле тоже не вызвали доверия. В тюрьме ко мне приходили разные чиновники, которые показывали мне свои номера-татуировки, сделанные в Освенциме. Я не мог их понять. Во всяком случае, пожелания, которыми они меня приветствовали, не были благочестивыми. Но избит я не был. Заключение было очень строгим и изолированным. Осматривали меня там часто. Там я провёл девять недель. Они оказались для меня трудными, потому что я не мог отвлечься, не имел возможности ни читать, ни писать.

30 июля я вместе с семью другими немцами прибыл в Краков. На вокзале мы некоторое время просидели в машине. Вскоре собралась большая толпа, которая стала нас оскорблять. Гёта[160] узнали сразу. Если бы машина вскоре не отъехала, нас забросали бы камнями. В первые недели заключение было вполне сносным, но вдруг [этих]тюремщиков как будто подменили. Из их отношения ко мне и из разговоров, которые я не понимал, но содержание которых мог почувствовать, я понял, что меня хотят прикончить. Мне специально давали самый маленький кусок хлеба и едва ли один черпак жидкого супа. Я никогда не получал второй порции, хотя по соседним камерам почти ежедневно раздавали остатки еды. Один служащий как-то хотел дать её и мне, но тут же он отказался от этого намерения. Здесь я познакомился с властью тюремщиков. Они господствовали над всем. Они тут же убедительно подтвердили для меня мои утверждения о чудовищной и зачастую пагубной силе, которую направляют против своих товарищей по заключению. Я также достаточно изучил три категории охранников.

Если бы не вмешалась прокуратура, они прикончили бы меня — не только физически, но прежде всего психически. Скоро я уже доходил. Это была не какая-нибудь истерика — я просто погибал. Кое-что я уже испытал — жизнь достаточно часто обходилась со мной сурово. Но психические муки, которым меня подвергали эти три дьявола, оказались чрезмерны. И так они обращались не только со мной. Они также злостно притесняли одного польского заключённого. Их уже давно нет в корпусе, и в этом отношении здесь царит благостный покой.

Никак, должен сказать открыто, не ожидал, что в польской тюрьме со мной будут обращаться столь достойно и предупредительно, как стали обращаться после вмешательства прокуратуры.

Каким видится мне сегодня Третий рейх? Какого я мнения о Гиммлере и СС, о концентрационном лагере, о полиции безопасности? Какими видятся мне события, пережитое мной в этой сфере?

Как и прежде, я национал-социалист в смысле восприятия жизни. Идею, взгляды, которым был привержен в течение почти 25 лет, с которыми вырос, с которыми стал связан душой и телом, нельзя отбросить просто так — потому что воплощение этой идеи, национал-социалистическое государство, его руководство поступало неправильно и даже преступно, и потому что из-за этих ошибок, из-за этих поступков погиб этот мир, а весь немецкий народ был на десятилетия ввергнут в неописуемые бедствия. Я этого сделать не могу. Из публикаций обнаруженных документов, из процесса в Нюрнберге я вижу, что руководство Третьего рейха с его политикой силы было виновно в этой чудовищной войне со всеми её последствиями. Что это руководство с помощью чрезвычайно эффективной пропаганды и беспредельного террора сделало послушным весь народ — так, что он, за немногими исключениями, безвольно и безропотно последовал по этому пути.

По моему мнению, расширение жизненного пространства немцев, ставшее необходимым, можно было бы совершить мирным путём, хотя я твёрдо убеждён, что устранить войны будет невозможно, и что в дальнейшем их не избежать. Ради маскировки политики силы тоже придётся пользоваться пропагандой — чтобы, ловко передергивая факты, сделать более приемлемыми политику, мероприятия правительства. Чтобы с самого начала устранить сомнения и вражду, придётся применять террор. Я считаю, что серьёзный противник лучше всего одолевается силой.

Гиммлер был ярчайшим выразителем принципов фюрера. Каждый немец безоговорочно и безропотно подчинялся руководству государства, только оно было способно защищать действительные интересы народа, правильно вести народ. Каждого, кто не поддерживал эти принципы, следовало исключать из общественной жизни. Исходя из этого, он создал и воспитал свои СС, создал концентрационные лагеря, немецкую полицию, РСХА. Для Гиммлера Германия была государством, которое только одно и имело право господствовать в Европе. Все остальные народы были второстепенными. Народам

преимущественно нордической крови следовало отдавать предпочтение с целью их включения в Германию. Народы восточной крови следовало разъединять и угнетать, обращать в илотов.

Итак, перед войной концентрационные лагеря *пришлось* сделать местами содержания врагов государства. То, что при этом они станут исправительными учреждениями для всякого рода асоциальных элементов, в которых будут выполняться необходимые для народа работы, стало отличительной чертой очистительного процесса. Столь же необходимыми они стали в деле профилактической борьбы с преступностью[161].

Когда началась война, они стали, прямо или косвенно, местами ликвидации для той части народов завоёванных стран, которая выступала против завоевателей и угнетателей. О своём отношении к врагам государства я уже высказывался раньше. Движение Сопротивления можно было бы свести к минимуму более добрым и благоразумным отношением к населению оккупированных стран.

Сегодня я также вижу, что уничтожение евреев было ошибочным, в корне ошибочным. Именно из-за этого массового уничтожения Германия снискала ненависть всего остального мира. Причём антисемитизму это не послужило. Напротив, из-за этого евреи подошли к своей конечной цели гораздо ближе. Вижу, что РСХА было всего лишь исполнителем, продолжением полицейской руки Гиммлера. РСХА и КЛ были всего лишь исполнительными органами воли Гиммлера и, соответственно, планов Адольфа Гитлера.

Каким образом стали возможны ужасы концентрационных лагерей, я уже достаточно сообщил раньше, а также в описаниях отдельных персон. Лично я их никогда не одобрял. Никогда я не обращался жестоко ни с одним заключённым, тем более ни одного из них не убил. Я также никогда не терпел жестокого обращения с ними со стороны своих подчинённых. Меня мороз по коже продирает, когда сейчас, в ходе следствия, я слышу о чудовищных истязаниях в Освенциме и в других лагерях. Конечно, я знал, что в Освенциме заключённые подвергались жестокому обращению со стороны СС, гражданских служащих, и не меньше того — со стороны своих солагерников. Против этого я выступал всеми имевшимися в моём распоряжении силами и средствами. Я не мог этому воспрепятствовать. Точно так же ничего не получалось и у близких ко мне по мировоззрению комендантов гораздо меньших и более подконтрольных лагерей. Злобе, низости и жестокости отдельных охранников противопоставить нечего. Разве что никогда не спускать глаз с

каждого из них. И чем хуже весь охранный и надзорный состав, тем больше злоупотреблений по отношению к заключённым.

И это утверждение достаточно хорошо удостоверяется моим нынешним заключением. В английской зоне с её плотным круглосуточным наблюдением я имел возможность хорошо изучить три категории охранников. В Нюрнберге «разовые процедуры» были невозможны, ведь там все заключённые находятся под постоянным надзором дежурных тюремных офицеров. Во время пересадки в Берлине лишь случайное появление третьего лица избавило меня от жестокого избиения в уборной.

В варшавской тюрьме, которая, насколько я мог судить об этом, глядя из своей камеры, управлялась более строго и последовательно, был один надзиратель. Во время своих дежурств в нашем корпусе он *бегал* от камеры к камере, в которых сидели немцы, и, без разбора избивал их. Кроме фон Бургсдорфа, отделавшегося единственной пощёчиной, каждый немец получал свою порцию ударов. Это был молодой человек 18–20 лет. Он говорил, что является польским евреем, хотя и не был на него похож. Его глаза источали ледяную ненависть. Избивая немцев, он никогда не уставал. Свою деятельность он прекращал лишь по условному сигналу, который ему подавал сослуживец при появлении третьего лица. Уверен, что ни один из вышестоящих чиновников или начальник тюрьмы не одобрил бы такого поведения. Посещавшие меня несколько раз чиновники осведомлялись об отношении ко мне, но я никогда не говорил о нём, потому что он был единственным, кто вёл себя так. Другие надзиратели держались более или менее строго и отстранённо, но его мне никто не напоминал. То есть даже в маленькой тюрьме начальник не мог предупредить такого поведения. Насколько же менее это было возможно в КЛ таких размеров, как Освенцим. Да, я был твёрдым и строгим, — как видится мне это сегодня, — часто слишком твёрдым и слишком строгим. Хотя в раздражении, вызванном обнаруженными неполадками и небрежностью, я и сказал много злых слов, произнёс много выражений, которые не хотел бы произносить. Но жестоким я не был никогда — я никогда не позволял себе опускаться до истязаний. В Освенциме многое совершалось якобы от моего имени, по моему поручению, по моему приказу — при том, что если бы я знал об этих поступках, я бы их не потерпел и не одобрил. Но всё это случилось в Освенциме, и я за эти поступки в ответе. Ибо Лагерный распорядок гласит: комендант лагеря несёт *полную ответственность* за всё, что происходит на территории его лагеря.

Сейчас моя жизнь подходит к концу.

В этих записках я рассказал о главном из того, что я встретил в жизни, о том, что произвело на меня сильное впечатление, что было принято мной близко к сердцу. Рассказал правдиво и в соответствии с действительностью, так, как я это увидел, так, как я это пережил. Я упустил многие мелочи, многое забыл, многое недостаточно хорошо помню. Ведь я не писатель, я никогда не был особенно силен в умении водить пером. Наверное, я часто повторялся, вероятно, часто выражался не всегда достаточно понятно. Мне также не хватает внутреннего покоя и уравновешенности, чтобы сосредоточиться на такой работе. Я писал о том, что мне приходило в голову, зачастую беспорядочно, но непритворно. Жизнь провела меня через все высоты и глубины моей судьбы. Жизнь часто встряхивала меня и обращалась со мной сурово, но я везде пробивался. Я никогда не отчаивался. Две путеводные звезды были у меня с тех пор, как я, возмужав, вернулся с войны, за которыми я следовал как школьник: моё отечество и, позднее, моя семья. Моя любовь к отечеству, моё национальное самосознание привели меня в НСДАП и СС. Национал-социалистическое мировоззрение я считаю единственно приемлемым для немецкого народа. На мой взгляд, СС были активнейшими защитниками этого мировоззрения, и только они способны постепенно вернуть весь немецкий народ к приемлемой для него жизни.

Моя семья была моей второй святыней. Я крепко привязан к ней. Я постоянно заботился о её будущем. Крестьянская усадьба должна была стать родиной. В наших детях мы с женой видели цель наших жизней. Задачу всей нашей жизни мы видели в том, чтобы дать им хорошее воспитание, сделать их родину сильной. И сейчас я большую часть времени думаю прежде всего о своей семье. Что с ней станет? Именно эта неизвестность, беспокойство о будущем семьи, отягощает моё нынешнее заключение. Самого себя я списал с самого начала, о себе я уже не беспокоюсь, со мной покончено. Но моя жена, мои дети?

Судьба странно распорядилась мной. Как часто я оказывался на волосок от смерти. На прошлой войне, в сражениях добровольческого корпуса, во время несчастных случаев на работе, при автомобильной аварии 1941 на шоссе, где я встретил грузовик с прицепом, ехавший с выключенными фарами, и успел, увидев его, за долю секунды бросить машину в сторону. Удар был нанесён по касательной — так, что, хотя спереди машина смялась в гармошку, мы все трое отделались порезами и ушибами. Однажды в 1942 меня сбросил сильный жеребец, и я упал совсем рядом с камнем. Это стоило мне только сломанного ребра. Как

часто во время воздушных налётов я не дал бы за свою жизнь и ломаного гроша, и всё же я всегда оставался невредимым. Была ещё автомобильная авария незадолго до эвакуации Равенсбрюка. Все уже считали меня погибшим, после такого удара я не должен был выжить, и всё же этого не случилось. Капсула с ядом разбилась перед арестом. Повсюду судьба хранила меня от смерти, чтобы теперь покончить со мной так позорно. Как я завидую своим товарищам, которые смогли умереть честной солдатской смертью. Бессознательно я стал колесом в огромной машине уничтожения Третьего рейха. Машина разбита, мотор сломался, я должен отправиться туда же. Этого требует мир.

Никогда я не согласился бы на самовыражение, на раскрытие моего тайного «Я», если бы здесь меня не встретили с разоружающей человечностью, с пониманием, которого я ни в коем случае не мог ожидать. Благодаря этому человеческому пониманию я приложил все усилия к тому, чтобы, насколько это возможно, вскрыть суть дела. Но я прошу при использовании этих записок не предавать гласности всего, что касается моей жены, моей семьи и моих душевных порывов, моего внутреннего отчаяния [162].

Общественность может видеть во мне кровожадного зверя, садиста, убийцу миллионов — ведь широкие массы никак не смогут представить коменданта Освенцима другим. Но никогда они не поймут, что он тоже имел сердце, что он не был плохим.

Эти записки содержат в себе сто четырнадцать листов.

Всё это я написал добровольно и без принуждения.

Рудольф Гесс.

Краков, февраль 1947.

РУДОЛЬФ ГЕСС: ЗАПИСКИ

1. «Окончательное решение еврейского вопроса» в к.л. Освенцим

Летом 1941, точную дату я в настоящее время вспомнить не могу, мне внезапно приказали явиться в Берлин к рейхсфюреру СС. Приказ был получен непосредственно из его адъютантуры. Вопреки своей привычной манере, он передал мне, в отсутствие адъютанта, смысл следующего: «Фюрер распорядился об окончательном решении еврейского вопроса; мы, СС, будем выполнять этот приказ. Существующие места уничтожения на Востоке не в состоянии провести предусмотренные крупные акции. А поэтому я выбрал Освенцим — во-первых, из-за его удобного для транспорта расположения, а во-вторых, потому, что это место легко сделать недоступным и замаскировать. Для выполнения этого задания я сначала выбрал одного из высших офицеров СС. Но во избежание ведомственных трудностей, от этого пришлось отказаться, и выполнять данное задание будете вы. Это суровая и тяжёлая работа. Она потребует от исполнителя всей его личности целиком, а возникающие при этом трудности не должны будут стать для него препятствием. Подробности вы узнаете от штурмбанфюрера Эйхмана из РСХА, который в ближайшее время приедет к вам. Подключённые к этому инстанции будут оповещены в известное время. Вы будете хранить этот приказ в строжайшей тайне даже от своих начальников. После беседы с Эйхманом вы сразу же вышлете мне планы предусмотренных сооружений.

Евреи — извечные враги немецкого народа, и они должны быть истреблены. Все без исключения евреи, до которых мы сможем добраться, сейчас, во время войны, будут уничтожены. Если биологические основы еврейства не удастся подорвать сейчас, когда-нибудь евреи уничтожат немецкий народ».

После получения столь серьёзного приказа я тотчас же выехал обратно в Освенцим, даже не доложив о себе своей высшей инстанции в Ораниенбурге. Вскоре после этого Эйхман приехал ко мне в Освенцим. Он рассказал мне о планах выполнения акции в отдельных странах. Вспомнить их последовательность я сейчас не в состоянии.

Прежде всего Освенцим должен был принять в соображение восточную часть Верхней Силезии и прилегающие к ней части генерал-губернаторства. Одновременно с этим, и по возможности

непрерывно, евреев из Германии и Чехословакии. Затем Запад: Францию, Бельгию, Голландию. Он также назвал мне приблизительное количество транспортов, которое я уже тоже не смогу назвать. Затем мы договорились о проведении ликвидации. В соображение принимался только газ, потому что устранить ожидавшиеся массы с помощью расстрелов было бы совершенно невозможно. Кроме того, это вызвало бы слишком большое напряжение для эсэсовцев, которые должны были совершать это в отношении женщин и детей.

Эйхман рассказал мне об убийствах с помощью выхлопных газов в грузовике, которые прежде проводились на Востоке. Но для ожидавшихся в Освенциме масс это не годилось. Убийство угарным газом путём его подачи в баню, как это делалось при ликвидации душевнобольных в некоторых заведениях рейха [163], потребовало бы слишком много построек, а кроме того, доставка газа для больших масс была бы слишком проблематичной. По этому вопросу мы не выработали решения. Эйхман хотел навести справки о газе, который было бы легко производить и применение которого не потребовало бы особых построек, а затем сообщить об этом мне. Затем мы выехали на поиски подходящего места. Мы нашли сочли пригодной для этого крестьянскую усадьбу в северо-западном углу участка, ставшего позднее строительным участком III Биркенау. Отдалённая, защищённая от постороннего взгляда перелеском и живой изгородью, эта усадьба находилась не слишком далеко от дороги. Трупы предполагалось помещать в глубоких длинных ямах, выкопанных на лугу. О сожжении мы в то время ещё не думали. Мы рассчитывали, что с помощью подходящего газа в имевшихся там помещениях можно будет подвергнуть обработке 800 человек одновременно. Это соответствовало и позднейшей мощности. О времени начала акций Эйхман мне сказать ещё не мог. Всё ещё находилось на стадии подготовки, и РФСС ещё не отдал приказ о начале акции.

Эйхман уехал в Берлин, чтобы доложить РФСС о нашем совещании. Через несколько дней я с курьером выслал РФСС точный план и точное описание установки. Ответа или какого-нибудь решения по этому вопросу я никогда не получал. Позднее Эйхман рассказал мне, что РФСС с этим согласился.

В конце ноября в инстанции Эйхмана прошло совещание с участием всего еврейского отдела, к которому был привлечён и я. Уполномоченные Эйхмана в отдельных странах сообщили о состоянии акции и о трудностях, которые выявились при ее проведении, как то размещение арестованных, предоставление транспортных средств, расписание поездов и др. О начале акции я узнать ещё не смог. Эйхман ещё не достал необходимый газ.

Осенью 1941 русских политруков, комиссаров и особых политических функционеров, содержавшихся в лагерях для военнопленных, гестапо на основании особого тайного приказа стало отбирать и доставлять в ближайшие КЛ для ликвидации. В Освенцим постоянно поступали небольшие транспорты такого рода, которые расстреливались в гравийном карьере близ зданий монополии[164] или во дворе блока II. В связи с одной командировкой мой заместитель, гауптштурмфюрер Фрицш по собственной инициативе использовал при ликвидации этих русских военнопленных газ. Он набил русскими камеры, расположенные в подвале, и, используя противогаз, бросил в камеры «Циклон-Б», что вызвало их мгновенную смерть[165]. Газ «Циклон-Б» фирмы «Теш унд Штабенов» постоянно использовался в Освенциме для борьбы с насекомыми, и поэтому у администрации всегда имели запасы этого газа в коробках. В первое время этот отравляющий газ, препарат синильной кислоты, применялся только служащими фирмы «Теш унд Штабенов» с соблюдением величайших мер предосторожности. Позднее при фирме было создано несколько должностей дезинфекторов, и газ при обеззараживании и дезинсекции помещений применяли они. Во время следующего визита Эйхмана я сообщил ему о применении «Циклона-Б», и мы решили использовать этот газ при грядущих массовых ликвидациях. Убийства газом «Циклон-Б» упомянутых выше русских военнопленных продолжились, но уже не в блоке II, поскольку после применения газа все помещения надо было проветривать в течение по крайней мере двух дней. Поэтому для убийства газом использовалась мертвецкая крематория при санитарной части, которая имела герметичную дверь. Для вбрасывания газа в ее крыше было пробито несколько дыр.

Но я могу вспомнить только транспорт с 900 русских военнопленных, которые были там удушены газом. Их сожжение продолжалось много дней. В оборудованной для убийства евреев крестьянской усадьбе убивать русских не стали. Когда началось убийство евреев, я уже вспомнить не могу. Возможно, ещё в сентябре 1941, но может быть, только в январе 1942 [166]. Сначала это были евреи из восточной части Верхней Силезии. Эти евреи были арестованы управлением гестапо в Катовице. Их доставили по железной дороге на запасной путь западной части дорожного участка Освенцим-Дзедзице и там выгрузили. Насколько я помню, эти транспорты никогда не насчитывали более 1.000 человек.

На железнодорожной платформе лагерная команда принимала евреев у гестапо, а затем шутцхафтлагерфюрер отводил их двумя колоннами к бункеру, как называлось

устройство для ликвидации. Багаж оставался на платформе, а затем его доставляли к месту сортировки, которое называлось «Канада», — между ГОЗ [167] и строительным двором[168]. Евреи должны были раздеться возле бункера, им говорили, что сейчас они пройдут дезинсекцию в предназначенных для этого помещениях. Все помещения, а их было пять, одновременно заполнялись, герметичные двери завинчивали, и через особые люки внутрь высыпали содержимое банок с газом.

По истечении получаса двери открывали снова, в каждом помещении были 2 двери, мёртвых вытаскивали, погружали на вагонетки и по узкоколейной дороге отвозили к яме. Одежду складывали в грузовики и отвозили её на место сортировки. Всю работу, включая оказание помощи раздевавшимся, наполнение бункера, извлечение трупов, а также земляные работы и засыпку массовых захоронений, выполняла особая команда евреев, которая содержалась отдельно и, согласно распоряжению Эйхмана, тоже должна была уничтожаться после проведения каждой крупной акции. Когда стали приходить первые транспорты, Эйхман доставил приказ РФСС, согласно которому у трупов вырывали золотые зубы, у женщин срезали волосы. Эти работы тоже выполняла зондеркоманда. Надзор за ликвидацией в то время осуществляли, смотря по обстоятельствам, шутцхафтлагерфюрер или рапортфюрер. Больных, которых нельзя было отвести в газовую камеру, убивали выстрелом в затылок из мелкокалиберной винтовки. При этом должен был присутствовать врач СС. Газ подавали специально обученные дезинфекторы из санитарной службы.

В то время как весной 1942 проводились лишь небольшие акции, летом количество транспортов возросло, и мы были вынуждены создавать для ликвидаций новые установки. Была выбрана и оборудована крестьянская усадьба к западу от будущих крематориев III и IV. Для раздевания создали два барака при бункере I и три барака при бункере II. Бункер II был больше, он вмещал около 1.200 человек.

Летом 1942 трупы ещё доставлялись в массовые могилы. Лишь с конца лета мы приступили к сжиганию; сначала на штабеле дров примерно 2.000 трупов, затем в ямах с выкопанными трупами раннего времени. Трупы поливались сначала масляным осадком, затем древесным спиртом. В ямах сжигали постоянно, то есть днём и ночью. К концу ноября 1942 все массовые захоронения были опустошены. Количество трупов, похороненных в массовых могилах, составляет 107.000. В эту цифру входят не только еврейские транспорты с момента поступления до начала сожжения, но также трупы заключённых,

умерших в лагере Освенцим зимой 1941/1942, когда крематорий при санитарной части долгое время не действовал. Там же находились все умершие заключённые лагеря Биркенау.

Во время своего визита в 1942 рейхсфюрер СС подробно ознакомился со всем процессом ликвидации, начиная с выгрузки до извлечения трупов из бункера II. В то время ещё не сжигали. Он не высказал недовольства, но и разговаривать об этом не стал. Присутствовали гауляйтер Брахт[169] и обергруппенфюрер Шмаузер. Вскоре после визита рейхсфюрера из отдела Эйхмана прибыл штандартенфюрер Блобель[170] Он привёз приказ РФСС, по которому следовало очистить все массовые могилы, а трупы сжечь. Надо было также избавиться от пепла, чтобы позднее стало невозможно определить количество сожжённых. Блобель уже предпринимал в Куленхофе [171] попытки разного рода сожжений. Он имел поручение Эйхмана показать мне эти установки.

Вместе с Гёсслером [172] я поехал в Куленхоф для осмотра [173]. Блобель распорядился построить там всякие временные печи и сжигал с помощью дров и бензина. Он пробовал также уничтожать трупы взрывами, однако сделать это удавалось лишь частично. Пепел развеивали в обширном лесу, причём кости предварительно размалывали в муку. Штандартенфюрер Блобель имел приказ отыскать и уничтожить все места массовых захоронений на восточных территориях. Его подразделение было закодировано под наименованием «1005». Сами работы выполнялись еврейскими командами, которые по завершении части задания расстреливались. КЛ Освенцим непрерывно поставлял евреев для команды «1005».

При посещении Куленхофа я осмотрел установки с грузовиками, в которых убийства совершались с помощью выхлопных газов мотора. Начальник тамошней команды считал их очень ненадёжными, потому что газ образовывался неравномерно, и часто его оказывалось недостаточно для убийства. Сколько трупов лежало в массовых могилах Куленхофа и сколько, соответственно, уже было сожжено, я не узнал. Штандартенфюрер Блобель довольно точно знал количество массовых захоронений на восточных территориях, но он должен был хранить эти сведения в строжайшем секрете.

Изначально, согласно приказу РФСС, уничтожались все без исключения евреи, доставлявшиеся в Освенцим инстанцией Эйхмана. Произошло это и с евреями из Верхней Силезии, но после первых транспортов из Германии пришёл приказ: отбирать всех работоспособных евреев, мужчин и женщин, и использовать их в лагере в целях производства оружия. Это произошло ещё до создания женского лагеря, так как необходимость создать в

Освенциме женский лагерь возникла лишь в результате этого приказа.

Из-за того, что в КЛ появились бесчисленные военные заводы, которые продолжили там производство, а также вследствие начавшегося трудоиспользования заключённых на военных заводах за пределами лагерей, внезапно возникла острая нехватка заключённых, тогда как раньше коменданты в старых лагерях рейха часто должны были искать для заключённых работу, чтобы занять их. Но евреев следовало использовать только в лагере Освенцим. Освенцим-Биркенау становился чисто еврейским лагерем, все остальные национальности вывозили в другие лагеря. Полностью этот приказ никогда не был исполнен, евреи, из-за нехватки рабочей силы, использовались также на военных заводах за пределами лагеря.

Выявлять работоспособных должен был врач СС. Но постоянно случалось так, что этим без моего ведома или даже без моей санкции занимался начальник лагеря или отдела трудоиспользования. Из-за этого в отношениях между врачами СС и начальником отдела трудоиспользования часто возникали трения. Противостояние разных точек зрения офицеров в Освенциме возникало и постоянно подпитывалось противоречивым истолкованием приказов РФСС в вышестоящих инстанциях в Берлине. РСХА (Мюллер-Эйхман) по охранительно-полицейским причинам имело огромную заинтересованность в ликвидации как можно большего количества евреев. Главный врач СС, который инструктировал эсэсовских врачей в вопросах отбора, считал, что трудоиспользовать следует только абсолютно здоровых евреев, поскольку ослабевшие, старые и годные условно скоро станут нетрудоспособными, что и без того плохое состояние здоровья всех заключённых ухудшится ещё больше, а из-за этого придётся пойти на ненужное увеличение количества амбулаторий, медицинского персонала и расхода лекарств, и наконец их всё же придётся убить. ВФХА (Поль, Маурер) были заинтересованы в получении для военных заводов как можно большей рабочей силы, даже если позднее она станет нетрудоспособной. Это столкновение интересов обострялось из-за невероятного повышения спроса на рабочую силу заключённых со стороны Министерства вооружения и организации Тодта. Обеим инстанциям РФСС постоянно давал обещания, которые никогда не были выполнены. Штандартенфюрер Маурер (служба D II) столкнулся с трудной задачей: он должен был хотя бы частично поддаваться натиску упомянутых инстанций, и поэтому он настраивал начальников служб трудоиспользования на сохранение как можно большего количества рабочих рук.

Добиться от РФСС чёткого решения было невозможно. Сам я считал, что для трудоиспользования должны отбираться только по-настоящему здоровые и сильные евреи.

Отбор происходил следующим образом. Вагоны один за другим разгружались. Оставив багаж, евреи должны были по одному подходить к врачу СС, который бегло определял их пригодность. Трудоспособных тут же уводили в лагерь небольшими группами. Доля трудоспособных составляла 25–30 процентов от общего числа всех прибывших с транспортом, но иногда эта цифра сильно колебалась [174]. Так, например, доля работоспособных греческих евреев составляла только 15 процентов, и был транспорт из Словакии, в котором все 100 % оказались работоспособными. Все без исключения евреи-врачи и обслуживающий медперсонал уводились в лагерь.

Уже во время первых сожжений на открытом воздухе выяснилось, что долго это делать нельзя. При плохой погоде или сильном ветре запах сжигаемых на костре разносился на много километров вокруг, и всё местное население говорило о сожжении евреев, несмотря на встречную пропаганду со стороны партии и административных инстанций. Все эсэсовцы, причастные к акциям по уничтожению, были строго предупреждены об обязанности держать весь процесс в секрете. Но позднейшие разбирательства в судах СС показали, что участники не хранили молчание. Даже суровыми наказаниями нельзя было пресечь болтливость.

Кроме того, противовоздушная оборона высказывала протесты против ночного огня. Но чтобы не задерживать прибывающие транспорты, проходилось сжигать и по ночам тоже. График отдельных акций, который был утвержден на конференции в Министерстве путей сообщения, должен был строго соблюдаться во избежание заторов и неразберихи на дорогах — прежде всего, по военным соображениям. Вышеупомянутые причины привели к ускоренному планированию и, наконец, строительству двух больших крематориев, а в 1943 — к строительству двух небольших установок. Было начато строительство ещё одной установки, превосходившей все остальные, но оно не было закончено в связи с тем, что осенью 1944 РФСС приказал немедленно прекратить уничтожение евреев [175].

Зимой 1942/1943 были построены два больших крематория I и II, а весной 1943 их ввели в действие. Они имели пять 3-камерных печей и могли сжечь в течение 24 часов около 2.000 трупов. Повысить их мощность было невозможно. Попытки сделать это приводили к серьёзным поломкам, которые во многих

случаях вызывали полную остановку. Оба крематория I и II имели подземные раздевалки и газовые камеры, которые можно было и проветривать, и делать герметичными. Трупы к находившимся выше печам подавали на подъёмниках. В газовых камерах можно было одновременно поместить до 3.000 человек, но эта цифра никогда не была достигнута, потому что прибывавшие транспорты никогда не были настолько велики.

В двух маленьких крематориях III и IV можно было, согласно расчётам строительной фирмы «Топф Эрфурт», сжигать 1.500 трупов в течение 24 часов. Из-за нехватки материалов, вызванной военным временем, при строительстве III и IV пришлось экономить, поэтому раздевалки и газовые камеры располагались наверху, а печи были созданы в облегчённом варианте. Но скоро выяснилось, что облегчённый вариант печей, обе из двух 4-камерных печей, не соответствуют требованиям. III вскоре сломался окончательно и в дальнейшем больше не использовался совсем. IV приходилось всё время останавливать, потому что после четырёх-шести недель работы печи или дымовые трубы выгорали. В большинстве случаев трупы удушенных газом сжигали в ямах за крематорием IV.

Временная установка I была разобрана, когда началось строительство на III участке в Биркенау. Установка II, которую позднее стали называть «наружной установкой» или «бункер V», использовалась до самого конца при поломках в крематориях I–IV. Когда акции выполнялись по уплотнённому расписанию, удушение газом днём проводили в V, а транспорты, приходившие ночью, обрабатывали в I–IV. Возможность сжигать в V практически не ограничивались, это можно было делать и днём, и ночью. Из-за вражеских налётов с 1944 сжигать по ночам уже было нельзя. Наибольшее количество удушенных и сожжённых в течение 24 часов составило примерно 9.000 — во всех установках, за исключением III — летом 1944 во время венгерской акции [176] когда из-за опоздания вместо предусмотренных трёх поездов в течение 24 часов их прибыло сразу пять, причём набиты они были плотнее обычного.

Крематории были построены в конце двух больших дорог лагеря Биркенау во-первых, чтобы предотвратить расширение лагеря и не увеличивать охрану, а во-вторых, [нельзя было] их убирать слишком далеко от лагеря, поскольку по завершении ликвидаций газовые камеры и раздевалки предполагалось использовать в качестве бань.

От посторонних взглядов установки надо было закрывать стеной или живой изгородью. Из-за нехватки материалов этого не сделали. Все установки для ликвидаций были окружены

маскировочными изгородями. Три рельсовые колеи между строительными участками I и II лагеря Биркенау предполагалось перестроить и покрыть крышей так, чтобы они стали похожи на вокзал, а затем довести их до крематориев III и IV — так, чтобы процесс разгрузки не был виден посторонним. Нехватка материалов не позволила осуществить этот план.

Из-за усиленного трудоиспользования заключённых на военных заводах, чего РФСС требовал всё более настоятельно, обергруппенфюрер Поль был вынужден использовать и евреев, которые становились нетрудоспособными. Он издал приказ, согласно которому всех нетрудоспособных евреев, которые смогли бы вернуться к работе через 6 недель, следовало особенно хорошо лечить и кормить. До этого всех нетрудоспособных евреев отправляли в газовую камеру вместе с очередным транспортом, или, если они лежали в амбулатории, убивали с помощью инъекций. Для лагеря Освенцим-Биркенау этот приказ был просто издевательским. Не хватало всего. Медикаментов практически не было, в лагере едва можно было разместить даже тяжело больных. Совершенно недостаточное питание из месяца в месяц урезалось Министерством продовольствия. Никакие возражения не помогали, приходилось пробовать. Из-за этого в лагере возникла нехватка помещений для здоровых, преодолеть которую было невозможно. Общее состояние здоровья из-за этого ухудшалось, бушевали эпидемии. Приказ вызвал почти взрывообразный рост показателей смертности, бесконечное ухудшение общих условия — я не думаю, что хотя бы *один* еврей, ставший нетрудоспособным, был возвращён на военный завод… [177]

Количество евреев, доставленных в Освенцим для уничтожения, я на прежних допросах оценивал в 2½ миллиона [178]. Эта цифра получена от Эйхмана. Незадолго до окружения Берлина он назвал её моему начальнику группенфюреру Глюксу, когда тот явился с докладом к РФСС. Эйхман и его постоянный заместитель Гюнтер одни знали точно количество всех уничтоженных. Согласно приказу РФСС, после каждой крупной акции в Освенциме сжигались все документы, из которых можно было узнать количество ликвидированных. Как начальник службы D I я лично уничтожал все документы, имевшиеся в моём подразделении. Другие службы делали то же самое. По словам Эйхмана, у РФСС и в РСХА тоже уничтожались все документы. Выяснить что-то можно из его неофициальных записей. Возможно, из-за небрежности в какой-нибудь инстанции ещё могли остаться отдельные бумаги, ТГ [телеграммы], радиограммы, об общем количестве в них не говорится.

Я сам никогда не знал общего количества, у меня нет даже

исходных данных, чтобы назвать его. В моей памяти сохранились лишь цифры крупнейших акций, которые мне не раз называли Эйхман или его уполномоченные[179]:

Из Верхней Силезии и генерал-губернаторства….250.000
Германия и Терезиенштадт…….100.000
Голландия…….. 90.000
Бельгия……20.000
Франция……..110.000
Греция…….. 65.000
Венгрия……400.000
Словакия…….90.000

Цифры по менее крупным акциям я вспомнить не могу, но по сравнению с упомянутыми выше они были незначительными. Цифру в 2½ миллиона я считаю слишком большой. В Освенциме пределы возможностей уничтожения имелись тоже. Цифры, которые называют бывшие заключённые, — это фантастика, лишённая реального основания.

«Акция Рейнхардт» было кодовым названием для заготовки, сортировки и оценки всех вещей, которые оставались после поступления еврейских транспортов и их уничтожения. Каждый эсэсовец, посягнувший на это еврейское имущество, подвергался, согласно приказу РФСС, смертной казни. Стоимость этого имущества невозможно представить и подсчитать — она исчислялась сотнями миллионов. Огромные ценности были украдены членами СС, полицейскими, заключёнными, гражданскими служащими и рабочими, железнодорожниками. Многое из этого по сей день спрятано и закопано на территории лагеря Освенцим-Биркенау.

При разгрузке прибывшего еврейского транспорта весь багаж оставался на платформе до тех пор, пока евреев не уводили к месту уничтожения или в лагерь. Затем специальная транспортная команда прежде всего доставляла весь багаж к месту сортировки, в Канаду I, и там его сортировали и оценивали. Одежду, оставшуюся после удушенных газом в бункерах I и II, а также в крематориях I–IV, тоже отправляли на сортировку. Уже в 1942 Канада не могла закончить сортировку вовремя. Несмотря на постройку новых сараев и бараков, несмотря на то, что заключённые-сортировщики работали днём и ночью, несмотря на постоянное увеличение этой команды, не отсортированный багаж скапливался в горы, при том, что ежедневно отсортированным материалом загружалось до 20 вагонов. В 1942 было начато строительство хранилища Канада II, прилегавшего к западной

границе строительного участка II Биркенау, а также строительство дезинфекционной установки и бани для вновь прибывших. Едва были построены 30 новых бараков, как их тут же заполнили. Между бараками *возвышались* горы не отсортированного багажа. Рабочие команды постоянно увеличивались, но о том, чтобы вовремя покончить с багажом, оставшимся после проведения акции продолжительностью в 4–6 недель, нельзя было и думать. Навести относительный порядок позволяли лишь продолжительные паузы. Одежду и обувь обследовали в поисках спрятанных драгоценностей, — конечно, при таком объёме лишь бегло, — сортировали, и доставляли в лагерь для заключённых, а позже высылали и в другие лагеря. Огромная часть одежды поставлялась NSV для переселенцев, а позднее — пострадавшим от бомбардировок. Многое из этого получали и крупные военные заводы для иностранных рабочих. Одеяла, перины и т. п. получало опять-таки NSV. Поскольку лагерь нуждался в таких вещах, они потреблялись и здесь, другие лагеря тоже получали большие партии.

Драгоценности забирал особый отдел административно-хозяйственного управления, специалисты которого сортировали их по стоимости, как и найденные деньги.

Среди найденных драгоценностей часто встречались — особенно в еврейских транспортах с Запада — очень дорогие вещи. Драгоценные камни стоимостью в миллионы, украшенные бриллиантами часы, золотые и платиновые часы баснословной цены, а также кольца, серьги, уникальные колье. Валюта всех ведущих стран исчислялась миллионами. Часто у одного человека можно было найти сотни тысяч, преимущественно в 1000-долларовых купюрах. Не было таких возможностей спрятать что-либо в одежде, багаже, человеческом теле, которые не были бы использованы.

После сортировки и завершения крупной акции драгоценности и деньги упаковывали в чемоданы, на грузовике доставляли в ВФХА, а оттуда в государственный банк. Один особый отдел государственного банка занимался только этими вещами, полученными в результате еврейских акций. Как я однажды слышал от Эйхмана, драгоценности и валюту продавали в Швейцарии, ими просто наводнили швейцарский рынок драгоценностей. Обычные часы тоже тысячами отправляли в Заксенхаузен. Там под прямым управлением службы D II (Маурер) была создана огромная часовая мастерская, на которой сотни заключённых сортировали и ремонтировали эти часы. Большая их часть поставлялась на фронт, Ваффен-СС и армии, для использования в служебных целях.

Золотые зубы в амбулатории СС зубные врачи обращали в слитки, которые каждый месяц передавали в Санитарную службу. В пломбированных зубах тоже находили драгоценные камни невероятной стоимости.

Отрезанные женские волосы передавали одной баварской фирме для использования на военных заводах.

Всю непригодную одежду подвергали утилизации, непригодную обувь разрезали, некоторые части использовали, а остальное перемалывали.

Самому лагерю эти еврейские драгоценности принесли огромные неустранимые трудности. Они деморализовали эсэсовцев, которые не были настолько сильны, чтобы не соблазниться ценными, легко достающимися вещами евреев. По-настоящему испугать никого не могли даже угроза смертной казни или лишения свободы на большой срок. Благодаря еврейским драгоценностям заключённые открыли неожиданные возможности. С ними было связано большинство побегов. За легко доставшиеся деньги или часы, кольца и т. д. у эсэсовцев и гражданских работников можно было приобрести всё. Торговля алкоголем, куревом, продуктами, фальшивыми документами, оружием и боеприпасами были повседневным явлением. В Биркенау заключённые-мужчины ночью получали доступ в женский лагерь, они подкупили даже некоторых надзирательниц. Конечно, из-за этого страдала всеобщая дисциплина в лагере. Обладая ценными вещами, можно было получить лучшее рабочее место, доброжелательное отношение капо и старшего по блоку, даже длительное содержание в санчасти с лучшим уходом. Несмотря на строжайший контроль, изменить это положение было нельзя. Еврейское золото стало проклятием лагеря.

Кроме Освенцима существовали, насколько мне известно, следующие установки для уничтожения евреев.

Куленхоф при Литцманнштадте…….. выхлопные газы
Треблинка на Буге……. выхлопные газы
Собибор под Люблином…….. выхлопные газы
Белжец при Лемберге……. выхлопные газы
Люблин (Майданек)……. «Циклон-Б»

Много мест в области рейхскомиссариата Остланд, например, под Ригой. В этих местах евреев расстреливали и сжигали на кострах.

Сам я видел только Куленхоф и Треблинку. Куленхоф больше не действовал. В Треблинке я видел весь процесс. Там было много камер, вмещавших несколько сотен человек, построенных

непосредственно при железной дороге. По платформе, находящейся на уровне вагонов, ещё одетые евреи переходили из них сразу в камеры. В прилегающем помещении запускались моторы больших грузовиков и танков. Выхлопные газы моторов по трубопроводу поступали в камеры и убивали находящихся там. Это продолжалось свыше получаса, пока в камерах не становилось тихо. Через час камеры открывали, вытаскивали трупы, раздевали их и сжигали на стойке, сделанной из рельс. Огонь поддерживался дровами, кроме того, трупы поливали бензином. Во время моего посещения все удушенные газом были мертвы. Но мне говорили, что иногда из-за неравномерной работы моторов выхлопные газы бывали недостаточно сильны, чтобы убить всех находящихся в камере. Многие только теряли сознание, и их приходилось пристреливать. То же самое я слышал в Куленхофе. Эйхман так же говорил мне, что в других местах тоже случаются такие неполадки. Произошло это и в Куленхофе, когда евреи, находившиеся в грузовике, проломили стену и пытались бежать.

Опыт показал, что препарат синильной кислоты «Циклон-Б» безусловно надёжно и быстро причиняет смерть, особенно в сухих, непроницаемых для газа, полностью заполненных помещениях, и когда газ вбрасывают по возможности во многих местах. Я никогда не был свидетелем того, и никогда не слышал, чтобы при открытии газовой камеры в Освенциме через полчаса после вбрасывания газа хотя бы один удушенный остался в живых.

Процесс ликвидации в *Освенциме* происходил следующим образом.

Евреев, предназначенных для уничтожения, проводили по возможности быстрее — мужчин и женщин раздельно — к крематориям. В раздевалке работавшие там заключённые зондеркоманды говорили им на их языке, что они пришли сюда только для купания и уничтожения вшей, что они должны аккуратно сложить свою одежду и запомнить место, в котором её оставили, чтобы потом быстро найти. Заключённые зондеркоманды сами были крайне заинтересованы в том, чтобы процесс закончился быстро и без осложнений. Раздевшись, евреи проходили в газовую камеру, которая походила на душевую, потому что была снабжена душем и водопроводными трубами. Сначала заходили женщины и дети, затем мужчины, поскольку их всегда было меньше. Почти всегда это происходило спокойно, поскольку трусливых и предчувствовавших гибель успокаивали заключённые зондеркоманды. Кроме того, эти заключённые, а также один эсэсовец оставались в камере до последнего момента.

Затем дверь быстро завинчивали, и дезинфекторы через люки в потолке газовой камеры тотчас же подавали газ, кристаллы которого через воздуховод падали на пол. Газ действовал моментально. Через глазок в двери можно было видеть, что стоявшие под люками умирали мгновенно. Можно сказать, что сразу умирала примерно треть. Остальные начинали шататься, кричать и жадно глотать воздух. Но вскоре крик переходил в хрип и через несколько минут лежали уже все. Не позже, чем через 20 минут уже никто не шевелился. В зависимости от погоды, влажной или сухой, холодной или тёплой, в зависимости от качества газа, который не всегда был одним и тем же, от транспорта, от количества здоровых, стариков или больных, детей, действие газа продолжалось от пяти до десяти минут. Сознание теряли уже через несколько минут, в зависимости от удалённости от люков для вбрасывания газа. Кричавшие, старики, больные, ослабшие и дети погибали быстрее здоровых и молодых.

Через полчаса после вбрасывания газа дверь открывали, и включалась вентиляция. Сразу же начинали вытаскивать трупы. Определить телесные изменения было нельзя, не было ни судорог, ни изменения цвета. Лишь после продолжительного лежания, то есть через несколько часов, на телах оказывались обычные трупные пятна. Редким были и испражнения. Каких-либо ранений не отмечалось. Лица никак не искажались.

Затем зондеркоманда удаляла у трупов золотые зубы, а у женщин срезала волосы. Отсюда их поднимали на лифте к уже растопленным печам. В зависимости от качества тела, в одну камеру печи можно было доставить до трёх трупов. От качества тела зависела и продолжительность сжигания. В среднем оно продолжалось 20 минут. Как уже говорилось раньше, в крематориях I и II в течение 24 часов можно было сжечь около 2.000 трупов. Сжечь больше, не повреждая установки, было нельзя. Установки III и IV позволяли сжечь 1.500 трупов в течение 24 часов. По-моему, эти цифры никогда не достигались. Во время непрерывного сжигания прах падал через решётки, его постоянно удаляли и превращали в порошок. Пепел на грузовиках отвозили к Висле и там лопатами бросали в воду. Его сразу же *уносило течением* и он растворялся. С пеплом из ям для сжигания при бункере II из крематория IV делали то же самое. Уничтожение в бункере I и II проходило так же, как в крематориях, только влияние погоды было там еще сильнее… [180]

Рудольф Гесс.
Краков, ноябрь 1946

2. Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер

Взгляды Гиммлера на концентрационные лагеря, на обращение с заключёнными *никогда нельзя было выяснить*. Они также много раз менялись. Он никогда не давал принципиальных установок по поводу обращения с заключёнными и всех связанных с этим вопросов. В его приказах относительно обращения с заключёнными, отданных за все эти годы, содержится много противоречий. Во время посещения Гиммлером лагерей коменданты не могли получить от него ясных, наставляющих указаний о том, как следует обращаться с заключёнными.

Один раз: строжайшее, безоглядно жесткое обращение, а в другой раз: щадящее обращение, необходимость обращать внимание на состояние здоровья, пытаться воспитывать с перспективой освобождения. Один раз: увеличение времени работы до 12 часов и строжайшее наказание за любое проявление лени, в другой раз: премии и создание борделей для тех, кто добровольно повышает производительность труда. Один раз: заготовку некоторыми лагерями ещё доступных продуктов для дополнительного питания заключённых следует прекратить, чтобы не лишать этих продуктов гражданское население, выполняющее тяжёлые работы. В другой раз: комендант несёт полную ответственность за улучшение рациона заключённых, одобренного продовольственными инстанциями, и он обязан делать для этого всё путём заготовок ещё доступных продуктов и сбора дикорастущих съедобных растений. Один раз: в связи с важностью проектов по производству вооружения на состояние здоровья заключённых не следует обращать никакого внимания, из них следует выжимать все возможности до последней. В другой раз: чтобы как можно дольше сохранять пригодность заключённых для производства оружия, следует повсеместно выступать против требований со стороны индустрии по *чрезмерному* повышению производительности труда.

Так колебались его взгляды!

То же самое и в вопросах наказаний. Однажды ему доложили, что применяется слишком много телесных наказаний. В другой раз: дисциплина в лагерях везде упала, надо принять решительные меры и наказывать жёстче!

Один пример. В 1940 Гиммлер внезапно приехал в КЛ Заксенхаузен [181]. Перед самой вахтой он увидел команду заключённых, которая проходила мимо, медленно толкая телегу. Ни конвоиры, ни заключённые не узнали сидевшего в машине РФСС и поэтому они не сняли шапки. Гиммлер проехал мимо вахты и остановился перед входом в лагерь. Поскольку я как раз собирался войти в лагерь, — в то время я был

шутцхафтлагерфюрером, — я смог тут же отрапортовать ему. «Где комендант?» — спросил он очень злобно, не приветствуя. Комендант, штурмбанфюрер Айсфельд, вскоре появился. Между тем Гиммлер уже зашёл в лагерь и стал кричать, что он, Гиммлер, привык встречать в КЛ совсем другой уровень дисциплины, что заключённые уже не здороваются.

Он отверг оправдания коменданта и вообще больше не разговаривал с ним. Он бегло осмотрел здание, в котором сидели особо важные заключённые, и вскоре после этого уехал.

Два дня спустя Айсфельда сняли с должности коменданта Заксенхаузена, а оберфюрера Лорица [182] — в прошлом коменданта Дахау, а затем начальника службы всеобщих СС в Клагенфурте — вернули в КЛ и назначили комендантом. Гитлер снял Лорица с должности коменданта Дахау за то, что он слишком жестоко обращался с заключёнными и мало заботился о лагере.

В 1942 Лорица, согласно предложению Поля, по тем же причинам убрали и из КЛ Заксенхаузен.

По распоряжению Гиммлера заботе о семьях заключённых следовало уделять величайшее внимание, не взирая на причины ареста. Семьи из-за ареста…[183] не должны были оказаться в беде и кро… Сразу же после доставки в лагерь заключённый должен был заполнить формуляр, из которого можно было выяснить его материальное положение.

Начальник политического отдела [184] был обязан по желанию заключённого оповещать соответствующие партийные органы и учреждения NSV о потребностях и необходимости поддержать семью заключённого. Через четыре недели следовало доложить об исполнении. В случае, если этого не происходило, подключались соответствующие инстанции гестапо или криминальной полиции. Если позже заключённый узнавал от своей семьи, что это не было сделано, или было сделано не в полном объёме, он должен был сообщить об этом [185].

Мне известны также случаи, когда Гиммлер предоставлял детям заключённых бесплатные места в национал-политических учебно-воспитательных заведениях. Кроме того, в мирное время не освобождали ни одного заключённого, прежде чем не выяснялся вопрос о средствах к его существованию. После своего освобождения заключённый должен был пройти реабилитацию, и впредь ему не могли наносить материальный ущерб. Сведения о его аресте сохранялись только в картотеке РСХА. Получить об этом сведения, если их необходимость была достаточно обоснованной, можно было только через партийные и полицейские инстанции. Но часто жизнь освободившегося

заключённого сильно, очень сильно осложняли милые друзья народа, желавшие считаться 100-процентными национал-социалистами, либо мелкие злобные функционеры партии. И случалось, что такой бывший заключённый приходил со своей бедой в свой КЛ. Если о подобных случаях становилось известно Гиммлеру, он всегда решительно и жёстко наводил порядок.

Ход войны вынудил привлечь к производству вооружения всю рабочую силу. Но значительные резервы заняты в концентрационных лагерях на невоенных работах. Гиммлер пообещал фюреру, что «победоносное оружие» будет создано силами СС и заключённых.

С этого момента для него существовал только один девиз: безоглядное трудоиспользование всех имеющихся заключённых для производства вооружения…, а для РСХА: новые [акции] гестапо по доставке заключённых, [а] для Эйхмана: [активизировать] свои еврейские акции.

Гиммлер сказал военной индустрии: ст[ройте рабочие] лагеря и требуйте у меня рабочую силу через Министерство [вооружен]ия, её предостаточно! Он уже обещал десятки, даже сотни ты[сяч] заключённых, полученных в результате ещё не [начатых] акций, результаты которых нельзя было оценить. Ни Поль, ни Кальтенбруннер не осмеливались отговаривать Гиммлера от обещания ещё неизвестного контингента [заключённых].

Хотя Гиммлер, благодаря ежемесячно предоставляющимся, детально проработанным от[чётам] имеет представление о КЛ, а также о состоянии заключённых, [их] положении и трудоиспользовании, он продолжает подгонять и напирать: оружие! заключённые! оружие! Даже Поль заразился постоянной горячкой Гиммлера и начал со своей стороны обрабатывать комендантов и, соответственно, Инспекцию КЛ и D II (Маурера [186]), требуя от них отдавать все силы исключительно этому важнейшему заданию, — поставлять заключённых для военных заводов, — делать всё, чтобы справиться с ним.

Теперь оказалось, что хотя военная промышленность имеет чудовищную, ненасытную потребность в рабочей силе, прогресса в постройке помещений нет. К постройке этих рабочих лагерей при военных заводах подключилась ОТ. Из-за недостатка собственной рабочей силы она тоже потребовала заключённых. Где их разместить? Маурер дни и ночи проводит в командировках, он отказывается принимать большую часть временных помещений, поскольку в них отсутствует самое элементарное. Из-за этого начало трудоиспользования снова задерживается. Гиммлер буйствует, назначает следственную

комиссию с особыми полномочиями по выявлению виновных. Освенцим до отказа набит заключёнными, которые ждут транспортов для отправки в лагеря при военных заводах. Новые транспорты от Эйхмана уже подъезжают, Освенцим набивается ещё плотнее. Перевод важнейших оружейных предприятий под землю, естественно, замедляется, отставание доходит уже по крайней мере до двух лет.

Гиммлер назначает своим комиссаром в этом мероприятии д-ра Каммлера[187]. Каммлер тоже не волшебник, и проходят недели, даже месяцы без всякого продвижения вперёд.

Воздушные налёты всё это замедляют, задерживают, даже парализуют на месяцы. Гиммлер продолжает подгонять, данное им обещание мучает его. В Освенциме тысячи работоспособных погибают, не успев даже увидеть своего рабочего места на военном заводе. В созданных по приказу рабочих лагерях заключённые приходят в негодность, не успев создать что-нибудь «победоносное». Их возвращают в КЛ, чтобы они стали «здоровыми и вновь работоспособными» — а на самом деле, чтобы ухудшить общее положение, уровень которого из-за условий военного времени и так опустился ниже пределов человеческих возможностей, и, наконец, совершенно обессилеть и стать жертвами какой-нибудь эпидемии.

Всё это Гиммлер знал благодаря личным посещениям лагерей, письменным и устным докладам, которые для него делали соответствующие инстанции. Но всё это его не заботило. Пусть с этими бедами разбираются отдельные службы. Он продолжал категорически требовать: «Больше заключённых, повысить производительность, форсировать трудоиспользование!» Каждому, кто замедлял темп, он угрожал судом СС!

Лично я во время своей принадлежности к СС имел следующие встречи с Гиммлером:

В июне 1934, в Штеттине, во время смотра СС в Померании. Г. спросил меня, не хочу ли я пойти в кадровые СС на службу в концентрационном лагере? Лишь после долгих совещаний с женой — ведь мы хотели жить вместе — я решился на это, потому что хотел снова стать кадровым солдатом. 1.XI.1934 инспектор КЛ Айке вызвал меня в Дахау.

1936: Большой осмотр всех учреждений СС, включая КЛ в Дахау, всеми гауляйтерами, рейхсляйтерами, всеми группенфюрерами СС и СА, который провёл Гиммлер. В то время я — рапортфюрер и замещаю отсутствовавшего шутцхафтлагерфюрера. Гиммлер в прекрасном настроении, потому что осмотр идёт прекрасно. В КЛ Дахау в это время тоже

всё в порядке. Заключённые хорошо накормлены, чистые, хорошо одеты и расселены, большинство работает в мастерских, больных так мало, что не стоит и упоминать. Общее их количество около 2.500, размещены в 10 каменных бараках. Гигиенические условия в удовлетворительном состоянии. Воды достаточно. Нательное бельё меняется раз в неделю, а постельное — раз в месяц. Одна треть заключённых — политические, две трети — PVH [188], асоциалы и выполняющие принудительные работы, гомосексуалисты и около 200 евреев.

Во время осмотра Гиммлер и Борман говорили со мной и [оба] спрашивали, доволен ли я своей службой, интересовались, как поживает моя семья. Вскоре после этого меня произвели в унтерштурмфюреры. Во время осмотра Гиммлер, как обычно, выбрал нескольких заключённых и в присутствии собравшихся гостей спрашивал их о причинах ареста. Было несколько коммунистов, которые совершенно честно признались, что они остались коммунистами и будут ими впредь. Несколько профессиональных преступников значительно приуменьшили список своих судимостей — но быстро просмотренная картотека заключённых заставила их освежить в памяти перечень этих наказаний. Такое поведение было для BV типичным, и я встречался с этим постоянно. Гиммлер наказал солгавших работой в течение нескольких воскресных дней. Затем — несколько асоциалов, которые постоянно пропивали свой заработок и предоставляли свои семьи попечению благотворительных организаций. Затем бывший социал-демократический министр из Брауншвейга, д-р Яспер [189] и несколько евреев-эмигрантов, которые вернулись из Палестины, и которые находчиво и точно отвечали на задававшиеся со всех сторон вопросы.

Следующая встреча произошла летом 1938 в КЛ Заксенхаузен. Рейхсминистр внутренних дел д-р Фрик в первый раз посетил концентрационный лагерь. С ним были все обер-президенты, премьер-министры и начальники полиции крупнейших городов. Гиммлер водил их и давал пояснения. В то время я был адъютантом коменданта лагеря, во время осмотра находился рядом с Гиммлером и мог хорошо рассмотреть его. Он был в прекрасном настроении. Он явно был доволен тем, что наконец-то смог показать министру внутренних дел и господам из полицейских управлений рейха один из пресловутых таинственных концлагерей. Его засыпали вопросами, а он отвечал на них спокойно и любезно, но часто с сарказмом. На неудобные для него вопросы, например, о количестве заключённых или на другие, он отвечал уклончиво, но тем более любезно (согласно

приказу РФСС, вся статистика КЛ была засекречена). Думаю, что в то время КЛ Заксенхаузен насчитывал около 4.000 заключённых, большей частью профессиональных преступников, которые проживали в чистых деревянных бараках, разделённых на спальни и дневные помещения. Питание, по общему мнению, было хорошим и достаточным, одежда удовлетворительной и чистой, поскольку в лагере имелась совсем новая прачечная. Больницы с лечебными кабинетами были образцовыми, заболеваемость низкой. Кроме помещения камерного типа, осматривать которое нельзя было никому из посторонних, — там сидели в основном особые заключённые РСХА, — все постройки лагеря были показаны. От критического взгляда этих старых правительственных и полицейских чиновников явно ничего не укрылось. Фрик отнёсся ко всему с большим интересом, и во время обеда заявил, что ему следует стыдиться того, что впервые он посетил концлагерь так поздно (в 1938).

Инспектор КЛ Айке рассказал о других лагерях и их особенностях.

Несмотря на нехватку времени и на то, что ему приходилось отвечать на многочисленные вопросы, Гиммлер нашёл возможность поговорить со мной лично и отдельно справиться о моей семье. Это он делал при любой возможности, и, похоже, не только из вежливости.

Следующую встречу с Гиммлером в 1940 я уже описывал. Это был инцидент с командой заключённых, которые его не поприветствовали.

Ноябрь 1940. Мой первый устный доклад у Гиммлера об Освенциме со штурмбанфюрером Фогелем из [службы] WV — WVHA [190]. Я подробно и без прикрас описал все неполадки, которые в то время были довольно ощутимы, но не шли ни в какое сравнение с катастрофическим положением последних лет. При этом он почти не высказывался, только сказал, что как комендант я должен заботиться об устранении недостатков, как если бы это было моим личным делом. Кроме того, идёт война, приходится больше импровизировать, пора и в КЛ избавляться от взглядов мирного времени. Солдату на фронте тоже приходится переносить очень многое, так почему бы и заключённым не потерпеть? На мои постоянные напоминания об опасности эпидемий из-за недостатка гигиенических устройств он ответил кратко: у вас слишком мрачные взгляды!

Интерес в нём проснулся лишь тогда, когда я начал давать пояснения, используя карту. Он тут же изменился. Он оживлённо подошёл к плану, и стал давать указания или отмечать всё, что должно появиться на этих землях: Освенцим должен стать

опытной сельскохозяйственной станцией на востоке. Там имеются возможности, которых прежде у нас в Германии не было. Рабочей силы достаточно. Там надо будет проводить каждый из возможных сельскохозяйственных опытов. Должны появиться большие лаборатории и растениеводческие станции. Разведение скота всех значительных пород и рас. Фогель должен немедленно позаботиться о специалистах. Создать пруды и осушить местность, построить дамбу на Висле [191] — вот по-настоящему трудные задачи, перед которыми описанные прежде неполадки в лагере ни черта не значат. В ближайшее время он хочет ещё раз сам осмотреть всё в Освенциме. Он продолжал говорить о сельскохозяйственном планировании, вникая в мельчайшие детали, до тех пор, пока дежурный адъютант не напомнил ему о визите давно ожидавшегося важного лица.

Хотя интерес Гиммлера к Освенциму проявился, но не до такой степени, чтобы устранить недостатки и, соответственно, предотвратить их возникновение в будущем, не говоря уже об их приумножении путём нежелания ничего видеть!

Мой друг Фогель был в восторге от таких планов строительства сельскохозяйственных опытных станций. Я, как фермер, — тоже. Но как комендант лагеря я потерял всякую надежду сделать Освенцим здоровым и чистым. Мне оставалось только одно: робко надеяться на его визит в ближайшее время, о котором он сказал. Я надеялся, что при его личном посещении удастся заручиться его помощью в устранении явных недостатков и неполадок. Между тем я, чтобы предотвратить самое худшее, продолжал строить и «импровизировать». Но удавалось немногое, я не успевал за увеличением лагеря, за постоянно возраставшим количеством заключённых. Едва заканчивалась постройка барка, рассчитанного на размещение 200 заключённых, как у платформы останавливался транспорт с 1.000 и более заключённых. Жалобы в Инспекцию КЛ или в РСХА и службу безопасности ничуть не помогали. «Акции, о которых распорядился РФСС, должны проводиться!» — таков был неизменный ответ.

1 марта 1941 Гиммлер, наконец, прибыл в Освенцим. А с ним — гауляйтер Брахт, премьер-министры, высшие чины СС и начальник силезской полиции [192], важные господа из «И. Г. Фарбениндустри» и Глюкс из Инспекции КЛ.

Глюкс прибыл заранее, и долго напоминал мне, что я не должен говорить РФСС ничего неприятного. А я мог говорить *только* о неприятном. Используя план, я показал Гиммлеру, в каком состоянии принял лагерь, как расширил его, в каком положении он находится сегодня. Конечно, я не смог рассказать в присутствии посторонних о том, что мне мешает и чего мне не

хватает. Но во время продолжительной поездки по местности, когда мы с Гиммлером и Шмаузером находились в машине одни, я наверстал упущенное, и сделал это основательно и без утайки. Но ожидаемого действия это не возымело. Даже когда мы шли через лагерь, и я украдкой указывал Гиммлеру на худшие из недостатков, недостаток воды и т. п., он меня практически не слышал. Я не раз просил его о приостановке доставок, но он меня, наконец, резко оборвал. Ни на какую помощь от него я рассчитывать не мог. Напротив, после обеда — в столовой при эсэсовском амбулатории — он как раз и начал говорить о новом задании для Освенцима: строительство ЛВП [в оригинале — «KGL», то есть Kriegsgefangenenlager — лагерь для военнопленных. — *Прим. пер.*] для 100.000 военнопленных, он уже на местности об этом говорил и нашёл для этого подходящее место. Гауляйтер высказался против, премьер-министр попробовал указать на такие препятствия, как нехватка воды и неясный вопрос с осушением. Гиммлер только с улыбкой отмахнулся от них: господа, это будет сделано, мои основания для такого решения важнее ваших доводов! Для нужд И. Г. и для продолжения строительства уже приготовлены 10.000 заключённых. КЛ Освенцим расширен до размеров, необходимых для содержания в мирное время 30.000 заключённых. Я намерен перенести сюда важные отрасли вооружения. Свободного места тут достаточно. Сюда же — опытные сельскохозяйственные станции и усадьбы.

И всё это — при нехватке материалов, уже ставшей весьма ощутимой в Верхней Силезии. Гауляйтер обратил на это внимание. А Гиммлер ему: а для чего же конфискованные СС кирпичные заводы, а для чего же цементная фабрика? Всё это надо использовать активнее, либо КЛ получит несколько предприятий на собственный счёт! Осушение, как и снабжение водой — это чисто технические вопросы, которые должны разрешать специалисты, но которые не должны служить обоснованием бездействия. Расширение строительства следует продолжать всеми средствами. С импровизациями придётся смириться, если вспыхнет эпидемия, она будет беспощадно подавлена! Но доставки в лагерь принципиально не будут прекращены. Предписанные мной полицейские акции должны продолжаться. О трудностях в Освенциме я ничего не хочу знать! Ко мне: а как вы с этим справитесь, решайте сами.

Незадолго до отъезда Гиммлер посетил мою семью и поручил мне надстроить дом — из соображений престижа. Опять он весьма любезен и разговорчив, хотя только что, во время обсуждения, был очень краток и сердит. Глюкс потрясён моими

настойчивыми возражениями рейхсфюреру. Он не смог бы мне помочь. Что касается кадровых вопросов, перемещений по службе т. д., он тоже не смог бы оказать мне помощь, у него нет лучших офицеров и младших командиров. Он не может потребовать от других комендантов лагерей сменить хорошие кадры на плохие. «Всё будет не так уж плохо, и вы с этим справитесь!» — таким был конец моей беседы со своим начальником.

Так окончился визит Гиммлера, на который я возлагал столько надежд! Никакой помощи, ни с какой стороны! Я должен был один всё это закончить, должен был помогать себе сам!

Я с головой ушёл в работу. Поблажек не получал ни эсэсовец, ни заключённый. Имеющиеся возможности надо было использовать до конца. Мне ещё приходилось покупать, *воровать*, отбирать материалы всякого вида. Я должен был помогать себе сам! И я делал это основательно! Благодаря хорошим отношениям с промышленностью [193], я также собрал множество материалов.

Лето 1944. Гиммлер велел мне прибыть в Берлин, чтобы отдать мне столь роковой и столь жёсткий приказ о массовом уничтожении евреев из почти всей Европы, в результате чего Освенцим стал крупнейшим местом уничтожения в истории, [и] вследствие [чего], — из-за отбора и накопления работоспособных евреев и вызванной этим катастрофической перегрузкой с сопутствующими явлениями, — тысячам, тысячам и тысячам неевреев, которые должны были остаться в живых, пришлось умирать от болезней и эпидемий, которые были вызваны теснотой, недостаточным питанием, непригодной одеждой и значительным недостатком гигиенических установок.

Вину за это целиком и полностью несёт Гиммлер, который игнорировал все сообщения о таком положении, беспрерывно поступавшие ему из компетентных инстанций, — он не устранял причину и не оказывал никакой помощи.

Содержание этого чудовищного приказа я уже изложил в другом месте [194]. При отдаче этого приказа Гиммлер был чрезвычайно, непривычно серьёзен и немногословен. Вся беседа так же оказалась краткой и сугубо деловой.

Следующая встреча произошла летом 1942, когда Гиммлер во второй и последний раз посетил Освенцим [195] Визит продлился два дня, и Гиммлер всё осмотрел досконально. Во время визита среди прочих присутствовали гауляйтер Брахт, обергруппенфюрер Шмаузер, д-р Каммлер. После прибытия в лагерь я вначале с помощью карт описал положение лагеря. Затем перешли к строительству, и Каммлер с помощью карт, схем и моделей рассказал о предусмотренных или уже находящихся в

процессе постройки сооружениях, [не] умолчав при этом о трудностях, с которыми приходится сталкиваться, или [о том,] что некоторые планы вообще невозможно осуществить. Гиммлер с интересом слушал, задал несколько технических вопросов, согласился с общим планом, но трудности, про которые всё время говорил Каммлер, до него не дошли. Затем была совершена поездка по всем объектам. Вначале — сельскохозяйственные дворы и мелиорационные работы, строительство дамбы, лаборатории и опытные станции в Райско [196], скотный двор и древесный питомник. Затем Биркенау, русский лагерь, цыганский сектор, еврейский сектор. С высоты башни над входом ему была показаны разбивка лагеря и строительство сооружений по водоснабжению и мелиорации. Там же ему дали пояснения о планах расширения лагеря. Он осмотрел заключённых на работе, посетил жилые помещения, кухни и амбулатории. Я всё время указывал ему на недоделки и недостатки. Он всё это тоже видел. Видел изможднённых жертв эпидемии — врачи давали беспощадные и однозначные пояснения, — видел переполненную амбулаторию, видел детскую смертность от номы. Гиммлер видел переполненные уже тогда бараки, видел примитивные и недостаточные уборные и моечные установки. Врачи рассказывали ему о высоких показателях заболеваемости и смертности, об их причинах. Он требовал точнейших пояснений, осматривал всё точно и правильно, во всей неприглядности и достоверности — и при этом молчал. В Биркенау, поскольку я и там не переставал описывать ему скверное состояние, он накричал на меня: «Я больше не желаю слышать о трудностях! Для офицера СС не существует трудностей, он обязан самостоятельно и немедленно их устранять! А над тем, *как* это сделать, ломайте голову *вы*, а не я!» Каммлеру и Бишофу [197] пришлось выслушать нечто подобное.

Во время посещения Биркенау он наблюдал за всем процессом уничтожения только что прибывшего еврейского транспорта. Некоторое время он смотрел, как отбирают работоспособных евреев, не высказывая при этом недовольства. Во время процесса уничтожения он никак не высказывался, а только молча смотрел. При этом он много раз незаметно смотрел на принимавших в этом участие офицеров и унтерфюреров, а также на меня.

Затем был предпринят осмотр завода по производству буны. Он внимательно осмотрел здания, а также заключённых и рабочих, которые их строили. Видел и слышал сообщения о состоянии их здоровья. Каммлеру он сказал: «Вы всё жалуетесь на трудности, а посмотрите-ка, как при тех же трудностях за год

было построено «И. Г. Фарбениндустри»!

О контингенте и возможностях, о тысячах специалистов, которыми располагало И. Г., - в то время их было около 30.000, - он не сказал ничего. Гиммлер спрашивал о производительности труда заключённых, слышал уклончивые ответы со стороны И. Г. При этом он сказал мне, что я во всяком случае мог бы повысить достижения! Как — это, опять же, моё дело, хотя он только что слышал от гауляйтера и от И. Г., что вскоре придётся значительно сократить рацион всех пленных, и видел, каково общее состояние заключённых. От завода по производству буны перешли к установке по выработке болотного газа, где из-за поистине непреодолимой нехватки материалов вперёд дела не шли. Одним из самых болезненных, вызывавших всеобщую озабоченность явлений в Освенциме было следующее: сточные воды шталага без какой-либо очистки сливались непосредственно в Солу. Из-за постоянно бушевавших в лагере эпидемий население давно подвергалось опасности. Гауляйтер описал такое положение вполне однозначно и прямо попросил о помощи. «Каммлер возьмётся за это самым энергичным образом» — таков был ответ Гиммлера. Осмотренные вслед за тем плантации кок-сагыза [198] (натурального каучука) заинтересовали его гораздо больше.

Гиммлеру всегда было интереснее и приятнее слушать о позитивном, чем о негативном. Благосклонностью пользовался тот офицер СС, который умел докладывать только о позитивном или выдавать негативное за позитивное!

Вечером первого дня визита состоялся совместный ужин гостей и всех офицеров гарнизона Освенцим. Каждый представился Гиммлеру. Тех, кто его заинтересовал, он подробнее расспрашивал о семьях и о ходе службы. За ужином он расспрашивал меня о некоторых замеченных им офицерах. Пользуясь возможностью, я описал ему свои личные нужды, рассказал о непригодности огромной части офицеров к службе в КЛ и, соответственно, в охране, и попросил об их замене и усилении охраны. «Вы будете удивлены тем, — был его ответ, — с какими офицерами вам ещё придётся смириться! Каждый пригодный для фронта офицер СС, унтерфюрер и рядовой эсэсовец нужен мне на фронте. По тем же причинам невозможно усиление. Придумывайте технические средства, чтобы заменять охранников. Используйте для охраны побольше собак. Мой уполномоченный по собаководству в ближайшее время познакомит вас с новейшими способами использования собак вместо охранников. Количество побегов из Освенцима необычно высоко, такого в КЛ ещё не бывало. *Любое средство*…» — он повторил — «… любое средство для предотвращения побегов

будет считаться пригодным! Эпидемия побегов из Освенцима должна быть прекращена!»

После этого ужина гауляйтер пригласил РФСС, Шмаузера, Каммлера, Цезаря [199] и меня к себе домой под Катовице. Гиммлер должен был остановиться там, поскольку на другой день хотел обсудить с гауляйтером важные вопросы, касающиеся «списка германских граждан» и переселения. По желанию Гиммлера к гауляйтеру прибыла также моя жена.

Хотя днём Гиммлер время от времени обнаруживал очень плохое настроение, бывал даже отталкивающим, вечером его в этом маленьком обществе как будто подменили. Он был в прекрасном настроении, поддерживал беседу и был крайне любезен, особенно по отношению к обеим дамам, жене гауляйтера и моей жене. Он говорил на самые разные темы, говорил о воспитании детей и новых поселениях, о картинах и книгах. Он рассказывал о приключениях дивизии Ваффен-СС на фронте и о поездке на фронт с фюрером. Он намеренно избегал событий минувшего дня, ни словом не напоминал ни о них, ни о служебных вопросах. Попытки гауляйтера вернуться к ним он пропускал мимо ушей.

Всё это закончилось довольно поздно. Во время этого вечера пили мало. Гиммлер, почти не употреблявший алкоголь, выпил один стакан красного вина и курил, чего он обычно также не делал. Его рассказы и прекрасное настроение не оставили места больше ни для чего. Никогда я ещё не видел его таким!

На второй день я с Шмаузером заехал за ним, и осмотр продолжился. Он осмотрел шталаг, кухни, женский лагерь, — тогда он охватывал первый ряд бараков от комендатуры до блока 11, - мастерские, стойла, «Канаду» и DWA, мясоразделочное отделение и пекарню, строительный двор и хозяйственный лагерь охраны. Он всё хорошо осмотрел, видел заключённых, справился обо всех видах ареста и количестве. Тем утром он не дал себя водить, но сам стремился увидеть то одно, то другое. В женском лагере он видел тесноту, недостаточное количество уборных и нехватку воды, приказал начальнику администрации доложить о положении с одеждой и бельём, убедился в нехватке всего. Он потребовал разъяснений по поводу пищевого рациона и добавок за тяжёлую работу.

В женском лагере он велел исполнить телесное наказание одной профессиональной преступницы (проститутки), которое постоянно воровала всё, до чего могла добраться. Он хотел определить его действенность. Санкции на исполнение телесных наказаний в отношении женщин он оставил лично за собой. Он освободил нескольких представленных ему женщин, которые

были арестованы за незначительные преступления. Говорил с несколькими исследовательницами Библии об их фанатичной вере. После осмотра он прибыл в мой служебный кабинет для заключительной беседы.

Там он в присутствии Шмаузера сказал мне примерно следующее: «Я основательно изучил Освенцим. Я всё видел, достаточно насмотрелся на все недостатки и трудности, наслушался ваших рассказов. Изменить что-либо я тоже не могу. Смотрите сами, как будете с этим управляться. Мы воюем, и надо учиться думать с учётом военного времени. Предусмотренные мной охранно-полицейские акции не могут быть остановлены ни в коем случае, и менее всего — из-за продемонстрированной мне нехватки помещений и т. д. Реализация программы Эйхмана продолжается, и от месяца к месяцу её темп будет нарастать. Смотрите сами, как продолжить развитие Биркенау. Цыгане подлежат уничтожению. Так же беспощадно вы уничтожите неработоспособных евреев. В ближайшее время рабочие лагеря при военных заводах примут первые большие контингенты работоспособных евреев, затем вы тоже немного передохнёте. В Освенциме оружейное производство тоже будет расширяться, готовьтесь к этому. В строительстве Каммлер окажет вам существенную поддержку. Сельскохозяйственные опыты будут интенсивно продолжаться. Я нуждаюсь в скорейших результатах. На вашу работу и достижения я посмотрел. Я доволен вами, благодарю вас, и присваиваю вам чин оберштурмбанфюрера [200]!»

Так завершился визит Гиммлера в Освенцим. Он всё видел и знал о последствиях [sic!]. Было ли его «Я тоже не могу помочь!» умышленным?

После беседы в моём кабинете он ещё осмотрел мою квартиру и обстановку, был этим восхищён, и ещё некоторое время побеседовал с моей женой и детьми: он был оживлён и находился в лучшем настроении. Я отвёз его на аэродром, где он кратко попрощался и улетел в Берлин.

Война приближалась к концу. Наступление русских в январе 1945 заставило РФСС решать, эвакуировать ли КЛ при вражеском приближении, или отдавать их врагу. Гиммлер приказал эвакуировать и уводить заключённых в КЛ, оставшиеся далеко позади [201]. Этот приказ стал смертным приговором для десятков тысяч заключённых. Лишь немногие заключённые перенесли преимущественно пешие марши или перевозку на принудительно доставленных транспортах, в открытых грузовых вагонах при 20° — при снеге, при невозможности отыскать продовольствие. В лагерях, которые их принимали, они ухудшали и без того

бесчеловечную обстановку, которая там господствовала. Мёртвых уже не могли сжигать. Но приказ продолжал действовать, при приближении врага следовало продолжать эвакуацию.

Когда угроза нависла над Бухенвальдом, Поль вместе с РСХА добился от Гиммлера решения, по которому Бухенвальд в порядке исключения, после вывоза оттуда известных и важных заключённых, был оставлен врагу. Ибо провести пешим маршем 100.000 заключённых Бухенвальда, преимущественно больных, по густонаселённой Тюрингии было бы невозможно [202]. Ведь вражеская авиация уже практически вывела из строя железную дорогу.

Фюреру было доложено, что после оккупации Бухенвальда американцами заключённые вооружились и занялись грабежами и насилиями в Веймаре. Поэтому Гиммлер приказал, чтобы в виду приближения врага все без исключения КЛ и рабочие лагеря освобождались от заключённых, способных к выходу на марш. Скоро все КЛ или рабочие лагеря шли маршем по шоссе к ближайшему КЛ или РЛ. Возник страшный хаос. Средств связи уже почти не было, и управлять в этой суматохе было уже нельзя.

В Заксенхаузене я сам пробовал ещё раз через РСХА (Мюллер) добиться от РФСС отмены этого приказа, ставшего сущим безумием. Никакого эффекта. Гиммлер прямо приказал эвакуировать последние лагеря. Куда, он, впрочем, не сказал! За невыполнение этого приказа или промедление соответствующий комендант ответит своей головой. Представители Красного Креста давно у меня, они хотят взять лагеря под защиту Красного Креста. Гиммлер отклоняет это предложение.

Возможностей спасения больше нет. На всех оставшихся шоссе и просёлочных дорогах, и без того забитых беженцами и отступающими частями вермахта, появляются жалкие колонны шатающихся на ходу заключённых. Получать питание они смогут в течение двух-трёх дней, затем и это оказывается невозможным. Попутно следует Красный Крест, чтобы с помощью подарочных посылок предотвратить худшее. Я сам в дороге днём и ночью, чтобы подготовить сборные пункты в рабочих лагерях, чтобы организовать там пункты питания и оказания помощи больным.

Враг, голод и болезни оказываются быстрее! Колонны обгоняются врагом. Тысячи убитых и больных лежат на обочинах дорог, по которым они шли.

А в «эвакуированных» КЛ и РЛ тысячи мертвых и умирающих, которых уже нельзя накормить. Это конец КЛ и это потрясающе ужасная картина, которую видит вошедший враг, — созданная безумным планом Гиммлера об эвакуации!

3 мая 1945 я встретил Гиммлера в последний раз. В

соответствии с приказом, остаток Инспекции КЛ прибыл вслед за РФСС во Фленсбург. Там ему доложили о себе Глюкс, Маурер и я. Он пришёл как раз после совещания с остатками правительства. Он выглядит свежо и бодро, у него наилучшее настроение! Он приветствует нас и тут же приказывает: Глюкс и Гесс идут как армейские унтер-офицеры под другими именами, под видом отбившихся от своих частей. Они переходят через границу в Данию, и там ложатся на дно. Маурер с остатками Инспекции КЛ также скрывается в вермахте. Всё остальное сделает штандартенфюрер Хинтц, начальник полиции Фленсбурга. Он пожимает нам руки и мы свободны! В то время при нём были ещё профессор Гебхартд и Шелленберг из РСХА [203]. Как сказал Гебхардт Глюксу, Гиммлер собирался скрыться в Швеции.

Гиммлер хотел создать СС как мощную и непобедимую организацию, которая гарантировала бы защиту будущего национал-социалистического государства. Достижению этой цели служили все его законы воспитания и отбора. Он всегда требовал жёсткости и самодисциплины, использования всей личности вплоть до самоотдачи! Выполнение полученного приказа — выше всех личных соображений. Отречение от собственной воли, подчинение её требованиям идеи национал-социализма.

В мирное время он пытался продолжать очищение СС от непригодных и неспособных элементов через постоянный отсев на курсах и занятиях — сначала офицеров всеобщих СС. Позднее отсеву подвергались также унтерфюреры и рядовые. Офицер, провалившийся на проверке, уже никогда не мог быть повышен в чине, и лучше всего для него было добровольно выбыть из СС. От всех офицеров СС младше 50 лет он требовал выполнения норм, необходимых для получения спортивного значка. Каждый офицер должен был уметь ездить верхом, фехтовать и водить автомобиль. Незадолго до войны должны были учредить спортивный значок СС, получение которого требовало также мужества — например, прыжки с парашютом, искусство спасения утопающих и др. От служащих Ваффен-СС, то есть действующих частей, требовали необходимой твёрдости, причём офицер должен был проявлять особую твёрдость. Всё воспитание было нацелено на твёрдость и самодисциплину. Особое внимание он уделял отбору среди молодёжи. Пополнение следовало постоянно проверять и фильтровать, требования [должны были] становиться всё жестче и труднее. Только тех, которые смогли дорасти до удовлетворения уже почти нечеловечески жёстких требований, — как физических, так и психических, — можно было, после длительных проверок, принять в «орден СС».

Путём всестороннего служебного использования и учебных

курсов в эсэсовской академии офицер СС должен был получить необходимый опыт и всесторонние знания и навыки, чтобы позднее найти применение во всех важных инстанциях будущего государства.

Это описание создано по воспоминаниям и оно ни в коем случае не полно. Конечно, я многое забыл. Но описания могут лишь приблизительно воссоздать образ и дела человека, который в Третьем рейхе играл столь роковую роль. Они могут быть далеко не объективными, поскольку я и сам слишком зависим от обстоятельств. Но таким *я* встречал РФСС Генриха Гиммлера, таким *я* его видел.

Краков, ноябрь 1946

Рудольф Гесс

Именной указатель [204]

Аумайер, Ганс (гауптштурмфюрер СС, шутцхафтлагерфюрер КЛ Освенцим) 90, 123

Баер, Рихард (штурмбанфюрер СС, последний комендант Освенцима) 140

Батавия, Станислав (польский криминолог) 10, 11

Барановски, Германн (штандартенфюрер СС, в 1938–1939 комендант Заксенхаузена) 68, 87

Берндорф, Эмиль (штурмбанфюрер СС, начальник отдела IV С 2 РСХА)

Бишоф, Карл (штурмбанфюрер СС, начальник строительства КЛ Освенцим) 177

Блобель, Пауль (штандартенфюрер СС) 157

Борман, Мартин (начальник партийной канцелярии) 36, 172

Брахт, Фриц (премьер-министр и гауляйтер Верхней Силезии) 157, 174, 177

Бюлер, Йозеф (статс-секретарь генерал-губернатора в Польше)146

Бургсдорф, Курт фон (губернатор округа Краков) 146, 149

Бурше, Юлиус (епископ евангелической церкви Польши) 83

Цезарь, Иоахим (оберштурмбанфюрер СС, начальник сельскохозяйственных предприятий Освенцима) 114, 178

Канарис, Вильгельм (шеф отдела контрразведки верховного главнокомандования вооружённых сил) 181

Деяко, Вальтер (оберштурмфюрер СС, строительство КЛ Освенцим) 157

Дойбель, Генрих (оберфюрер СС, в 1935–1936 комендант КЛ Дахау) 54

Дюррфельд, Вальтер (директор завода по производству буны

при Освенциме) 175
Эйхман, Адольф (оберштурмбанфюрер СС, начальник отдела IV B 4 РСХА) 8, 122, 133, 153, 157, 162, 165, 167, 179
Айке, Теодор (обергруппенфюрер СС, в 1934–1939 инспектор КЛ) 8, 15, 53–56, 64–75, 83, 86, 89, 97, 108, 138, 143, 171
Айсфельд, Вальтер (штурмбанфюрер СС, в 1939–1940 комендант Заксенхаузена) 86, 168
Эшен (еврейский блокэльтесте в КЛ Дахау) 108
Франк, Ганс (в 1933–1934 министр юстиции Баварии, в 1939–1945 генерал-губернатор Польши) 54, 80
Фрик, Вильгельм (рейхсминистр внутренних дел) 172
Фрицш, Карл (гауптштурмфюрер СС, шутцхафтлагерфюрер КЛ Освенцим) 90, 93, 97, 100, 122, 155
Фрицше, Ганс (начальник отдела прессы и радио в имперском Министерстве пропаганды) 145
Гайовничка, Францишек (польский заключённый в Освенциме) 100
Гебхардт, Карл (обергруппенфюрер СС, старший врач-клиницист при главном имперском враче СС) 144, 181
Гилберт, Г. М. (американский тюремный психиатр в Нюрнберге) 8, 10, 14, 19, 121, 174
Глобочник, Одило (группенфюрер СС, начальник СС и полиции Люблина) 8, 119, 123
Глюкс, Рихард (группенфюрер СС, преемник Айке в должности инспектора КЛ) 87, 93, 97, 118, 131, 138, 143, 162, 170, 174, 181
Геббельс, Йозеф (имперский министр пропаганды) 109, 140
Геринг, Германн 14
Гёт, Амон Леопольт (штурмбанфюрер СС) 146
Гюнтер, Ганс (штурмбанфюрер СС, сотрудник Эйхмана) 134, 162
Гюртнер, Франц (имперский министр юстиции) 76
Хаас, Адольф (оберштурмбанфюрер СС, комендант КЛ Берген-Бельзен до октября 1944) 135
Хартйенштейн, Фридрих (оберштурмбанфюрер СС, командир полка охраны КЛ Освенцим) 118, 130, 136
Гейнен, Иоганн (рабочий из Дессау, в 1939 расстрелян в КЛ Заксенхаузен) 69
Герф, Максимилиан, фон (обергруппенфюрер СС, начальник Главного управления кадров СС) 131
Гесс, Рудольф (заместитель фюрера) 68
Гейдрих, Рейнхард (обергруппенфюрер СС, шеф РСХА) 15, 54, 71, 7, 9, 88, 133
Гиммлер, Генрих (рейхсфюрер СС и шеф германской

полиции) 8, 15, 18, 52, 56, 65, 67, 69–73, 75–79, 86, 88, 93, 96, 104–107, 110, 112, 114, 118–121, 123, 128, 131, 133–139, 142, 147, 153, 156–162, 167-182

Гинденбург, Поль фон 50

Гитлер, Адольф 37, 69, 75, 81, 120, 127, 129, 134, 140, 143, 149, 153, 180

Хёфле, Ганс (гауптштурмфюрер СС) 123

Гёсслер, Франц (унтерштурмфюрер СС, шутцхафтлагерфюрер Биркенау, КЛ Дора, КЛ Берген-Бельзен) 157

Яспер, Генрих (брауншвейгский премьер-министр) 172

Юриш, Бернхард (соучастник убийства по приговору фемгерихт в Пархиме) 37

Кадов, Вальтер (жертва пархимского убийства по приговору фемгерихт) 36

Кальтенбруннер, Эрнст (обергруппенфюрер СС, шеф РСХА) 7, 133, 145, 170

Каммлер, Гейнц (группенфюрер СС, шеф служебной группы С РСХА) 136, 138, 171, 176-179

Кейтель, Вильгельм (начальник верховного главнокомандования вооружённых сил) 82, 143

Кох, Карл-Отто (штандартенфюрер СС, комендант КЛ Бухенвальд в 1937–1941) 65, 89

Крамер, Йозеф (гауптштурмфюрер СС, комендант КЛ Берген-Бельзен в 1944–1945) 135

Лангефельд (старшая надзирательница женского лагеря КЛ Освенцим) 115

Ланс (адмирал) 81

Либехеншель, Артур (оберштурмбанфюрер СС, преемник Гесса в должности коменданта КЛ Освенцим) 130, 138

Лёрнер, Георг (группенфюрер СС, шеф служебных групп B и W ВФХА) 173

Лориц, Ганс (оберфюрер СС, комендант КЛ Эстервеген, КЛ Дахау, КЛ Заксенхаузен) 54, 65, 69, 86, 89, 168

Макенсен (штандартенфюрер СА в штабе [«заместителя фюрера»] Гесса) 68

Маурер, Герхард (штандартенфюрер СС, начальник службы D II, ВФХА) 132, 138, 143, 158, 164, 170, 181

Майер (гауптштурмфюрер СС, шутцхафтлагерфюрер КЛ Освенцим) 90, 93, 97

Мильднер, Рудольф (штандартенфюрер СС, шеф гестапо в Катовице) 128

Морген, Конрад (оберштурмбанфюрер СС, эсэсовский судья) 19, 65

Мюллер, Генрих (группенфюрер СС, шеф службы IV, РСХА) 8,

70, 133, 158, 180
Нойхойслер, Иоганнес (католический прелат) 83
Нимёллер, Мартин (ведущий представитель «Исповедующей церкви») 80
Нимёллер, Вильгельм (брат Мартина Н.) 82
Олендорф, Отто (группенфюрер СС, шеф службы III РСХА) 123
Палич (гауптшарфюрер СС, рапортфюрер КЛ Освенцим) 89, 93, 97, 123
Поль, Освальд (обергруппенфюрер СС, шеф ВФХА) 8, 88, 114, 116, 130, 134, 136, 140, 158, 161, 169, 180
Рат, Эрнст фом (секретарь герм. дипломатической миссии, убитый Гриншпаном) 109
Реммеле (начальник команды филиала Освенцима — лагеря в Айнтрахтхюте) 57
Росбах, Герхард (командир добровольческого корпуса) 34, 36, 51
Ротенбергер, Курт (президента Ганзейского Высшего земельного суда, статс-секретарь имперского Министерства юстиции) 76
Засс, братья (расстреляны в Заксенхаузене как преступники) 76
Шахт, Яльмар (президент Рейхсбанка и рейхсминистр экономики) 82
Шелленберг, Вальтер (бригадефюрер СС, шеф службы VI, РСХА) 181
Шлагетер, Альберт Лео (член добровольческого корпуса) 36
Шмаузер, Генрих (обергруппенфюрер СС, высший чиновник СС и полиции в Силезии) 140, 142, 174, 176, 178
Шварц, Генрих (гауптштурмфюрер СС, начальник отдела трудоиспользования в КЛ Освенцим) 130, 159
Шварцхубер, Иоганн (оберштурмбанфюрер СС, шутцхафтлагерфюрер в Биркенау и в КЛ Равенсбрюк) 55, 57, 106
Шверин-Крозиг, Лютц фон (рейхсминистр финансов) 82
Сень, Ян (польск. судебный следователь на процессе против Гесса) 8-11, 13, 88
Зайдлер (гауптштурмфюрер СС, шутцхафтлагерфюрер КЛ Освенцим) 90, 93
Смолень, Казимеж (польск. заключённый Освенцима) 10, 102
Штрекенбах, Бруно (группенфюрер СС, начальник охранной полиции в Кракове) 92, 174
Штрайхер, Юлиус (гауляйтер, издатель газеты «Штюрмер») 109
Зурен, Фриц (штурмбанфюрер СС, комендант КЛ Равенсбрюк

в 1942–1945) 87
Фогель, Генрих (штурмбанфюрер СС, служебная группа W, ВФХА) 173
Веккерле, Хильмар (штурмбанфюрер СС, комендант КЛ Дахау в 1933) 54
Вибек, Герх. (оберштурмбанфюрер СС, эсэсовский судья) 19
Вигандт (оберфюрер СС, инспектор полиции безопасности и службы безопасности Бреслау) 88
Волькен (врач-заключённый в Биркенау) 159
Вурм, Теофил (вюртембергский земельный епископ Евангелической церкви) 82
Цайгнер, Эрих (саксонск. премьер-министр) 38

Примечания переводчика

Rudolf Höß — комендант Освенцима Рудольф Гесс (Rudolf Höß), мемуары которого здесь представлены, и заместитель Гитлера Рудольф Гесс (Rudolf Heß) — разные исторические персонажи.

Мартин Брозат (Martin Broszat), род. 14.8.1926 (Лейпциг), ум. 14.10.1989 (Мюнхен) — известный немецкий историк фашизма. Выпускник Лейпцигского университета. Директор Института современной истории в Мюнхене (1972–1989). Был членом гитлерюгенда, служил в вермахте. В 2003 г. стало известно, что с 1944 г. Мартин Брозат был и членом НСДАП. Журналистское расследование, проведенное сотрудником газеты «Die Zeit» Норбертом Фраем, показало, что членство Брозата в НСДАП было формальным, и сам он, скорее всего, о нём не знал.

Бывший оберштурмбанфюрер СС… — СС (нем. *pl* Schutzstaffeln — буквально «охранные отряды») — подразделения Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП).

Главное административно-хозяйственное управление ВФХА (SS-Wirtschafts-Verwaltungs-Hauptamt, WVHA) — учреждение, в ведении которого находилось большинство концентрационных лагерей нацистской Германии, и которое будет многократно упомянуто в дальнейшем, было одним из подразделений самих СС.

Русская аббревиатура ВФХА заимствована из материалов Нюрнбергского процесса, уже изданных на русском языке.

IMG (Internat. Militärgericht in Nürnberg) — Международный военный трибунал в Нюрнберге.

Тем временем началась серьезная жизнь — школа. — После переезда семьи в Маннгейм Рудольф Гесс учился в гимназии Карла-Фридриха, основанной в 1664 году (существует и поныне как высшее учебное заведение). На официальном сайте гимназии сообщается, что «Es ist die älteste Schule Mannheims mit humanistischer Tradition» («Это старейшая школа Маннгейма с гуманистическими традициями» — возможно также, здесь подразумеваются «классическое» или «гуманитарное» направление школы). Среди зарубежных партнеров гимназии Карла-Фридриха — школа в Гданьске (Польша), а также гимназия Лессинга в Хайфе (Израиль).

… *награжден ЖК-I*… — т. е. железным крестом I класса (в оригинале: «mit dem EK I ausgezeichnet»).

РФСС (в оригинале RFSS) — рейхсфюрер СС, т. е. Г. Гиммлер.

…*«канаками»*… — канаки — коренные жители Меланезии.

…*лагерный актив*… — в оригинале «die Gefangenen-Vorgesetzten», буквально «заключённые-начальники».

…*цыгане-синти и цыгане-ловари* — в оригинале (в примечании Мартина Брозата): «*Sinte*- und *Lallerie*-Zigeuner».

…*побарачно*… — в оригинале: «barackenweise».

…*в системное время*… — «системным временем» в нацистской Германии называли эпоху Веймарской республики (1919–1933).

ЖКЛ — в оригинале: FKL (das Frauenkonzentrationslager) — женский концентрационный лагерь.

…*в штрафных изоляторах блока 11*… — в оригинале: «…in den Arrestzellen des Block 11…»

…*из MG и MP*… — то есть из пулеметов (=das Maschinengewehr) и автоматов (=die Maschinenpistole).

…*Огромная часть одежды поставлялась NSV*… — «Национал-социалистическая народная благотворительность» (нем. Nationalsozialistische Volkswohlfahrt, NSV) — общественная

организация, основанная НСДАП 3 мая 1933, через несколько месяцев после прихода партии к власти.

…*подключилась ОТ*… — т. е. организация Тодта.

notes

Примечания

1

1 Nürnbg. Dok. NO-1210.

2

2 Свидетельские показания: заявление Гесса, равносильное данному под присягой, для Международного военного трибунала в Нюрнберге от 5.4.1946 (опубликовано: IMG, XXXIII как документ PS-3868), а также его свидетельское показание во время судебного разбирательства 15.4.1946 (IMG, XI, стр. 438 и далее); затем протоколы допросов с 14 до 22 мая 1946 г. (Nürnbg. Dok. NI-035/037 и NI-039/041). В то же время появились и записки американского тюремного психиатра доктора Гилберта, который между 9 и 16 апреля 1946 г. провел с Гессом множество бесед, добросовестно их записывая (G.M.Gilbert: Nuremberg Diary — New York 1947, страницы. 249–270)

3

3 Занявшие 6 листов записки о Поле были позднее приобщены американским военным трибуналом к материалам по «Делу Освальда Поля и других» в качестве доказательства. Таким образом они вошли в состав Нюрнбергских Документов (NO-3361).

4

4 Согласно сообщению д-ра Сеня, протоколы устных показаний Гесса, данных им в ходе допросов на предварительном следствии в Кракове (первый допрос 28.9.1946, последний — 11.1.1947), занимают в общей сложности 104 машинописные страницы. Позднее д-р Сень сообщил, что Гесс допрашивался на немецком языке: составленные на польском языке протоколы допросов переводились для Гесса на немецкий, все эти записи он признал дословными, либо точными по смыслу переводами своих показаний, и собственноручно подписал их.

5

5 Приговоры на процессе были вынесены 27.12.1947. См. об этом Jan Sehn: Konzentrationslager Oswiecim-Brzezinka (Auschwitz-Birkenau). Warszawa 1957, S. 188 ff.

6

6 См., к примеру: Nürnbg. Dok. NI-041 о допросах Гесса от 20.5.1946, которые провел Alfred H. Booth.

7

7 Сюда, среди прочих, относится и созданная 19.6.1936 г. рукописная автобиография Гесса на двух листах. Эта автобиография была включена в личное дело Гесса, которое сохранялось Главным управлением кадров СС. Фотокопия личного дела Гесса находится в архиве Института современной истории (Arch. Sign. Fa 74) — далее этот материал цитируется как «личное дело»; выписка из личного дела образует Нюрнбергский Документ NO-2142.

8

8 Гилберт, стр. 249 и далее.

9

9 Их повторными фотокопиями располагает также Институт современной истории.

10

10 См. например: G. Reitlinger: Die Endlösung. Hitlers Versuch der Ausrottung der Juden Europas 1939–1945. - London 1956 или Josef Tenenbaum: Auschwitz in Retrospect, The self-portrait of Rudolf Hoess, Commander of Auschwitz. — Jewish Social Studies, vol. XV, № 3 (Juli 1953).

11

11 Robert Merle: La mort est mon métier. — Paris (Gallimard) 1952.

12

12 На страницах 77, 81, 167.

13

13 IMG, XXX, PS-1919, стр. 145.

14

14 См. примечания Гельмута Хайльбера (Helmut Heilber) к материалам: «Aus den Akten des Gauleiters Kube» in: Vjh f. Zeitgesch. Jg. 4 (1956), H. 1, S. 69 ff.

15

15 Чтение автобиографии вполне подтверждает то, что отметил в своем дневнике д-р Гилберт после второго посещения Гесса в его нюрнбергской камере 12.4.1946: «Гесс проявляет некоторый запоздалый интерес к чудовищности своего преступления. Однако складывается впечатление, что сам он об этом никогда не задумался бы, если бы его он этом не спрашивали. Здесь слишком много апатии, чтобы чувствовалось раскаяние» (Gilbert, там же, с. 260).

16

16 См. об этом записки эсэсовского судьи д-ра Моргена (Nürnbg. Dok. NO-2366); Институт современной истории располагает записью показаний по делу Гесса, данных упомянутой еврейкой бывшему эсэсовскому судье Вибеку (Архив, ZS 599).

17

17 Отец Рудольфа Гесса, Франц Ксавьер Гесс, был коммерсантом (личное дело, а также показания Гесса от 14.3.1946 — Nürnbg. Dok. NO-1210).

18

18 21-й Баденский драгунский полк (Nürnbg. Dok. NO-1210).

19

19 Гесс, дважды раненный в Месопотамии и в Палестине, получил в 1917 и 1918 гг. следующие награды за храбрость: ордена «Железный крест» II и I классов, «Железный полумесяц», Баденскую почетную медаль (из личного дела).

20

20 В краткой рукописной автобиографии, представленной Гессом 19.6.1936 из Дахау в Управление кадрами СС, он так описывает эти годы: «Покинув родину, я тут же поступил в Добровольческий корпус Восточной Пруссии по охране границы, затем вступил в добровольческий корпус Росбаха и принимал участие в боевых действиях в Прибалтике, Мекленбурге, Рурской области и в Верхней Силезии. В промежутках между путчами я изучал сельское хозяйство в остэльбских имениях, а также работал сельскохозяйственным служащим». Этим сведениям соответствуют также краткие биографические данные, которые Гесс привел в своих показаниях от 14.3.1946 (NO-1210). Там же Гесс дополняет свою биографию сведениями о периоде после окончания военных действий в Прибалтике: «При этом я был членом «Комитета Росбах». Позднее у меня была подобная рабочая группа в Мекленбурге».

21

21 Историческая справедливость требует отметить, что «красные» и «белые» проявляли в Прибалтике равную жестокость. Это касается и немецкого добровольческого корпуса, о чем свидетельствуют официальные, изданные после 1933 г. по поручению военного министра, материалы «Описание действий воинских частей и добровольческих корпусов в послевоенное время» (см., к прим. Bd. II: Darstellung des Feldzugs im Baltikum bis zur zweiten Einnahme von Riga. — Berlin 1937, S. 5, 7, 12).

22

22 Государственный суд по защите республики был создан на основании Закона о защите республики от 26 июня 1922 г. (RGBl I, S. 521). Неверно, что он был создан «специально» для осуждения исполнителей убийств по приговорам фемгерихт. Согласно § 7 Закона о защите республики, Государственному суду подлежали лишь преступления, совершенные против государственного устройства и против членов правительства. Поводом для издания этого закона и Государственного суда по защите республики стало убийство министра иностранных дел Ратенхауса (24 июня 1922 г.) Убийствами, совершенными по приговорам фемгерихт как таковыми, Государственный суд не занимался. Пархимский процесс прошел в Государственном суде Лейпцига, а не в территориальном суде (в Шверине) в силу особых обстоятельств: согласно донесениям администрации Шверина, Гесс и почти все другие лица, причастные к убийству, из-за их членства в «Союзе сельскохозяйственного обучения» (запрещенная организация, ставшая преемницей «Комитета Росбах», созданного выходцами из добровольческого корпуса Росбаха) подозревались в принадлежности к антиконституционным организациям, деятельность которых предусматривал Закон о защите республики (см. Решение Государственного суда по защите республики по делу об убийстве в Пархиме, с. 4; фотокопия в архиве Института современной истории: Arch. Sign.1828/56).

23

23 Сделанное Гессом описание убийства в Пархиме сильно искажено в его пользу. Как явствует из сравнения воссозданных Гессом обстоятельств дела с приговором, который вынес Государственный суд, в некоторых пунктах это описание откровенно неправдиво. Согласно определению суда, прошедшего 12–15 марта в Лейпциге, убийство было совершено с особой жестокостью и цинизмом. Гесс и другие соучастники убийства, к которому, кстати, был косвенно причастен и Мартин Борман, убили бывшего учителя Кадова. Члена «Комитета Росбах» заподозрили Кадова в том, что он является провокатором коммунистов. После пьянки в ночь с 31 мая на 1 июня 1923 г. Кадов был вывезен в лес. Там Кадова сначала до полусмерти избили палками, затем ему перерезали горло, и, наконец, добили двумя выстрелами из пистолета (подробности см. в изложении: E.J.Gumbel. Verräter verfallen der Feme. Opfer/ Mörder/ Richter 1919–1929. — Berlin 1929; S. 188–197; впрочем, в этом издании по сути лишь пересказывается приговор суда). Ни в обосновании приговора Государственного суда, ни в упомянутом выше издании не содержится подтверждений того, что убитый Кадов подозревался в выдаче французам Шлагетера (это дело до сих пор остается неясным). Хотя подтверждение этого подозрения, несомненно, было бы зачтено обвиняемым как смягчающее вину обстоятельство. Поэтому настойчивые утверждения Гесса о том, что Кадов предал Шлагетера, во всех делах рассматривались как недостоверные. Впрочем, это утверждение Гесса отсутствует и в его автобиографии от 1936 г. (см. прим. 1 на стр. 34), и в его показаниях от 14.3.1946 (Nürnbg. Dok. NO-1210). Поскольку между казнью Шлагетера (26.5.1923) и убийством Кадова прошло лишь несколько дней, вполне допустимо, что при тогдашнем возбуждении, вызванном судьбой Шлагетера, Гесс решил, что Кадова тоже надо считать «таким предателем». Сомнение Гесса в том, что это умозаключение — в сущности, ничем объективно не обоснованное — было верным, нашло свое отражение в поздней автобиографии Гесса и в его показаниях. Рассказ Гесса о передаче в «Форвертс» сведений одним из причастных к убийству Кадова (речь идет о человеке по фамилии Юриш), который хотел получить за эту услугу деньги, также содержит искажения, цель которых — приукрасить собственное поведение. Государственный суд пришел к выводу, что Юриш сделал сообщение в «Форвертс» — а при этом он сообщал и о своей причастности к убийству — потому, что боялся быть убитым. Он мог быть устранен решением

фемгерихт как неудобный свидетель.

24

24 Гесс был арестован 28 июня 1923 г. 15 марта 1924 г. он был приговорен к 10 годам тюрьмы с зачетом половины года, проведенного под стражей во время следствия.

25

25 Согласно § 6 Закона о защите республики от 26.6.1922, из девяти членов (полного состава) Государственного суда по защите республики, которые назначались президентом страны, по крайней мере три человека были членами Верховного суда, в то время как остальные могли вообще не иметь судейских должностей. Такими членами становились видные общественные деятели, но ни в коем случае не представители политических партий. Заседание суда по регламенту вел председатель судебной коллегии Верховного суда. Состав Государственного суда при рассмотрении дела об убийстве в Пархиме был следующим: председатель — председатель судебной коллегии д-р Ниднер; члены — член Верховного суда д-р Баумгартен, член Верховного суда Доэн, университетский профессор д-р Райнке-Блох, референт прусского Министерства торговли Гартман, адвокат д-р Гершель, Германн Мюллер-Берлин, государственный министр в отставке Гейне, председатель союза Якель.

26

26 Решением президента страны 29 октября 1923 г. д-р Эрих Цайгнер был смещен с постов премьер-министра и министра юстиции Саксонии в связи с антигосударственным поведением саксонского правительства и попыткой создать в Саксонии коммунистическое правительство. Вскоре после этого он был обвинен в злоупотреблении служебным положением. 29 марта 1924 г. 6-м отделением суда по уголовным делам в г. Лейпциге он был приговорен к трем годам тюрьмы за уничтожение служебных документов и взяточничество (преступления совершались в политических целях). Сравнение относительно строгого наказания Цайгнера за его политическое, по сути, преступление, с часто весьма мягкими наказаниями за политические убийства, совершавшиеся так называемыми патриотическими организациями, дает нам лишь один из примеров того, что юстиция Веймарской республики в целом обращалось с преступниками «правой» ориентации более мягко, чем с их коллегами «слева». Попытка Гесса убедить в том, что мягкое обращение с заключенными в тюрьме Лейпцига объяснялось численным преимуществом «левых» подследственных, полностью несостоятельна.

27

27 Здесь имеется в виду закон об амнистии от 14 июля 1928 г. (RGBl I, S. 195).

28

28 Через Росбах Гесс в ноябре 1922 прибыл в Мюнхен и там вступил в НСДАП. Он получил партийный номер 3240. Из-за того, что позже Гесс был наказан лишением свободы, он не получил ни золотого партийного значка, ни «Кровавого ордена» НСДАП (ср. личное дело и заявление Гесса, равносильное данному под присягой, для Международного военного трибунала в Нюрнберге от 14.3.1946 — Nürnbg. Dok. NO-1210).

29

29 В 1929 году.

30

30 Это сообщение нуждается в дополнении. Согласно личному делу, уже 29.9.1933 Гесс вступил в СС на правах претендента. 1.4.1934 он стал СС-манном, а 20.4.1934 — СС-штурмманном. В заявлении, равносильном данному под присягой, для Международного военного трибунала в Нюрнберге от 14.3.1946, Гесс так описывает время между своим освобождением из тюрьмы и вступлением в охранное подразделение концлагеря Дахау: «С 1929 по 1934 различные сельские служебные группы в Бранденбурге и Померании. Гиммлер, Генрих, также был членом союза «Артаманен» (гауфюрер Баварии)… В 1933 я сформировал в имении Саллентин в Померании группу всадников СС. Мне, как бывшему кавалеристу, это было поручено партией и хозяевами имения… По случаю инспекции СС в Штеттине на меня обратил внимание Гиммлер, — мы познакомились в союзе «Артаманен», — который побудил меня перейти в администрацию КЛ. Так в ноябре 1934 я прибыл в Дахау».

31

Сформированная Айке (см. ниже прим. 3) для охраны концлагеря Дахау в начале 1934 «Охранная часть Верхняя Бавария», в которую Гесс вступил 1.12.1934, до этого входила в состав общих СС. Лишь после назначения Айке начальником инспекции концентрационных лагерей и подразделений «Мертвая голова» (июль 1934) последние организационно вышли из общих СС. «Охранная часть Верхняя Бавария» была преобразована в полк СС «Мертвая голова»-Верхняя Бавария» (см. также показания, равные данным под присягой, Макса Шоберта — Nürnbg. Dok. NO-2329).

32

32 В охранную часть концлагеря Дахау Гесс вступил в чине унтершарфюрера СС (соотв. рангу унтер-офицера) — см. личное дело.

33

33 Теодор Айке (р. 17.10.1892), член СА с 1927 и член СС с 1930, был назначен комендантом концлагеря Дахау в конце июня 1930 в чине штандартенфюрера СС. Его предшественник, комендант Дахау Веккерле в июне 1933 был снят с должности за содействие членам СС в их коварных убийствах заключенных, о чем прокуратура земельного суда Мюнхен II доложила баварскому министру юстиции Гансу Франку (см. IMG, т. XXVI, док-ты PS-841-845, а также Nürnbg. Dok. PS-1216). В специальной записке об Айке на 7 листах, которую Гесс подготовил в ноябре 1946 в краковской следственной тюрьме (см. Предисловие, стр. 8), он сообщил относительно начала службы Айке в Дахау: «…В начале службы Айке в качестве коменданта большая часть охраны состояла из баварских полицейских, занявших большинство главных должностей. Для Айке, собственно, полиция была красной тряпкой, особенно земельная полиция, во время борьбы причинившая нацистам множество неприятностей. Вскоре он заменил всех полицейских эсэсовцами — всех, кроме двух, которых переманил в СС, — и выгнал из лагеря «лапландцев», как на лагерном жаргоне называли земельных полицейских». Произвол, и прежде практиковавшийся в Дахау, Айке превратил в систему суровых наказаний и целенаправленного террора. При этом он пользовался покровительством Гиммлера, со 2.4.1933 ставшего «политическим начальником полиции» Баварии, а также Гейдриха, в то время начальника баварской политической полиции. Замечательной характеристикой введенной при Айке системы являются изданные им 1.10.1933 дисциплинарный и карательный распорядки концлагеря (опубликовано: IMG, т. XXVI, док-т PS-778), а также служебное предписание для охраны (см. Nürnbg. Dok. PS-1216). Айке, 30.1.1934 ставший бригадефюрером СС, в мае 1934 получил руководство всеми концлагерями, которые во время революционной «расплаты» с политическими противниками 1933 создавались разными организациями, — то СА (например, в Ораниенбурге под Берлином), то СС. Айке и подчиненные ему эсэсовцы из Дахау сыграли важную роль в деле Рема 30 июня 1933. И 4.7.1934 Айке официально возглавил Инспекцию концентрационных лагерей, став тем самым руководителем охранных подразделений СС (подразделений «Мёртвая голова»), которые, наряду с резервными войсками СС, стали ядром созданных позже Ваффен-СС. 11.7.1934 Айке получил чин группенфюрера СС. После того, как Айке возглавил Инспекцию концлагерей, он переехал в Ораниенбург, где

впоследствии находилось и командование подразделений «Мертвая голова» (о карьере Айке см. также его личное дело из Главного управления кадрами СС, фотокопия в Институте современной истории, арх. номер Fa 74). Преемником Айке на посту коменданта концлагеря Дахау был затем (до апреля 1936) оберфюрер СС Генрих Дойбель, род. 19.2.1890; эсэсовский номер 186 (IMG, т. XXXI, док-т PS-2938, стр. 300), а позднее Лориц (см. ниже стр. 65, примеч. 3).

34

34 С 1.3.1935 Гесс был блокфюрером в Дахау, 1.4.1935 он стал шарфюрером СС (т. е. фельдфебелем), 1.7.1935 — обершарфюрером СС (т. е. обер-фельдфебелем), 1.3.1936 — гауптшарфюрером СС (т. е. гауптфельдфебелем). С 1.4.1936 до сентября 1936 он занимал должность рапортфюрера. По личным рекомендациям Гиммлера и Бормана, данным во время их посещения концлагеря Дахау в июне 1936, Гесс «за свои прежние заслуги» и на основании весьма положительных характеристик со стороны лагеркомендантов Лорица и Айке 13.9.1936 был произведен в унтершарфюреры СС (т. е. в лейтенанты) и тем самым был принят в корпус «фюреров» (т. е. офицеров) СС. С сентября 1936 до перевода в Заксенхаузен (в мае 1938) Гесс был эффектенфервальтером [одно из значений слова «der Effektenverwalter»: заведующий имуществом заключенных — *Прим. пер.*] концлагеря Дахау (см. личное дело).

35

35 В Айнтрахтхюте (район г. Шветохловице, в окрестностях Катовице) находилось одно из индустриальных предприятий Освенцима, на котором использовалась команда заключенных из концлагеря Освенцим. Она работала в Айнтрахтхюте с 1942/1943 (см. Gatalogue of camps and prisons in Germany and German-occupied territories September 1939 — May 1945; изд. Internat. Tracing Service, Arlosen 1949, стр. 341).

36

36 Данное утверждение нуждается в особом комментарии. Гесс велел изготовить из металлических букв лозунг «Труд делает свободным» и вывесить его над воротами основного лагеря Освенцим. Он сохранился в 1945 и висит поныне, после создания мемориала на территории сохранившейся части концлагеря, как свидетельство — его часто фотографируют — цинизма бывших эсэсовских управляющих Освенцимом. Однако объяснения Гесса наглядно свидетельствует об отсутствии у него некоего органа, позволявшего ощутить циничность данной сентенции над воротами Освенцима — при том, что, в силу своей интеллектуальной и духовной ограниченности, сам он до некоторой степени относился к этому лозунгу серьезно.

37

37 За исключением показаний такого рода, содержащихся в следующей главе автобиографии, Гесс высказался по вопросу трудоиспользования заключенных, прежде всего в Освенциме, в неопубликованной здесь краковской записке от ноября 1946 (6 листов; фотокопия находится в Ин-те современной истории).

38

38 В краковской записке об Айке (см. выше прим. 3) Гесс к этому добавляет: «Эти охранники времен комендантства Айке в Дахау стали позднее комендантами шутцхафтлагерей, рапортфюрерами и другими функционерами поздних лагерей! Заключенные были и навсегда остались для них «врагами государства»… Начальники и рядовые охранники Дахау [после назначения Айке инспектором КЛ] постоянно распределялись по другим лагерям, чтобы распространять дух Дахау… РФСС предоставил ему полную свободу действий, он знал, что не может доверить КЛ никакому другому человеку».

39

39 По окончании польской кампании, в октябре 1939 группенфюрер СС Айке стал командиром дивизии СС «Мертвая голова», набранной из охранного персонала концлагерей. 14.11.1939 Айке получил чин обергруппенфюрера СС и генерал-лейтенанта Ваффен-СС и после этого уже никогда не возвращался в Инспекцию концлагерей, но был занят исключительно командованием дивизией «Мертвая голова». 26.2.1943 он погиб в России. Преемником Айке в должности руководителя Инспекции концентрационных лагерей в ноябре 1939 стал оберфюрер СС Рихард Глюкс (род. 22.4.1889), который с 1936 был начальником штаба Айке в Ораниенбурге.

40

40 Лориц, Ганс (Loritz, Hans, род. 21.12.1895, эсэсовский номер 4165) до апреля 1936 был, в чине штандартенфюрера СС, комендантом концлагеря Эстервеген, затем, в чине оберфюрера СС, комендантом Дахау, а с начала 1940 (см. ниже, с. 87) до 31.8.1942 комендантом концлагеря Заксенхаузен (ср. также Nürnbg. Dok. NO-2160). Кох, Карл-Отто (Koch, Karl-Otto, род. 2.8.1897, эсэсовский номер 14830) в 1935 был начальником охраны концлагеря Эстервеген, в том же году стал комендантом концлагеря Колумбия-Хаус (Берлин), с 3.4.1936 — комендант концлагеря Эстервеген (он стал преемником Лорица). 1.8.1937 Кох в чине штандартенфюрера СС стал комендантом лагеря Бухенвальд. При нем лагерь подвергся значительной перестройке; Кох оставался комендантом Бухенвальда до декабря 1941. Из-за своего стяжательства и чудовищного, даже для правосознания СС, произвола и террора в концлагере Бухенвальд Кох, наконец, стал совершенно невыносим. Уже в конце 1941 он был арестован, однако по ходатайству Гиммлера его сначала освободили и сделали комендантом лагеря Люблин (до августа 1942), позднее Кох использовался в службе охраны почт. В декабре 1943 эсэсовский суд приговорил Коха к смертной казни и в начале 1945 он был казнен (ср. прежде всего с записками эсэсовского судьи д-ра Моргена — Nürnbg. Dok. NO-2366).

41

41 Вместо концлагеря Ораниенбург, уже в 1933 сооруженного СА под Берлином, после образования Инспекции концлагерей и подразделений «Мертвая голова» в Ораниенбурге, в 1935/1936 был возведен гораздо больший концлагерь Заксенхаузен (в нескольких километрах от Ораниенбурга). После создания КЛ Заксенхаузен концлагерь Ораниенбург, а также концлагеря Эстервеген и Колумбия-хаус были упразднены как самостоятельные КЛ. Находившихся там заключенных перевели в Заксенхаузен или образовали из них внешние команды этого концлагеря. Заксенхаузен, расположенный рядом с Ораниенбургом, в значительной степени контролировался непосредственно самим Айке.

42

42 Согласно личному делу Гесса, он был переведен в Заксенхаузен 1.8.1938. В ведении адъютанта находился штаб лагерной комендатуры. Он отвечал прежде всего за ведение служебной переписки с другими ведомствами и с вышестоящими инстанциями Инспекции концлагерей.

43

43 Речь идет, вероятно, о бывшем штандартенфюрере СА Макенсене, который в 1939 был управляющим делами штаба при «заместителе фюрера» в Мюнхене. В 1922 Макенсен вступил в НСДАП вместе с Гессом (см. личное дело).

44

44 С начала 1938 комендантом КЛ Заксенхаузен был штандартенфюрер СС Германн *Барановский* (род. 11.6.1884, эсэсовский номер 24009). С 1936, при Лорице, Барановский служил в Дахау. Хорошо зная Гесса по Дахау, он вытребовал его в Заксенхаузен (см. здесь, а также с. 87).

45

45 Вероятно, подразумевается январская забастовка 1918.

46

46 Скорее всего, здесь идет речь об Иоганне *Гейнене* из Дессау, упомянутом также в одном из документов рейхсминистра юстиции (Nürnbg. Dok. NO-190) о первом такого рода случае после начала войны. Основанием для расстрела там называется следующее: «Ему было поручено работать на постройке авиационного укрытия, а он отказался на том основании, что не имеет гражданства». Дата расстрела в упомянутом выше источнике приводится другая, нежели указанная Гессом, а именно 7.9.1939. См. также подборку документов «Zur Perversion der Strafjustiz im Dritten Reich», опубликованную в: Vjh. f. Zeitgesch. H. 4. (1958).

47

47 Тогдашний бригадефюрер СС Генрих *Мюллер* (род. 28.4.1900) был начальником Государственной тайной полиции (гестапо). После создания Главного управления имперской безопасности (распоряжение Гиммлера от 27.9.1939; напечатано в: IMG, XXXVIII, Dok. L-361) он стал шефом IV отдела РСХА. Как шеф гестапо Мюллер несет ответственность за все водворения в концлагеря.

48

48 О казнях в концлагерях исследователей Библии, которые отказывались от военной службы, см.: Eugen Kogon. Der SS-Staat. — München 1946, S. 211f; а также Nürnbg. Dok. NG-190.

49

49 О начавшихся в 1937 усиленных акциях гестапо против исследователей Библии см., среди пр. циркулярное письмо Государственной тайной полиции от 5.8.1937 (IMG, XXXV, D-84); а также: Eugen Kogon, там же, с. 17.

50

50 Принятое у эсэсовских бюрократов сокращенное название для такой категории заключенных, как исследователи Библии. Ср.: Aso = Asoziale, BV = Berufsverbrecher.

51

51 Описанная здесь Гессом казнь братьев Засс была лишь одним из целого ряда случаев, когда гестапо, с начала войны, расстреливало уголовников, саботажников и др. без всяких судебных действий или даже вопреки вынесенным приговорам судов. При совершении таких мероприятий, которые исполнялись без ведома и даже без последующего уведомления органов правосудия, Гиммлер и шеф РСХА группенфюрер СС Гейдрих пользовались полным согласием и покровительством Гитлера. Протесты тогдашнего имперского министра юстиции д-ра Гюртнера против таких незаконных действий полиции, изложенные в его записке от 28.9.1939, Гитлер вернул с замечаниями, в которых он сообщал, что сам распорядился об упомянутых расстрелах, и что он не сможет в будущем отказаться от поручения гестапо совершать отдельные расстрелы, поскольку суды «не успевают за особыми условиями войны». (см.: Vjh. f. Zeitgesch. 4. (1958): Zur Perversion der Strafjustiz im Dritten Reich).

52

52 В связи с расстрелом, вопреки приговору суда, братьев Засс, в прессе впоследствии появились предположения о том, что они были застрелены при попытке оказать сопротивление. (См. доклад президента Ганзейского Высшего земельного суда д-ра Ротенбергера в Государственное министерство юстиции от 28.3.1940 (Nürnbg. Dok. NG-390).

53

53 Ср. с показаниями, равными данным под присягой Матиаса Лекса в: IMG, XXXI, PS-2928, S. 299.

54

54 Одна из самых тяжелых работ, на которые обрекались заключенные в первые годы существования концлагеря Дахау, состояла в таскании железного, высотой в человеческий рост, катка, которым укатывали построенные заключенными лагерные дороги (см. «Konzentrationslager. Ein Appel an das Gewissen der Welt». = Berichte ehemaliger Häftlinge aus Dachau. — Karlsbad 1934, S. 80).

55

55 Следующие три рукописных страницы (полтора листа) опущены. В них Гесс свидетельствует о крайне ненормальном заключенном, безудержно предававшемся своей страсти, который через несколько недель после водворения в концлагерь физически опустился и умер. Описание Гессом этого единичного случая, — он сообщает, что личный интерес к этой истории проявил и Гиммлер, — с исторической точки зрения малоинтересно. Избыточность отвратительных донельзя подробностей этой части рукописи представляет, скорее, в верном свете самого автора. Это же отчасти касается и последующего описания.

56

56 3.9.1939 шефом РСХА группенфюрером СС Гейдрихом, при согласии Гитлера и Гиммлера, был издан циркуляр для подразделений гестапо об «Основных положениях внутригосударственной безопасности во время войны», которым предписывались усиленные меры против так наз. врагов государства, саботажников и т. д. (ср. Nürnbg. Dok. NO-2263). Уже в июне 1939 Гейдрих приказал подготовить список оставленных в Германии на свободе «главных лиц системного времени». Первой категорией этого списка были «марксисты-коммунисты» (Nürnbg. Dok. PS-1430).

57

57 Параллельно с акцией в Старом рейхе, в результате которой многие граждане были арестованы как подозрительные лица, крупная волна арестов прошла также в «протекторате Богемия и Моравия». При этом гестапо арестовало около 8000 чехов. Через два с половиной месяца, в середине ноября 1939 была проведена новая серия арестов. Ее вызвала студенческая демонстрация в Праге. Гестапо арестовало несколько сотен чешских студентов и отправило их в концентрационный лагерь Заксенхаузен/Ораниенбург. Большинство из них до 1941 года было выпущено. Ср. также: IMG XVI, S. 725 ff. (Aussage Neuraths v. 24.7.1946), а также Nürnbg. Dok. NG-1113 и PS-3771; а также: Hans Steinberg: Deutschland und das Protektorat Böhmen und Mähren. Phil. Diss. (Masch.-Schr.) — Göttingen 1953, S. 89 ff.

58

58 По поводу краковских профессоров бывший генерал-губернатор д-р Ганс Франк сделал 18.4.1946 перед Нюрнбергским Международным военным трибуналом следующее заявление: «7 ноября 1939 я прибыл в Краков. 5 ноября 1939, перед моим прибытием, SS и полиция, как я потом выяснил, созвали краковских профессоров на заседание, а затем эти люди, в том числе достопочтенные старцы, были арестованы и увезены в какой-то лагерь; думаю, это был Ораниенбург. Я получил сообщение об этом. Вопреки тому, что записано в моем дневнике, я хотел бы заявить под присягой, что не обрел покоя до тех пор, пока последний из этих профессоров, которого я еще мог найти, не был освобожден в марте 1940» (IMG, XII, S. 30/31).

59

59 Мартин Нимёллер был арестован 1 июля 1937. 2 марта 1938 Особый суд II Берлин-Моабит приговорил его к семи месяцам тюремного заключения — к сроку, который он уже провел в следственной тюрьме. Однако на свободу Нимёллер не вышел. После объявления ему приговора гестапо вывезло его из следственной тюрьмы и доставило в концлагерь Заксенхаузен (в порядке так наз. «профилактического ареста»). Ср. также: Vjh. f. Zeitgesch. 4 (1956), H. 3, S. 307 ff.

60

60 Далее Гесс сообщает о подробностях семейной жизни Нимёллера, которые опускаются как сугубо личные.

61

61 К размещенным выше запискам Гесса Вильгельм Нимёллер — брат Мартина Нимёллера и автор книги «Борьба и свидетельство Исповедующей церкви» — представил 8.3.1958, после консультаций с братом, Институту современной истории критические замечания, которые мы здесь и публикуем. Вильгельм Нимёллер пишет:

«1. То, что в Далеме собиралась «реакция», конечно же, неверно. Положение вещей было таким, что количество образованных людей среди прихожан там было большим, чем во многих других общинах Берлина. То, что Шахт и Шверин показывались там во время богослужений, правда. Но словами «реакция» и «недовольство» нельзя описать феномен оживленной деятельности общины. Ведь эта оживленность просуществовала гораздо дольше национал-социализма. См. об этом мою книгу «Борьба и свидетельство Исповедующей церкви», стр. 197.

2. Нимёллер никогда не проповедовал «сопротивление». Правильное название просто неизвестно национал-социалистам. Исповедующая церковь пыталась проповедовать то, что человек есть человек (даже по имени Гитлер), а Бог есть Бог. О том, что еврей тоже человек, Нимёллер действительно свидетельствовал.

3. Нимёллер не мог писать настолько часто, насколько хотел. В целом он мог отправлять своей жене одно письмо два раза в месяц. Между тем случались и многомесячные «задержки писем». Весьма сомнительно, что Гесс когда-либо прочитал одно из писем Нимёллера, поскольку цензура находилась в ведении «политического отдела». Госпожа Нимёллер вообще не могла приносить книги в Заксенхаузен для своего мужа. Это было разрешено лишь в Дахау (с ограничениями), причем, разумеется, при строгой цензуре. Время прогулки Нимёллера в заключении было ограниченным; сначала на нее отводилось 20 минут, позже — один час. Только в Дахау стало иначе.

4. Гесс описывает ситуацию так, как будто вопрос заключенному о его желаниях отражает нечто существенное при его положении. Я сам один раз (29.8.1938) посетил своего брата в Заксенхаузене и вынес оттуда иное впечатление. Комендант ни разу не справился о «желаниях» этого заключенного. Заключенный не мог припомнить, видел ли он его вообще. «Удобства» в камере заключенного — целиком выдумка Рудольфа Гесса.

5. Гитлер не проявлял интереса вообще. Знатным посетителем был адмирал фон Ланс. Он пришел по собственной

инициативе и хотел обязать Мартина Нимёллера больше не затрагивать «политические вопросы». Адмирал не принадлежал к Исповедующей церкви.

6. Заявление Мартина Нимёллера датируется 7 сентября 1939. При этом речь не шла о просьбе «назначить его командиром подводной лодки». Фраза об отклонении Гитлером его просьбы — вымысел, как и его мотивировка. 27.9.1939 Кейтель лично написал «господину Нимёллеру в чине капитан-лейтенанта в отставке, Ораниенбург под Берлином, КЛ Заксенхаузен»: «На Ваше заявление от 7 сентября 1939 я, к сожалению, должен ответить, что привлечение на действительную военную службу не предусматривается. Хайль Гитлер! Кейтель, генерал-полковник». По моему мнению, уже отсюда вытекает и отказ в праве на ношение униформы.

7. Нелепо утверждение, согласно которому Нимёллер хотел добиться освобождения путем перехода в католичество. Как известно, в Дахау сидело множество правоверных католиков. С ними втроем (в т. ч. с Нойхойслером) он находился с 1941. Он подробно, в течение многих лет, входил в суть учения католической церкви. Здесь речь идет целиком о вопросах веры, так и оставшихся недоступными для сознания Гесса.

8. Смехотворна выдумка о том, что земельный епископ Вурм был в Дахау. Вюртембергский земельный епископ Вурм не был ни там, ни в Позене. Однажды, а именно в 1934, в Штутгарте, он находился под домашним арестом. В помещении камерного типа концлагеря Дахау Мартин Нимёллер был единственным евангелическим священником. Остальные священники содержались в бараке № 26, в «пасторском блоке». Вероятно, путаница возникла вследствие того, что во время пребывания Мартина Нимёллера в Заксенхаузене там находился и умер суперинтендант Бурше, глава евангелической церкви Польши. Об этом, собственно, шутцхафтлагерфюреру Заксенхаузена следовало бы знать».

62

62 Зеленый был отличительным цветом для категории заключенных-уголовников, или «профессиональных преступников» — это название, как правило, в эсэсовской терминологии обозначалось сокращением «B.V.er». Каждый заключенный был обязан носить на одежде треугольник цвета своей категории, например, красный треугольник — политический заключенный, зеленый — уголовник, черный — «асоциальный» и т. д. (см. таблицу с изображениями маркировок заключенных у: Kogon, a. a. O., Anhang, а также Sehn, a. a. O., S. 49).

63

63 Гесс пытается использовать невозможное в немецком языке множественное число слова «бегство». Дело здесь не в личной языковой оплошности Гесса. Такие же фальшивые словообразования содержатся в переписке служащих СС, занимавшихся побегами заключенных.

64

64 Под этим отрывком (в оригинале лист 54) рукой Гесса сделано примечание: «Январь 47 Рудольф Гесс».

65

65 Согласно документам кадровой службы СС (см. личное дело), 9.11.1939 Гесс, «по приказу РФСС», получил чин гауптштурмфюрера, а 21.9.1939 стал начальником шутцхафтлагеря Заксенхаузен. Последняя дата в списке повышений Гесса по службе, следует, как ни странно, после его производства в чин гауптштурмфюрера СС; возможно, здесь имеет место ошибка (сентябрь вместо декабря). Это позволяет согласиться с сообщением Гесса о том, что он стал шутцхафтлагерфюрером «на Рождество 1939».

66

66 Штурмбанфюрера СС Айсфельда (преемника умершего в 1939 Барановского) сменил оберфюрер СС Лориц. Более подробно об этой смене коменданта, сделанной лично Гиммлером, Гесс рассказал в сделанных тремя месяцами раньше, в следственной тюрьме Кракова, записках о Гиммлере, и здесь он ссылается на них (эти записки следуют дальше со стр. 168).

67

67 В апреле 1936 Лориц стал комендантом Дахау вместо оберфюрера СС Дойбеля (см. выше с. 65, прим. 3; далее — замечания Гесса о Лорице в его записках о Гиммлере, см. со стр. 168).

68

68 Штандартенфюрер СС Барановский (см. выше стр. 68, прим. 4).

69

69 В октябре 1939 Айке было поручено формирование дивизии СС «Мертвая голова». Это происходило в Дахау. С этой целью концлагерь Дахау временно, до марта 1940, закрыли. Заключенных Дахау на время перевели во Флоссенбюрг (см. показания Карла Роедера, равные данным под присягой = Nürnbg. Dok. NO-2122).

70

70 Оберфюрер СС Глюкс стал преемником Айке в Инспекции концлагерей (см. выше, стр. 65, прим. 2).

71

71 В 1939 Лориц был смещен с должности коменданта Дахау и назначен командиром подразделения всеобщих СС в Клагенфурте (см. записки Гесса о Гиммлере со стр. 168).

72

72 Штурмбанфюрер СС Фриц Зурен (род. 10.6.1938/ эсэсовский номер 109561) позднее, при отзыве Лорица из Заксенхаузена 1.9.1942 был назначен комендантом созданного весной 1939 женского лагеря Равенсбрюк (близ Темплина в Укермарке), которым заведовал до конца войны (см. личное дело Зурена — Nürnbg. Dok. NO-3647/49).

73

73 1.2.1940 рейхсфюрер СС приказал Инспекции концлагерей обследовать за пределами Старого рейха, т. е. в «присоединенных областях», различные комплексы зданий, тюрьмы и лагеря на предмет их пригодности для использования в качестве концлагерей. При этом был назван также Освенцим. 21 февраля 1940 оберфюрер СС Глюкс представил Гиммлеру следующие сведения: «Освенцим, бывшие артиллерийские казармы (каменные и деревянные здания) после устранения некоторых санитарных и строительных недостатков, пригоден для создания карантинного лагеря. Подробный доклад будет представлен РФСС и шефу немецкой полиции, группенфюреру Полю, группенфюреру Гейдриху и рейхсврачу СС. В настоящее время продолжаются необходимые обследования с точки зрения строительства и гигиены. Когда завершатся начатые по распоряжению шефа охранной полиции переговоры об уступке лагеря со стороны вермахта, — в лагере, как уже сообщалось, ещё находится строительная компания, — мной будут проведены ремонт и переоборудование под карантинный лагерь. Необходимые приготовления мной уже сделаны». (IMG, XXXVI, NO-034). Согласно докладу, который Ян Сень составил по результатам следственных действий в отношении Гесса и на основании находившихся в Польше немецких документов (см. J. Sehn, там же, с. 15), первое предложение о создании концлагеря в Освенциме уже в конце 1939 поступило от инспектора зипо и СД Бреслау, оберфюрера СС Вигандта (см. стр. 88, прим. 3). Далее Сень сообщает, что 17 и 18 апреля 1940 комиссия под руководством Гесса осмотрела Освенцим и признала окрестности казарм пригодными для сооружения концлагеря, хотя её внимание и было обращено на неблагоприятные условия (зараженная вода и др.) Согласно личному делу Гесса, 4 мая 1940 он, наконец, был назначен комендантом и ответственным за строительство концлагеря Освенцим.

74

74 Ядро концентрационного лагеря Освенцим (шталага) образовали казармы и несколько зданий бывшего польского табачного монопольного товарищества на левом берегу Солы возле Освенцима; см. J. Sehn, там же, с. 17.

75

75 В районе эсэсовского района Бреслау, в который входил и Освенцим, относящийся к «присоединенному» округу Катовице, инспектор зипо и СД был представителем шефа РСХА; таким образом он тоже несёт ответственность за отправление заключённых в концлагерь Освенцим. В 1940 должность инспектора зипо и СД Бреслау занимал оберфюрер СС *Вигандт* (см. Nürnbg. Dok. NO-5322).

76

76 Такие заключённые, как «капо», блок- и лагерэльтесте, или заключённые, которым в силу их профессий и квалификации в лагере поручалось выполнение части ответственной работы.

77

77 О гауптшарфюрере СС Паличе, который служил в Освенциме рапортфюрером с 20.5.1940 (см. также сообщения о нём на страницах 93 и 97), Гесс весьма грубо высказался в отдельных, не публикуемых здесь заметках (на 3 листах), которые он написал в Кракове в ноябре 1946. В них Гесс сообщает, что Палич, который уже с 1933 служил в Заксенхаузене в должностях блок- и рапортфюрера, и с тех пор был ему (Гессу) известен, обращался с заключёнными Освенцима более чем своенравно. Он терроризировал их, вступал в сделки с ними, а также с помощью угроз и посулов создал сеть связей, которая настолько увеличила его могущество, что он вышел из подчинения даже своему начальству. Свой отзыв о Паличе Гесс заканчивает следующими словами: «Палич был самым хитрым и продувным малым из всех, с кем я познакомился за всё время службы в концлагерях. Чтобы насладиться властью, он шагал буквально по трупам!» В конце 1943 в отношении Палича за его связь с заключённой-еврейкой эсэсовский суд провел дознание. Палич оказался в тюрьме, но затем был условно освобожден и отправлен на фронт, где, вероятно, погиб.

78

78 Из-за размеров концлагеря Освенцим в нём были первый и второй шутцхафтлагерфюреры. Первым шутцхафтлагерфюрером вначале был (до конца 1941) гауптштурмфюрер СС Карл Фрицш (род. 10.7.1903, эсэсовский номер 7287). За ним, начиная с января 1942, эту должность занимал (до 1943) гауптштурмфюрер СС Ганс Аумайер (род. 20.8.1906, эсэсовский номер 2700). Оба не только были старыми членами СС, но и принадлежали к ветеранам охранного отряда «Верхняя Бавария» в концлагере Дахау. Видимо, будучи пригодными к эсэсовским офицерским должностям только в концлагере, в Освенциме они вряд ли играли более достойную роль, чем подчиненный им (но превосходящий их в умственном развитии) рапортфюрер Палич. Из-за своей никчёмности оба по настоянию Гесса были, наконец, сняты с должностей. Так же, как и о Паличе, Гесс, сидя в следственной тюрьме, написал о Фрицше и Аумайере отдельные записки (в общей сложности 4 рукописные страницы). Среди прочего, Гесс обвиняет их (и прежде всего Фрицша) в том, что из-за своей непригодности они позволяли функциональным заключённым слишком многое. После войны Аумайер был выдан Польше и 22.12.1947 польский Верховный народный суд приговорил его к смерти. О судьбе Фрицша ничего не известно. Вторыми шутцхафтлагерфюрерами в Освенциме были Майер и Зайдлер. О них Гесс в уже упомянутой (см. выше, с. 89, прим. 2) записке о Паличе сообщает, что Майер, «созданный Кохом» в Бухенвальде, «был готов на любую гадость, настоящий бандит». За совершённые им махинации Гесс уже через несколько недель смог передать его эсэсовскому суду. Последователь Майера Зайдлер оказался не настолько плох. Но, будучи старым сообщником Палича по Заксенхаузену, Зайдлер, как и он, жестоко обращался с заключёнными и пускался в совместные с ними интриги.

79

79 Оба города находятся в районе Новы Тарг (Ноймаркт) на юге краковского округа у словацкой границы, более чем в 100 километрах от Освенцима.

80 См. с. 88, прим. 1.

81

81 Наряду с Главным управлением имперской безопасности (РСХА) и его региональным представителем в Освенциме — инспектором зипо и СД в Бреслау (см. выше с. 88, прим. 3), должностным лицом, компетентным в вопросах отправления заключённых в концлагерь Освенцим, был начальник охранной полиции (BdS) в Кракове, бригадефюрер СС Бруно Штрекенбах. Как начальнику BdS Кракова, Штрекенбаху подчинялись начальники зипо и СД в Кракове, Лемберге [Львове. — *Прим. пер.*], Люблине, Радоме и Варшаве. В его ведении находилась вся территория генерал-губернаторства, и он имел гораздо больше полномочий, чем инспекторы зипо и СД в Германии.

82

82 При сооружении концлагеря Освенцим окрестные сельскохозяйственные земли вместе с усадьбами были разделены на различные зоны, которые по очереди конфисковались и объявлялись принадлежащими лагерю. В течение 1940 сложилась так наз. «сфера влияния концлагеря Освенцим». Она имела площадь около 40 квадратных километров и занимала треугольную область земли в месте слияния рек Сола и Висла (точные границы указаны у Я. Сеня, там же, с.18). Из семи польских деревень этой области, в т. ч. из Бжезинки (Биркенау) местные жители были выселены. Позже в них расположились принадлежавшие концлагерю Освенцим сельскохозяйственные службы, опытные станции и т. д. Зона I, граничившая с лагерем, представляла собой сельскохозяйственное владение, а зона II — площади с предприятиями, на которых трудоиспользовались около 2.000 заключенных. Местная, силезская служба ведомства, подчинявшегося Гиммлеру как рейхскомиссару по вопросам укрепления немецкого народного духа, в начале апреля предприняла первые отчуждения и выселения польских крестьян, землевладельцев и отдельных лиц, которые проживали в окрестностях будущего концлагеря Освенцим. В середине 1940 Гесс вел с местным отделением этой службы в Катовице переговоры по вопросам конфискации и выселения с территорий первой зоны вокруг Освенцима. (См. в IMG, XXVII, документ, напечатанный под номером PS-1352).

83

83 Об этом Гесс рассказывает в своей записке о Гиммлере (см. ниже с. 173 и далее)

84 О перечисленных лицах см. с. 89, прим. 2 и с. 90, прим. 1.

85 См. также в записке Гесса о Гиммлере (с. 174 и далее).

86

86 На основании указаний, полученных от Гиммлера 1 марта 1941 во время его посещения Освенцима, в октябре 1941 при местечке Биркенау (польск. Бжезинка), удаленном от шталага примерно на 3 км, было начато строительство «лагеря для военнопленных «Освенцим», которому предстояло оказаться самым крупным из всех созданных национал-социалистами концлагерей. Ёмкость лагеря, изначально определенная Гиммлером в 100.000 заключённых, была удвоена в планах, составленных отделом «С» (строительство) Главного административно-хозяйственного управления СС (WVHA) к сентябрю 1941. Таким образом, в окончательном виде лагерь Биркенау должен был содержать около 600 бараков для 200.000 заключённых. Однако этот план был осуществлён лишь частично. До конца войны окончательно был построен участок «B I» (позднее — женский концентрационный лагерь Освенцим, FKL Auschwitz), рассчитанный на 20.000 заключённых, затем участок «B II» (позже мужской лагерь) на 60.000 заключённых, и меньшая часть участка «B III», также рассчитанного на 60.000 заключённых. Участок «B IV» в конце концов остался лишь на бумаге. Однако даже оставшись недостроенным, лагерный комплекс Биркенау (разделенный на лагеря женский, мужской, семейный, цыганский и т. д.) с его более чем 250 примитивными каменными и деревянными бараками (так называемыми конюшнями), рассчитанными на 300–400 заключённых каждый, но вмещавшими зачастую вдвое большее количество людей, представлял собой гигантский город-концлагерь, разместившийся на площади в 175 гектаров. Отдельные отделы и подотделы лагеря Биркенау отделялись друг от друга двойным рядом колючей проволоки под электрическим напряжением, и так называемым Кольцевым рвом общей протяжённостью 13 км (см. J. Sehn, там же, с. 25). В то время как шталаг Освенцим, в 1941 равным образом расширенный, имел среднюю ёмкость 18.000 заключённых, в лагере Биркенау во время наивысшей нагрузки (в 1943) размещалось около 140.000 заключённых. В непосредственной близости от Биркенау были построены также газовые камеры и крематории (см. об этом изложение Гесса на страницах 154 и 160). Ещё до начала строительства лагеря Биркенау с весны 1941 началось привлечение заключённых Освенцима к строительству завода по производству буны, принадлежавшего акционерному обществу I. G. Farben AG. Завод находился в 7 км от шталага Освенцим. Расположение завода

рядом с Освенцимом определялось возможностью получать из концлагеря дешёвую рабочую силу — для руководства I. G. Farben AG это обстоятельство сыграло решающую роль (см. приговор VI американского военного суда по делу I. G. Farben от 29.7.1948). Для того, чтобы упростить трудоиспользование заключённых, I. G. Farben AG построило в 1942 рядом с заводом рабочий лагерь Моновиц, ставший крупнейшим из 39 внешних лагерей концлагеря Освенцим, созданных преимущественно в промышленных районах Верхней Силезии, при том, что некоторые внешние лагеря находились и достаточно далеко (например, в Брюнне).

87

87 То есть заключённые, назначенные на должности «капо», блок- и лагерэльтесте.

88

88 Имеются в виду категории заключённых, обозначавшиеся разными цветами (см. с. 83, прим. 1).

89

89 Гесс лично приказал арестовать родителей одного заключённого, бежавшего из Освенцима, и выставить их в лагере на обозрение со щитами на шеях. На этих щитах было написано, что родители будут стоять там до тех пор, пока их беглого сына не доставят обратно (см. об этом: Hermann Langbein: Die Stärkeren. Ein Bericht, Wien 1949, S. 121). К ещё более жестоким репрессиям прибегал, например, шутцхафтлагерфюрер Карл Фрицш, который приказывал хватать без разбора заключённых и запирать их в карцере блока 11 (шталаг), где они были обречены на смерть от голода (см. свидетельские показания бывшего польского заключенного Францишека Гаёвнички, Инст. соврем. истории, архив, рукопись Fa 86).

90

90 То есть антагонизм между разными категориями заключённых, обозначившимися разными цветами.

91

91 Для примерно 10.000 русских военнопленных, которые в начале октября 1941 прибыли в Освенцим из Ламсдорфа (шталаг VIII B) внутри шталага Освенцим выделили участок, состоявший из 9 блоков (каменные дома и бараки). К февралю 1942 большинство этих русских заключённых умерли от тифа, недоедания и других болезней, или их убила эсэсовская охрана. Затем остаток — примерно 1.500 русских военнопленных — был перевёден в лагерь Биркенау. См. очень подробные показания бывшего писаря политотдела и бывшего заключённого К. Смоленя (позднее он стал руководителем музея Освенцима) от 15 декабря 1947 (Nürnbg. Dok. NO-5849, а также J. Sehn, там же, с. 115 и далее).

92

92 18.8.1942 (после побега) в Освенциме насчитывалось ещё 163 советских военнопленных. Из них в Освенциме выжили только 96 (см.: J. Sehn, там же, с. 122 и далее).

93

93 В ноябре 1941 особой комиссией гестапо в Катовице из 10.000 русских военнопленных примерно 300 были признаны комиссарами или фанатичными коммунистами и казнены. См.: показания, равные данным под присягой, К. Смоленя — Nürnbg. Dok. NO-5849, а также записки Гесса об «окончательном решении еврейского вопроса в КЛ Освенцим» (см. ниже с. 155).

94

94 См. об этом: Hans Buchheim: Die Zigeunerdeportation vom Mai 1940. — In: Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte (München 1958), с. 51 и далее.

95

95 Имеются в виду так называемые цыгане-синти и цыгане-ловари.

96

96 В книге Люси Адельсбергер (Lucie Adelsberger: Auschwitz. Ein Tatsachenbericht. — Berlin, Lettner Verlag, 1956) на стр. 54 количество цыган в Биркенау по состоянию на весну 1943 оценивается в 16.000 человек. С мая 1943 автор книги, еврейка, в течение года работала врачом в цыганском лагере. Среди прочего, она сообщает, что блоки цыганского лагеря были крайне перегружены: «800, 1000 и больше людей в одном блоке были правилом» (с. 49). Согласно сообщению музея Освенцима Институту современной истории от 2.7.1958, в «главной книге», которая сохранилась в канцелярии цыганского лагеря (сейчас она находится в Главной комиссии в Варшаве), всего с начала 1943 в Биркенау были зарегистрированы 20.943 цыгана. Из них только с марта по сентябрь 1943 в лагере умерли около 7.000 человек.

97

97 Об этой двухдневной инспекции Гиммлером концлагеря Освенцим см. ниже, с. 176 и далее.

98

98 Канцероподобная опухоль, преимущественно на лице, возникает вследствие голодания и ослабления организма. В большинстве случаев смертельна.

99

99 См. об этом и об уничтожении последних цыган в Биркенау, которое произошло в ночь с 31 июля на 1 августа 1944, подробное сообщение Люси Адельсбергер (там же, с. 109 и далее). Как и Гесс, она оценивает количество цыган, уничтоженных той ночью в газовых камерах Биркенау, в 3500–4000 человек.

100

100 Оберштурмфюрер СС Иоганн Шварцхубер (см. также выше, стр. 57) в 1944 был 1-м шутцхафтлагерфюрером лагеря Биркенау (Освенцим-2) — см. Nürnbg. Dok. PS-3686.

101

101 См. ниже стр. 130 и далее.

102

102 О судьбе и об уничтожении цыган в Освенциме см. также, кроме сообщения Люси Адельсбергер, сообщения голландца A. F. van Velsen в его показаниях, данных под присягой, от 4 ноября 1945 (= Nürnbg. Dok. PS-3548), а также Германна Лангбайна — там же, стр. 122 и далее.

103

103 Неизвестно, чем Гесс обосновал это заявление. Никаких документальных свидетельств тому найдено не было.

104

104 См. об этом на стр. 153 и 176.

105

105 В ноябре 1943 Гесс был переведен с должности коменданта Освенцима в Главное административно-хозяйственное управление СС (WVHA), куда с апреля 1942 была включена Инспекция концлагерей (служба D). В службе D Гесс 10 ноября 1942 возглавил подразделение D-I (политический отдел); см. ниже с. 130 и далее, а также Nürnbg. Dok. NG-4805.

106

106 С середины 1942 созданное в Биркенау женское отделение концлагеря Освенцим стало центральным женским лагерем для немецких и ненемецких женщин-заключённых. Уже 10.7.1942 вышел циркуляр РСХА, который предписывал всем отделам гестапо, командованию, командирам и инспекторам зипо и СД впредь отправлять женщин-заключённых в женское отделение концлагеря Освенцим (Allg. Erlaßsammlung des RSHA, 2 F VII a, S. 18).

107

107 29.9.1942 рейхсфюрер СС и шеф германской полиции приказал перевести содержавшихся в женском концлагере Равенсбрюк евреек в женское отделение концлагеря Освенцим с тем, чтобы Равенсбрюк стал «judenfrei» [букв.: «свободный от евреев» — *Прим. пер.*] См. циркулярное письмо рейхсфюрера от 2 октября 1942 (Nürnbg. Dok. NO-2524). Но еще раньше из Равенсбрюка в Освенцим перевели некоторое количество женщин-заключённых нееврейской национальности, прежде всего уголовниц и «асоциальных» — с тем, чтобы в созданном там женском лагере они приступили к службе в качестве женщин-капо.

108

108 Возле деревни Буды, примерно в 8 км от шталага Освенцим, была размещена штрафная команда заключённых, используемая на прокладке канала к Висле. В этом штрафном подразделении, строго изолированном от лагеря, капо, набранные из уголовников, — как мужчины, так и женщины, — поддерживали кровавый, террористический режим; см.: Philip *Friedmann*: Auschwitz. — Buenos Aires 1952, S. 70.

109

109 Одно из сельскохозяйственных предприятий в окрестностях концлагеря Освенцим, к работе на котором привлекали заключённых. Наряду с птицефермой, в Харменже находилась фабрика по переработке рыбы, работы на которой также осуществлялись заключёнными Освенцима (см. также Ph. *Friedmann*, там же, S. 64).

110

110 Усадьба Райско находилась в числе эсэсовских сельских хозяйств в сфере деятельности концлагеря Освенцим. Под надзором оберштурмбанфюрера СС д-ра Иоахима *Цезаря*, которого в феврале 1942 Гиммлер назначил руководителем сельскохозяйственных производств концлагеря Освенцим (см. личное дело д-ра Цезаря = Nürnbg. Dok. NO-3572/76), в усадьбе Райско было создано растениеводческое учреждение, предназначенное в основном для развития и получения растительного каучука.

111

111 Транспортировка завершилась в конце марта — начале апреля 1942 и охватила примерно 12 тысяч словацких евреев. См.: G. *Reitlinger*: Die Endlösung. Hitlers Versuch der Ausrottung der Juden Europas 1939 bis 1945. — Berlin 1953, S. 440.

112

111a Об их вербовке или насильственном привлечении к службе в качестве надзирательниц концлагеря Гесс сообщает на следующей странице (стр. 115).

113

112 Обергруппенфюрер СС Освальд *Поль* (род. 30.6.1892, эсэсовский номер 147 614) шеф Главного административно-хозяйственного управления (WVHA) СС, которому с апреля 1942 было поручено управление концентрационными лагерями (см. показания Поля от 3.4.1947 = Nürnbg. Dok. NO-2736). Подробнее о Поле и его значении в деятельности концентрационных лагерей см. в протоколах и документах проведенного американским военным судом процесса против Поля и товарищей — имеется в виду 4-й процесс над военными преступниками, подробные материалы которого опубликованы в: «Law Reports of War Criminals». — London 1947–1949, Bd. V–VI.

113 Наименованием «акция Рейнхардт» обозначались учет и реализация оставшихся после убийства евреев в газовых камерах одежды, пожитков и ценностей, включая золотые зубы и женские волосы; см. об этом записки Гесса со стр. 163 и далее.

115

114 Командиром охранного полка СС в Освенциме был оберштурмбанфюрер Фридрих Хартйенштейн (род. 3.7.1905). В 1938 Хартйенштейн из вермахта пришел в подразделения «Мёртвой головы» и некоторое время служил командиром роты охранников в Заксенхаузене. В 1940 и 1941 служил в дивизии «Мёртвая голова» Айке, а в 1942 из-за своей непригодности был переведен в Освенцим на должность командира охраны. Повышение по службе до командира полка было предметом его особой гордости. В отдельных, не публикуемых здесь заметках о Хартйенштейне (на двух листах) Гесс сообщает о своих разногласиях с Хартйенштейном, доходивших до главы Инспекции КЛ Глюкса. После ухода Гесса с должности коменданта Освенцима и разделения его на три лагеря, в конце 1943 (см. ниже, стр. 130, прим. 2) Хартйенштейн на время стал комендантом лагеря Биркенау. С мая 1944 до января 1945 он был комендантом концлагеря Нацвейлер (см. «War Crimes Trials, vol. V: The Natzweiler Trial. — London 1949»; стр. 128 и далее).

116

115 Группенфюрер СС Одило Глобочник (род. 21.4.1904; эсэсовский номер 292 776), находясь на должности командующего СС и шефа полиции округа Люблин, имел в своем ведении созданные там в 1941–1942 лагеря уничтожения Собибор, Белжец, Треблинку и Майданек, где евреев убивали выхлопными газами двигателей (об этом см. далее в записках Гесса, со стр. 165).

117

116 Упомянутый Гессом побег из Собибора (речь идет о приблизительно 150 евреях из России, Польши и Голландии) произошел 14.10.1943, после того, как подобный побег, совершенный с применением насилия, случился 2.9.1943 в лагере Треблинка (см. Reitlinger, там же, стр. 160–161).

118

117 См. подробный рассказ Гесса об этой полученной от Гиммлера инструкции на стр. 153, а также его свидетельские показания для Международного трибунала в Нюрнберге от 15.4.1946 (IMG, XL, S. 440).

119

118 См. упомянутые выше показания Гесса в Нюрнберге (IMG, XL, S. 440 и далее), а также запись американского тюремного психиатра в Нюрнберге доктора Г. М. Гилберта о его беседах с Гессом от 9 апреля 1946 (G. M. Gilbert: Nuremberg Diary. — N. Y. 1947, S. 249 и далее).

119 Вероятно, имеются в виду «Директивы по обращению с политическими комиссарами», изданные Верховным главнокомандованием вермахта 6.6.1941 согласно указанию Гитлера от 30.3.1941 (Nürnbg. Dok. NOKW-1076). Об исполнении «приказа о комиссарах» и главных документах, имеющих к этому отношение, см. «Преступный приказ» в приложении к еженедельнику «Das Parlament» от 17.7.1957.

120 Об этом см. выше, стр. 90, прим. 1.

122

121 Оберштурмбанфюрер СС Адольф Эйхман (род. 19.3.1906; эсэсовский номер 45 326) уже с середины 1930-х годов был экспертом СД по еврейскому вопросу. Из незаметного подразделения отдел Эйхмана «IV B 4» РСХА, после того, как 31.7.1941 РСХА было поручено «окончательное решение еврейского вопроса» (IMG IX, PS-710), стал главным распорядительным центром уничтожения евреев, живших на подчинённых германским властям территориях. См. также рассуждения Гесса на стр. 153 и далее.

123

122 О задачах и деятельности айнзатцгрупп см. показания Олендорфа (руководителя айнзатцгруппы D) Международному трибуналу в Нюрнберге от 3.1.1946 (IMG, IV, стр. 350 и далее); подробности — в протоколах и документах процесса над военными преступниками против Олендорфа и других (процесс IX, так называемый «Процесс айнзатцгрупп», фрагменты которых опубликованы в «Trials of War Criminals», Bd.IX), а также G.Reitlinger (см. выше) стр. 205 и далее, Josef Tenenbaum: Race and Reich. — N. Y. 1956, стр. 347 и далее.

123 Гауптштурмфюрер СС Ганс *Хёфле*, бывший штабс-фюрер Глобочника в Люблине, познакомился с Гессом ближе в 1944 в Ораниенбурге, во время службы Гесса в должности шефа отдела D I WVHA (см. также заявление Хёфле, равносильное данному под присягой, в Нюрнберге — Nürnbg. Dok. NG-2866).

125

124 Евреев Верхней Силезии отправили в Освенцим в начале 1942. Так, согласно сообщению Международной службы розыска Институту современной истории от 27.3.1958, евреев города Бытом депортировали 15.2.1942. См. также переписку об использовании оставленного еврейского имущества между уполномоченным рейхскомиссариата по укреплению немецкой народности в округе Верхняя Силезия и министерством финансов с июня по август 1942 (Nürnbg. Dok. NO-2074/75 и 2690/93).

126

125 О сооружении первого центра уничтожения (бункер I) в расположенном близ лагеря Биркенау крестьянском дворе и о ходе выгрузки в Биркенау на запасном пути проложенной рядом железнодорожной ветки (рампы) Гесс подробно сообщает в своей записке «Окончательное решение еврейского вопроса в КЛ Освенцим» — см. ниже, прежде всего на стр. 154 и далее.

127

В этой связи следует напомнить, что 7 октября 1944 в Биркенау еврейская зондеркоманда, при помощи заключённых из женского лагеря и других подразделений, совершила, применив оружие, попытку побега. Однако побег окончился неудачей. При этом были убиты 455 заключённых и 4 унтершарфюрера СС. См. показания бывшего члена зондеркоманды А. Файнзильбера в материалах процесса против Гесса, проведённого Варшавским народным судом; выборочные копии в Институте современной истории, арх. номер. Fa 86; а также The Belsen-Trial. — London 1949, S. 158 и L. Adelsberger, см. выше на стр. 102.

128

Штандартенфюрер СС доктор Рудольф *Мильднер* (род. 10.7.1902, эсэсовский номер 25 563), шеф гестапо в Катовице, которому был подведомствен Освенцим (см. Nürnbg. Dok. NO-5849; а также IMG, XI, S. 252 и далее; см. также Reitlinger, с. 123).

129

Река Сола, впадающая в Вислу в нескольких километрах к северу от Освенцима, образовывала восточную границу лагерных территорий.

130

Поскольку количество заключённых в Освенциме постоянно увеличивалось (осенью 1943 оно составляло около 140 000), по распоряжению обергруппенфюрера СС Поля в ноябре 1943 лагеря Освенцима, прежде имевшие единую комендатуру и управление, были разделены на три самостоятельных подразделения. Так возник Освенцим-I (шталаг Освенцим) — комендант оберштурмбанфюрер СС Артур Либехеншель (см. ниже, с. 131, прим. 2), он же одновременно начальник гарнизона Освенцим, Освенцим-II (Биркенау) с комендантом оберштурмбанфюрером СС Фридрихом Хартйенштейном (см. выше, с. 118, прим. 1), Освенцим-III (Моновиц и другие внешние рабочие лагеря) с комендантом гауптштурмфюрером СС Генрихом Шварцем, который при Гессе был распорядителем работ всего лагеря Освенцим. См. об этом показания Поля от 3.4.1947 — Nürnbg. Dok. NO-2736, а также *Ph. Friedmann*, см. выше, S. 48.

131

Вначале, 10.11.1943 Гесс был назначен исполняющим обязанности начальника службы D I (политического отдела Инспекции концентрационных лагерей) управления WVHA. Лишь 1.5.1944 он формально стал шефом службы D I (см. личное дело)

132

В отзыве начальника Управления кадров СС, группенфюрера СС фон Герфа, составленном после посещения Освенцима в мае 1943, говорится: «Гесс, несомненно, пригоден для того, чтобы занять руководящие посты в области управления КЛ. Особенно сильной его стороной является опыт». (См. личное дело).

133

Предшественником Гесса в должности начальника службы D I был оберштурмбанфюрер СС Артур Либехеншель, который поменялся с Гессом местами и стал комендантом лагеря Освенцим-I (см. ниже, прим. 2). Гесс составил о Либехеншеле отдельную, не публикуемую здесь записку (на 2 листах) от ноября 1946. При этом Гесс описывает Либехеншеля, который с 1936 служил в Инспекции КЛ, как чисто канцелярского работника, знавшего о концлагерях только по служебной переписке, не имевшего опыта практической деятельности и поэтому не пригодного для службы в должности коменданта. Между тем эта «непригодность» принесла заключённым Освенцима серьёзные облегчения. Так, например, после назначения Либехеншеля комендантом многих освободили из страшного бункера в блоке 11, расположенного в шталаге, а также были прекращены практиковавшиеся там расстрелы у «чёрной стены». См. об этом Г. Лангбайн, выше, со стр. 148 и далее.

134

Штандартенфюрер СС Герхард *Маурер* (род. 9.12.1907, эсэсовский номер 12 129), старый сотрудник Поля в административных органах СС, долгое время служивший инспектором хозяйственных предприятий СС, после включения Инспекции концентрационных лагерей в WVHA (апрель 1942) стал начальником службы D II, которая осуществляла централизованное руководство трудоиспользованием заключённых. В конце 1943 Маурер стал также заместителем инспектора КЛ (Глюкса). Благодаря своей должности, он оказался влиятельным во многих отношениях человеком в мире концлагерей. В Кракове в ноябре 1946 Гесс написал о нём отдельную, не публикуемую здесь записку (на 3 листах).

135

Здесь Гесс ссылается на свою записку «Окончательное решение еврейского вопроса в КЛ Освенцим», созданную им раньше автобиографии в ноябре 1946. См. ниже, прежде всего с. 161 и далее.

135 Имеются в виду отдельные заметки Гесса (написанные им в краковской тюрьме в конце 1946) о ряде функционеров СС, с которыми он имел дело в Освенциме и в других концлагерях (см. Предисловие, с. 8).

137

Начальником IV отдела (гестапо) РСХА был группенфюрер СС Генрих *Мюллер*. Уже в Нюрнберге Гесс сообщил, что большинство приказов о направлениях в лагерь и о расстрелах, которые поступали в концлагеря, могли иметь подпись Мюллера. В отдельной, не публикуемой здесь записке о Мюллере от ноября 1946 (2 листа) Гесс подчеркнул, что Мюллер, должно быть, являлся «холодным как лёд» исполнителем всех приказов Гиммлера. Никогда не выступая на первый план, он, благодаря опыту «полицейского по призванию», сообщал распоряжениям Гиммлера полную пробивную силу. Мюллер никогда не высказывал собственного мнения, но всегда оставался в тени Гиммлера. Тем не менее, после смерти Гейдриха именно он, а не Кальтенбруннер стал подлинным начальником Главного управления имперской безопасности.

138

Неясно, о каком подразделении сообщает Гесс. Согласно официальному распределению функций в РСХА от 1.10.1043 (Nürnbg. Dok. NO L-219), службы IV b не существовало. Служба VI B была отделом РСХА и имела четыре подразделения, из которых первые три занимались католицизмом, протестантизмом, сектантством и масонами, а четвёртое (Эйхман) ведало евреями. Особый административный отдел по вопросам превентивных арестов находился в службе IV C и возглавлялся оберштурмбанфюрером СС доктором Берндорфом. Этот отдел в структуре РСХА обозначался как «IV C 2».

138 Штурмбанфюрер СС *Ганс Гюнтер*, многолетний коллега Эйхмана. В качестве заместителя Эйхмана Гюнтер особенно отличился в Праге. При этом он оказал сильное влияние на судьбу лагеря Терезиенштадт. См.: H. G. Adler: Theresienstadt 1941–1945. Das Antlitz einer Zwangsgemeinschaft. Geschichte — Soziologie — Psychologie. — Tübingen 1955.

139 Концентрационный лагерь Берген-Бельзен был создан весной 1943 для привилегированных евреев, так называемых «обменных евреев», которые имели английское или американское гражданство или паспорта нейтральных стран, а также для евреев, которых можно было использовать при сделках по обмену. К концу 1944 количество евреев в Берген-Бельзене не превышало 15 000 человек и до этого времени условия содержания в нём были, по сравнению с другими КЛ, сравнительно хорошими. Лишь зимой 1944/1945, когда Берген-Бельзен стал лагерем для больных заключённых, а в ходе эвакуации других лагерей, находившихся восточнее и западнее (Освенцим, Заксенхаузен, Нацвейлер и др.) начался постоянный приток в Берген-Бельзен больных, как правило, заключённых (их количество при этом стало более 50 000), Берген-Бельзен стал тем страшным лагерем с уровнем смертности в 250–300 человек ежегодно, который 15 апреля 1945 освободили английские части. См., в частности, материалы расследования на Бельзенском процессе в Люнебурге, проведённого британским военным трибуналом (The Belsen Trial, там же), а также Reitlinger, там же, с. 385 и далее.

141

Гауптштурмфюрер СС Йозеф *Крамер* (род. 10.11.1906, эсэсовский номер 32 217) служил в концентрационных лагерях в качестве охранника подразделений СС «Мёртвая голова». К 1940 в Освенциме Крамер уже пять месяцев был адъютантом Гесса. Позднее служил в КЛ Нацвейлер. В мае 1944 он стал комендантом Освенцима-II (Биркенау) вместо снятого с этой должности и назначенного комендантом концлагеря Нацвейлер Хартйенштейна (см. выше, с. 118, прим. 1). Оттуда 1 декабря 1944 Инспекция КЛ отозвала Крамера в Берген-Бельзен и он оставался его комендантом до прихода англичан (см. The Belsen Trial, там же, с. 156 и далее).

142

141 Группенфюрер СС доктор технических наук Хайнц *Каммлер*. До 1941 был директором строительства люфтваффе, в 1941 Гиммлер перевёл его в ВФХА. Там Каммлер, став начальником службы С, ведал всем строительством СС. В Кракове Гесс написал о Каммлере особую, не публикуемую здесь записку (на 3 листах).

143

Эвакуация из Освенцима произошла 18 января 1945. См. Nürnbg. Dok. PS-3548 и NOKW-2824, а также рассказ Гесса об обстановке, которой сопровождалась эвакуация (с. 140 и далее).

144

Об этой, проведённой в марте 1945 инспекторской поездке, и в особенности об осмотре Берген-Бельзена и тогдашнем положении см. также показания Поля, данные при его допросе 13.6.1946 (Nürnbg. Dok. NO-47–28).

145

«Миттельбау» было обозначением строительных площадок и подземных заводов, которые с лета 1943 сооружались близ д. Зальца в округе Нордхаузен, а также в других местах Гарца фирмой «Миттельверке гмбх». Производства предназначались прежде всего для изготовления ракет «Фау», и на них работало огромное количество заключённых. Из рабочей команды КЛ Бухенвальд при так наз. заводе Дора возник лагерь Дора (т. е. «Миттельбау»). Уже в 1943 в этом лагере, заключенным которого приходилось и днём, и ночью находиться в штольнях, сложились катастрофические условия труда и жизни. (См. показания Черчера о его осмотре лагеря Дора осенью 1943 — Nürnbg. Dok. NO-1564). 28.10.1944 команды заключённых, работавших на различных предприятиях «Дора» в Гарце, были объединены в отдельном КЛ Дора. Основной лагерь в Зальце насчитывал тогда около 24 000, а другие команды около 8000 заключённых (см. Nürnbg. Dok. NO-2317). Весной 1944 количество приписанных к КЛ Миттельбау («Дора») заключённых выросло до 50 000, при том, что количество ежедневно умиравших было очень большим. Когда в начале апреля американцы приблизились к Южному Гарцу, Гиммлер отдал приказ об удушении газом всех заключённых КЛ Миттельбау, находившихся в подземелье. Лишь благодаря ряду случайностей, этот план не удалось осуществить и, наконец, в середине апреля 1945 заключённые были переведены из Миттельбау в Берген-Бельзен. (См. Nürnbg. Dok. NO-1948, NO-2326, NO-2619, NO-2631).

См. об этом The Belsen-Trial, выше.

147

Согласно данным расследования, которое после войны провёл профессор демографии д-р Арнтц, во время Второй мировой войны в результате воздушных налётов союзников были убиты около ½ миллиона гражданского населения Германии. См.: H. Arntz: Die Menschenverluste im zweiten Weltkrieg. In: Bilanz des zweiten Weltkrieges. — Oldenburg/Hamburg 1953, S. 442. — В отличие от этих данных, Федеральная служба статистики оценивает общее количество жертв воздушных налётов среди гражданского населения Третьего рейха в 410 000 человек. — См. Wirtschaft und Statistik. 8. Jg., H. 10 (Okt. 1956), S. 494.

148

Здесь Гесс ссылается на уже упоминавшиеся выше, не публикуемые тут записки об Айке, Глюксе, Либехеншеле, Маурере и Каммлере. В этой связи стоит также порекомендовать приведённое в Nürnbg. Dok. NO-498 штатное расписание ВФХА, а также показания Гесса от 14.3.1946 относительно начальников и функционеров отдельных служб внутри отдела D ВФХА (Nürnbg. Dok. NO-1210).

149

См. выше, стр. 136, прим. 5. О производстве оружия «Фау» на подземных заводах Миттельверк см. также: Walter Dornberger: V 2. Der Schuß ins Weltall. Geschichte einer großen Erfindung. — Eßlingen 1952, S. 281 ff.

150

Согласно заявлению Поля от 3.4.1947 (Nürnbg. Dok. NO-2736) и подтверждающему эти показания заявлению его бывшего адъютанта (Nürnbg. Dok. NO-1565), Гиммлер отдал письменный приказ, по которому высшие офицеры СС и полиции, ответственные за конкретные концлагеря, назначались ответственными за их эвакуацию в случае приближения противника. Вероятно, этот приказ был отдан в середине января 1945 (см. Nürnbg. Dok. NO-1876, а также приказ об эвакуации КЛ Штутхоф — Nürnbg. Dok. NO-3796). По поводу Освенцима Поль заявил (см. выше), что уже при посещении лагеря осенью 1944 он получил от тогдашнего коменданта Освенцима штурмбанфюрера СС Байера планы эвакуации, которые Байер выработал вместе с командующим СС и полицией Силезии обергруппенфюрером СС Шмаузером.

151

Штурмбанфюрер СС Рихард Байер (род. 9.9.1911, эсэсовский номер 44 225) с 1933 по 1939 служил в КЛ Дахау, в первый год войны был на фронте в дивизии СС «Мёртвая голова», после ранения в 1942 снова был отправлен в концлагеря; затем он был адъютантом в КЛ Нойенгамме, затем (1943) адъютантом Поля в ВФХА. В июне 1944 Поль назначил Байера начальником гарнизона Освенцим и комендантом КЛ Освенцим-I — после того, как Либехеншель (см. выше, с. 131, прим. 2) по личным мотивам был признан «неприемлемым» и его перевели в Люблин (см. об этом неопубликованную записку Гесса о Байере от ноября 1946).

152

В Гросс-Розене (округ Швайдниц в Нижней Силезии) с мая 1941 находился концентрационный лагерь, в котором содержались (1944) около 12 000 заключённых. Гросс-Розен и его многочисленные филиалы в Нижней Силезии, Восточной Саксонии и Судетах должны были, согласно плану эвакуации, принять вывезенных из Освенцима заключённых. Но уже 21.3.1945 лагерь Гросс-Розен сам оказался переполненным и его переместили в Райхенау (Богемия), где 5.5.1945 он был освобождён. См. Catalogue of camps and prisons in Germany and German occupied territories. Hrsg. v. Internat. Tracing Service. — Arolsen 1949, vol. I, S. 273).

153

Обергруппенфюрер СС Генрих *Шмаузер* (род. 18.11.1890, эсэсовский номер 3359) был командующим участком «Юго-восток» (Силезии) и одновременно командиром СС и полиции в этом районе. В соответствии с приказом Гиммлера (см. выше, с. 140, прим. 1) он, исполняя эти должности, отвечал за эвакуацию КЛ Освенцим.

154

Полуостров на берегу Балтийского моря западнее Рюгена.

155

Обергруппенфюрер СС, профессор д-р Карл *Гебхардт*, род. 23.11.1897. Друг юности и старый сотрудник Гиммлера, член союза «Оберланд», участник мюнхенского путча 1923. В 1933 Гиммлер перевёл его в СС. Был начальником лечебных заведений Хоэнлинчен [Hohenlynchen] в Бранденбурге, ставших впоследствии госпиталем СС. Гебхардт был одним из высших медицинских чиновников СС. С 31.8.1943 имел титул «Старшего врача-клинициста при штабе главного врача СС и полиции». Незадолго до конца войны был назначен президентом германского Красного Креста. На Нюрнбергском процессе над врачами был приговорён к смерти за причастность к медицинским экспериментам над заключёнными (см.: персональное дело Гебхардта — Nürnbg. Dok. NO-649, затем протоколы и документы Процесса над врачами, а также Reitlinger, см. выше, и Willi Frischauer: Himmler. The evil genius of the Third Reich. — London 1953).

156

Речь идёт о 8-страничном машинописном протоколе, который Гесс подписал 14.3.1946 в 2.30 (Nürnbg. Dok. NO-1210). Он не содержит явных отличий от того, что позднее, в Нюрнберге и в Кракове, Гесс сообщил и, соответственно, подписал.

157

Ганс *Фрицше* (род. 21.4.1900), с 1933 служил в Министерстве народного просвещения и пропаганды, где с 1938 он возглавлял отдел прессы и радио. Получил всеобщую известность благодаря регулярным выступлениям с 1939 на радио в качестве политического комментатора. Международный военный трибунал в Нюрнберге, на котором Фрицше обвинялся в числе главных военных преступников, оправдал его 1.10.1947.

158

156 Д-р Курт фон *Бургсдорф* (род. 16.12.1886), в 1939–1942 помощник статс-секретаря администрации имперского протектората Чехии и Моравии, с 1 декабря 1943 до января 1945 — губернатор Краковского округа в генерал-губернаторстве. За участие в деятельности «преступного фашистского режима» польский народный суд приговорил Бургсдорфа к минимальному наказанию. После трёхлетнего следствия наказание было сочтено исполненным и на основании этого Бургсдорфа отпустили в Германию.

159

157 Вероятно, имеется в виду статс-секретарь д-р Йозеф *Бюлер*, бывший представитель генерал-губернаторства в Краковском округе. 20 июля 1948 в Варшаве Бюлера приговорили к смертной казни (см. выше Reitlinger, S. 581).

160

Штурмбанфюрер СС Амон Леопольт *Гёт*. Был ответственным за ликвидацию в марте 1943 Краковского гетто. Позднее стал начальником еврейского лагеря в Плашуве близ Кракова. Из-за присвоения государственных средств уже осенью 1944 эсэсовский суд провёл в отношении Гёта дознание. 5 сентября 1946 польским народным судом в Кракове был приговорён к смерти (см. выше: Reitlinger, сс. 138, 338 и 583).

161

«Профилактическая борьба с преступностью», которую Гесс безапелляционно представляет «необходимой» и даже ценной, была, насколько это можно понять из данного софистского понятия, тем национал-социалистическим правовым основанием, которое использовалось в качестве крайне удобного предлога для всевозможных незаконных полицейских мер принуждения. Ссылаясь на «профилактическую борьбу с преступностью», можно было арестовывать так называемых «асоциалов», с которыми не позволяли справиться действовавшие законы, причём к этой категории относились и постановления о превентивном аресте лиц, оправданных по приговору суда. Так в Третьем рейхе с самого начала под видом «профилактической борьбы с преступностью» осуществлялось противозаконное вмешательство полиции в интересы правосудия. См.: M. Broszat: Zur Perversion der Strafjustiz im Dritten Reich. In: Vjh. f. Zeitgesch. 4 (1958).

Выполнение высказанной здесь просьбы в буквальном смысле этих слов означало бы отказ от публикации и использования автобиографии. Но это вошло бы в противоречие с повествованием Гесса, создавая которое, он как раз хотел снять покров со своей «души». В Предисловии (см. с. 9 и далее) мы уже касались наигранной, ставшей теперь очевидной, патетики этих последних предложений. С другой стороны, естественно, что издание автобиографии не преследует описание личной жизни Гесса, но служит воссозданию исторического контекста его жизнеописания и выявлению того, что в личности Гесса может считаться типичным и представительным. По той же причине издатели, к примеру, не стали комментировать высказывания Гесса, относящиеся к его семье, а также публиковать его прощальное письмо к жене и детям.

163

См. об этом: H. Buchheim: Das Euthanasieprogramm. — In: Gutachten des Institutes für Zeitgeschichte (München 1958), c. 60 и далее, а также G. Reitlinger, см. выше, стр. 137 и далее, но прежде всего протоколы и документы процесса (так называемого «Врачебного процесса»), проведённого американским военным трибуналом в Нюрнберге против Карла Брандта и товарищей, которые были частично опубликованы в: Trials of War Criminals, Bd I/III.

162 Подведомственные лагерной администрации здания в шталаге, в которых хранилось обмундирование и амуниция для служащих СС. Изначально они принадлежали польской табачной компании (см. выше стр. 88, прим. 2).

165

Очевидно, Фрицш (см. выше, с. 90, прим. 1) оказался инициатором применения «Циклона-Б» для массового отравления газом. Он может считаться изобретателем газовых камер в Освенциме, как это следует из свидетельства бывшего гауптштурмфюрера СС Кара (Nürnbg. Dok. NO-1948), который позже, одновременно с Фрицщем, служил в качестве лагерного врача в КЛ Бухенвальд и в КЛ Дора.

См. выше, с. 123, прим. 3.

167

165 Германские оружейные заводы (ГОЗ) [die Deutsche Ausrüstungswerke (DAW)] после образования КЛ Освенцим создали на территории лагеря филиал. На этом заводе работали до 2500 заключённых (см. выше Ph. Friedmann, S.65).

168

Строительный двор подчинялся начальнику строительного участка концлагеря Освенцим. В связи с постоянно расширявшимся строительством лагеря, в том числе сооружением крематориев и т. п., он имел особо важное значение.

169

Обер-президент и гауляйтер Верхней Силезии.

170

Штандартенфюрер СС Пауль *Блобель*. О нём и о его деятельности в качестве руководителя работами по эксгумации в целях уничтожения мест массовых захоронений (команда 1005) см. в т. ч. выше: G. Reitlinger, S. 153 и далее, 160 и далее.

171

Куленхоф — польский город Хелмно (округ Коло) примерно в 75 к северо-западу от Лодзи, где в подвалах старого замка уже с 1941 находились первые места массового уничтожения в Польше.

172

Унтерштурмфюрер СС Франц Гёсслер (род. 4.2.1906), шутцхафтлагерфюрер в Биркенау. По своей должности Гёсслер, среди прочего, наблюдал за акциями по уничтожению в крематориях Биркенау. Подробнее о Гёсслере, который в апреле 1945 через КЛ Дора прибыл в Берген-Бельзен, см. выше: The Belsen-Trial, S. 195 и далее.

173

Об этой поездке, в которой также принял участие унтерштурмфюрер СС Деяко из КЛ Освенцим, см. его заметки от 17.9.1942 о «командировке в Лицманштадт» (Nürnbg. Dok. NO-4467).

172 Эти показатели скорее завышены. В отличие от Гесса, бывший польский следователь Я. Сень (см выше: Oświecim-Brzezinka) считает, что из всех евреев, прибывших в Освенцим с 1942, пригодными к работе были признаны лишь 10 %, остальные же были убиты в газовых камерах. Полная ясность в этом вопросе едва ли может быть достигнута. Два документа, имеющиеся в распоряжении Института современной истории, свидетельствуют о том, что доля евреев, признанных во время селекций пригодными к работе, была меньше 25 %. Из письма начальника отдела трудоиспользования КЛ Освенцим оберштурмбанфюрера СС Шварца от 20.2.1943 в службу D II ВФХА (находится в документах краковского процесса, проведённого польским народным судом против 40 служащих штаба СС в Освенциме; фотокопия в Инст. совр. ист., архивн. номер Fa 86) следует, что из 5022 евреев, которые тремя транспортами прибыли из Терезиенштадта в Освенцим в феврале 1943, были уничтожены 4092, в то время как 930 (то есть 18,5 %) были отобраны в качестве работоспособных. Ведомость, которую составил врач-заключённый д-р Волькен в карантинном пункте Биркенау, касается множества еврейских транспортов, с которыми в 1944 прибыли 31 941 еврей (находится в документах процесса, проведённого польским народным судом против Гесса; фотокопия в Инст. совр. ист., архивн. номер Fa 86). Из этой ведомости явствует, что в карантин от общего числа прибывших были доставлены как работоспособные 7253 человека, то есть 23 %, в то время как остальные были задушены газом.

175

Существование приказа Гиммлера о прекращении ликвидаций евреев, отданного осенью 1944, до сих пор документально не доказано, хотя сам факт прекращения несомненно подтверждается различными свидетельским показаниями (см. выше: Reitlinger, S. 516 и далее). О политических причинах, которые осенью 1944 вынудили Гиммлера остановить уничтожение евреев, см. также: The Schellenberg Memoirs. — London 1956.

176

После оккупации Венгрии 19.3.1944 венгерские евреи, прежде не подвергавшиеся организованному истреблению, были включены в программу «окончательного решения». В течение 2 месяцев с мая 1944 большая часть из примерно 400 000 венгерских евреев была депортирована в Освенцим и уничтожена. Причём по своей основательности и скорости исполнения это была самая результативная из всех акций по уничтожению евреев, которые проводились где-либо в подвластных Германии странах. См.: Eugene *Levai*: Black Book on the Martyrdom of Hungarian Jewry. — Zürich 1948, а также: Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. — München 1958, S. 200–228.

177

Далее в рукописи (на обратной стороне листа 9) следует опущенное здесь сообщение об опытах, которые проводили в Освенциме над заключёнными врачи СС. Эти сообщение Гесс сделал на листе, неисписанную сторону которого он позднее сделал листом 9 своей записки об «окончательном решении» (согласно рассказу д-ра Яна Сеня, который в Кракове вёл следствие по делу Гесса, об обстоятельствах возникновения этой записки). Чтобы сохранить изначальную тему записки об «окончательном решении», упомянутое сообщение в настоящем издании опущено.

178

См. заявление Гесса, равносильное данному под присягой, в Нюрнберге от 5.4.1946 (IMG, XXXIII, PS-3868), а также его показания во время судебного разбирательства Международного военного трибунала от 15.4.1946 (IMG, XI, S. 458).

Следует обратить самое серьёзное внимание на то, что приведённые Гессом цифры ни в коем случае не являются надёжным основанием для установления количества евреев, уничтоженных в Освенциме. Так, например, количество в 90 000 евреев из Словакии слишком завышено, тогда как другие группы, об отправке которых в Освенцим есть твёрдо установленные данные (из Хорватии, Италии, балтийских стран), не упомянуты вообще. Попытку систематического подсчёта общего количества евреев, убитых в газовых камерах Освенцима, предпринял среди прочих и G. Reitlinger (см. выше, с. 522 и далее). Однако результаты этого подсчёта тоже не могут считаться окончательными.

180

Последние две страницы записки опущены. В них Гесс описывает роль еврейских зондеркоманд при уничтожении евреев, используя практически те же слова, которые он уже высказал в автобиографии (с. 124 и далее). Этот фрагмент представляет собой только повторение. Записка завершается рассказом об информации относительно запланированных убийств евреев из Румынии, Болгарии, Греции, Италии и Испании, которую Гесс хотел получить от Эйхмана, эти планы создававшего. При этом Гесс называет, среди прочего, совершенно ошибочные данные о численности этих евреев (к примеру, он говорит о двух с половиной миллионах болгарских евреев). Уже поэтому эти сообщения можно считать совершенно недостоверными. Поскольку речь идёт передаче полученной от Эйхмана информации (предположительно, сильно искажённой), пропуск этого места, во избежание дезориентации, кажется нам вполне оправданным.

181

См. об этом выше, с. 86.

См. выше, с. 65, прим. 3

183

Здесь и в некоторых последующих местах рукописный оригинал не поддаётся прочтению. Соответствующие буквы или слова либо опущены (что отмечено отточием), либо, если была такая возможность, восстановлены (в квадратных скобках).

184

183 В каждом концентрационном лагере имелся политический отдел, начальник которого был служащим гестапо или криминальной полиции, и который подчинялся местному управлению гестапо или, соответственно, криминальной полиции. Начальник политического отдела отвечал за проведение допросов заключённых, за их регистрацию (картотеку заключённых), за освобождение из заключения, за доставку в полицию и т. д. В своей непубликуемой здесь записке о распорядке в КЛ (на 11 листах) Гесс подробно описал компетенцию начальника политического отдела. В той же записке Гесс набросал по памяти схему организации внутри концентрационного лагеря, которая воспроизводится здесь:

I. *Комендатура*: комендант лагеря; адъютант — штабс-шарфюрер; цензура почты.

II. *Политический отдел*: начальник полит. отд.; служба регистрации.

III. *Шутцхафтлагер*: шутцхафтлагерфюрер; рапортфюрер; начальник блока; начальник службы труда; начальник рабочих команд.

IV. *Администрация*: 1. Начальник администрации; управление имуществом заключённых; инженер лагеря

V. *Врач лагеря*.

VI. *Охрана*: начальник службы.

185

См. распоряжение об «обеспечении превентивно арестованных и их родственников» в Полном собрании распоряжений РСХА (AES) под шифром 2FVIII.

См. выше с. 132, прим. 1.

187

См. выше, с. 136, прим. 2.

PVH (Politische Vorbeugungshäftlinge) — «политико-профилактические заключённые» (об этом понятии см. с. 148, прим. 1).

189

Д-р Генрих *Яспер* (род. 1875), многолетний брауншвейгский премьер-министр до 1933. 18.3.1933 Яспер был арестован, а в 1935 переведён из тамошней военной тюрьмы в Дахау. Позже он прибыл в Заксенхаузен. В 1939 его освободили, в августе 1944 арестовали снова. Наконец он умер 20.2.1945 в Берген-Бельзене в результате жестокого обращения (см. Walter Hammer: Hohes Haus in Henkers Hand. — Frankfurt/M. 1956, D. 55).

190

Штурмбанфюрер СС Генрих Фогель служил в ВФХА СС в служебной группе W (=Wirtschaft — хозяйство) при бригадефюрере СС Лёрнере. Он был шефом службы V (земельное, лесное и рыбное хозяйства); см. о специализации отделов и служб ВФХА (Nürnbg. Dok. NO-498). В его компетенции находились, среди прочего, вопросы управления перенесёнными в Освенцим сельскими хозяйствами и предприятиями и их использования.

191

О строительстве дамбы на Висле возле Освенцима: Гесс в Нюрнберге рассказал д-ру Гилберту, что он (Гесс) считал, что для реализации этого плана потребуется три года. Однако Гиммлер приказал построить дамбу за год, и это было сделано (см. выше Gilbert, с. 250).

192

Обергруппенфюрер СС Генрих Шмаузер (см. выше с. 142, прим. 1).

193

См. показания Гесса от 15–20 мая 1946 в Нюрнберге в связи с процессом по делу «ИГ Фарбен» (см. выше Предисловие, с. 8, прим. 1), а также о переговорах Гесса с директором ИГ в Освенциме — W. Dürrfeld, Nürnbg. Dok. NI-5956).

194

См. выше, с. 153.

195

Это посещение произошло 17–18 июля 1942 (см. личное дело).

См. выше, с. 114, прим. 1.

197

Штурмбанфюрер СС Карл *Бишоф*, с 1.10.1941 начальник строительства КЛ Освенцим. О нём Гесс рассказал в Кракове в особой записке (1 лист; здесь не опубликована).

198

Taraxacum kok-saghyz — единственное каучуконосное растение, произрастающее также в Европе. Во время Второй мировой войны для получения каучука его в огромных количествах возделывали также в Англии, Швеции и в др. странах.

199

Начальник сельскохозяйственных производств в Освенциме (см. выше с. 114, прим. 1).

200

199 Подтверждается сообщением отделу кадров ВФХА от 27 июля 1942, в котором говорится: «Согласно сообщению служебной группы D, рейхсфюрер СС в связи с его посещением 18.7. КЛ Освенцим, присвоил коменданту лагеря штурмбанфюреру СС Рудольфу Гессу, род. 25.11.1900, чин оберштурмбанфюрера СС. Приказ введён в действие 18.7.1942». Позже, по случаю «дня рождения фюрера», 20.4.1943 Гесс был награждён Крестом военных заслуг с мечами (личное дело Гесса).

201

См. выше, с. 140, прим. 1.

202

Замечание Гесса о судьбе КЛ Бухенвальд до освобождения американскими частями содержит некоторые неточности. В Бухенвальде к апрелю 1945 содержались не 100 000, а 47 000 заключённых. Кроме того, их эвакуация была предотвращена лишь частично. В то время как непосредственно перед освобождением были вывезены 26 000 заключённых, около 21 000 заключённых пережили вступление в лагерь американцев. См. подробное описание последних драматических дней КЛ Бухенвальд, которое сделал Ойген Когон (E. Kogon, S. 275 и далее).

203

Бригадефюрер Вальтер *Шелленберг* (род. 16.1.1910, эсэсовский номер 124 817) с июня 1941 был шефом службы VI (служба внешней разведки) в РСХА. После 20 июля 1944 военная служба внешней разведки (отдел контрразведки верховного главнокомандования вооружённых сил), находившаяся под руководством адмирала Канариса, была передана в ведение службы безопасности, и её начальником стал Шелленберг. Об особой миссии Шелленберга в качестве посредника между Гиммлером и шведским графом Бернадоттом в последние дни войны, которую, возможно, Гиммлер хотел использовать, чтобы получить убежище в Швеции, см. The Schellenberg Memoirs, S. 443 и далее.

При упоминаниях офицеров СС приводится последний чин перед окончанием войны.